

М. КОВАЛЕВСКИЙ
ОЧЕРК
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ
СЕМЬИ
и
СОБСТВЕННОСТИ

СПИЗ • СОЛЗКРИЗ • 1939

М. КОВАЛЕВСКИЙ

ОЧЕРК
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ СЕМЬИ
И СОБСТВЕННОСТИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
С. П. МОРАВСКОГО

*под редакцией
с предисловием и примечаниями*

профессора М. О. КОСВЕНА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА
1939

Переиздаваемая в новом переводе работа известного русского ученого конца XIX в. М. М. Ковалевского представляет собой курс лекций, прочитанных им в 1890 г. на французском языке в Стокгольмском университете. Книга рассчитана на широкие круги советского читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«До начала шестидесятых годов говорить об истории семьи не приходится», — пишет Энгельс в своем предисловии к «Происхождению семьи, частной собственности и государства»*. Действительно, вплоть до этой даты буржуазная наука находилась целиком в плену созданной еще в античности так называемой «патриархальной теории», по которой патриархальная семья, возглавляемая неограниченным ее владыкой — отцом — и воплощающая начала частной собственности, власти и единобожия, считалась исконной и незыблемо проходящей через все века ячейкой человеческого общежития. В 1861 г. вышел труд швейцарского юриста и археолога Иогана Якова Бахофена «Материнское право» — труд, давший впервые в истории науки набросок истории брака и семьи и противопоставивший патриархальной теории идею матриархата. В 1877 г. появилось основное сочинение американского этнографа Льюиса Генри Морган «Древнее общество», развившее учение об эволюции брака, семьи и рода и положившее начало научной истории первобытного общества. Однако идеи обоих названных ученых падают на неблагоприятную почву застойности буржуазной мысли; книги их в течение длинного ряда лет остаются почти безвестными, и в науке попрежнему господствует патриархальная теория.

Великий, решающий рубеж в истории науки о первобытности составляет появление в 1884 г. гениального труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», давшего, в развитие идей Бахофена и Морган, исчерпывающую по глубине историю первобытного общества вплоть до возникновения государства. Появление этого труда решает судьбу идей Бахофена и Морган и дает торжество новому учению о первобытности. Труд Энгельса оказывает глубочайшее влияние на науку. Патриархальная теория получает жесточайший удар, и в течение ряда лет, следующих за выходом в свет труда Энгельса, новые идеи о развитии первобытного общества, идеи на-

* *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 118.

чального промискуитета, группового брака, возникновения и развития рода, двух последовательных ступеней в развитии родового строя: матриархата и патриархата, идея распада рода и возникновения государства, — все это получает широкое признание в науке. Правда, сравнительно вскоре, уже в начале 90-х годов прошлого века, начинается реакция, патриархальная теория, возглавленная датским ученым Старке, а затем и другими, вступает в контратаку, и с течением времени буржуазная наука вновь скатывается на реакционные позиции в вопросах истории первобытности. На этих позициях, надо сказать, буржуазная наука остается и по сегодняшний день.

Одним из тех буржуазных авторов, которые в значительной мере оказались под влиянием нового учения о первобытности, в частности, под влиянием труда Энгельса и притом одним из тех — в данном отношении немногих авторов, — которые по некоторым основным вопросам первобытной истории продолжали и впоследствии стоять на прогрессивных позициях, был русский ученый М. М. Ковалевский.

Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) родился в семье богатого харьковского помещика. По окончании в 1872 г. Харьковского университета по юридическому факультету Ковалевский уехал за границу для продолжения образования и работы в архивах, подготавливая докторскую диссертацию. Вернувшись в Россию, Ковалевский в 1877 г. стал преподавать в Московском университете, сначала в качестве доцента, а с 1880 г. — в качестве профессора. Читал Ковалевский курс государственного права, а также ряд специальных курсов по истории права. Примкнув к либеральному крылу московской профессуры, Ковалевский вошел в круг наиболее даровитых и прогрессивных ученых того времени. Вместе с несколькими своими товарищами по университету он основал в 1877 г. либеральный журнал «Критическое обозрение», просуществовавший, впрочем, недолго. Одновременно Ковалевский стал принимать активное участие в журнале «Юридический вестник».

Лекции Ковалевского по государственному праву пользовались большой популярностью и посещались студентами разных факультетов. В этих лекциях Ковалевский постоянно проводил сравнение — в весьма радикальном духе — русской самодержавной действительности с конституционным строем Западной Европы. Это не могло не обратить на себя внимание «начальства» вплоть до московского генерал-губернатора. За лекциями Ковалевского было установлено специальное наблюдение. Затем его предмет был исключен из числа подлежащих обязательному зачету, однако число слушателей этого «необязательного» курса

не уменьшалось. Тогда Ковалевскому было предложено подать прошение об отставке, но он отказался. Наконец, непокорный профессор был в 1887 г. уволен из университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю». В том же году Ковалевский уехал за границу, став на много лет «полуэмигрантом».

Еще во время своего первого пребывания за границей Ковалевский завязал там научные и дружеские связи с рядом ученых и выдающихся людей того времени. В числе этих людей были К. Маркс и Ф. Энгельс. Знакомство Ковалевского с великими основоположниками началось в 1874—1875 гг. и поддерживалось частыми свиданиями во время приездов Ковалевского в Лондон и оживленной перепиской Ковалевского с Марксом (переписка эта, к сожалению, не сохранилась). Маркс называл Ковалевского своим «другом по науке». «Книгу Ковалевского я получил от него самого, — писал Маркс 19 сентября 1879 г. Н. Даниельсону (Николаю — ону). — Он принадлежит к числу моих «друзей по науке» («scientific friends») и приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея»*. Знакомство с Марксом и Энгельсом имело для Ковалевского громадное значение, и учение великих основоположников оказало на молодого русского ученого довольно сильное влияние.

Став сразу заметной фигурой в среде проживавших за границей русских опальных ученых и общественных деятелей, эмигрантов и полуэмигрантов, Ковалевский после смерти Тургенева считался как бы главой русской либеральной эмиграции. Свободно владея многими иностранными языками, Ковалевский за время своего пребывания в Западной Европе и Северной Америке читал в различных университетах и научных учреждениях лекции и эпизодические курсы, издавал свои труды на иностранных языках, сотрудничал в различных журналах, состоял членом множества обществ и т. д. Одновременно Ковалевский печатался и в России. В 1901 г. Ковалевский основал в Париже «Русскую высшую школу общественных наук», где преподавал ряд в то время опальных русских ученых. Весной 1902 г. наездом из Лондона читал в этой школе лекции также В. И. Ленин.

В 1905 г. Ковалевский вернулся в Россию и стал принимать активное участие в политической жизни, в том же году был избран в I Государственную думу, а в 1907 г. вошел в Государственный совет, издавал свою

* *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 62. Речь идет о книге Ковалевского «Общинное землевладение», прислать которую Даниельсон предлагал Марксу в одном из своих предшествующих писем.

газету, редактировал журнал «Вестник Европы» и пр. Одновременно Ковалевский возобновил и преподавательскую деятельность, читая ряд курсов в университете и других высших учебных заведениях Петербурга. К тому времени Ковалевский в значительной мере «поправал» и в своей политической деятельности держался уже весьма умеренных взглядов, занимая позицию между кадетами и октябристами. Реакционная по сути дела деятельность Ковалевского в Государственном совете неоднократно отмечалась В. И. Лениным.

Как научный работник Ковалевский отличался весьма широким кругом интересов. Специализировавшись в начале своей научно-исследовательской деятельности по государственному праву, Ковалевский избрал темой своей первой работы, напечатанной в 1876 г., историю юрисдикции налогов во Франции. Расширяя и значительно разнообразя свои темы, Ковалевский в течение своей дальнейшей жизни написал ряд основательных работ и большое количество статей по вопросам государственного и административного права, по вопросам конституции, по истории демократии, по истории хозяйства, по национальному, рабочему и аграрному вопросам, по истории политической мысли, истории социологии, на различные политические темы и т. д. Из его работ, относящихся к этим областям, основными являются следующие капитальные труды: «Происхождение современной демократии», 4 тома, Москва, 1895—1897; т. I, 3-е изд., СПб, 1912; «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», 3 тома, Москва, 1898—1903; немецкое значительно дополненное издание в 7 томах, Берлин, 1901—1914; «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму», 3 тома, Москва, 1906. Остается упомянуть, что Ковалевский отредактировал и снабдил предисловиями ряд переводных книг, написал множество рецензий, статей в энциклопедическом словаре, некрологов, ряд воспоминаний и пр. Литературное наследство Ковалевского поразительно велико.

Но нас больше должны интересовать сейчас работы Ковалевского в области первобытной истории, этнографии и обычного права.

Еще очень рано, параллельно со своими первыми работами по государственному праву, Ковалевский обратился к изучению общины. Его первой работой в этой области был написанный во время первого его пребывания за границей на основе материалов, собранных на месте, в Швейцарии, «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт» (1876). Продолжая свои исследования вопроса об общине, Ковалевский написал ши-

роко задуманную работу «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», напечатав в 1879 г. лишь первую часть этой работы, оставшейся таким образом незаконченной, представляющей, однако, и в таком виде весьма основательное исследование предмета. В значительной мере истории общины посвящена книжка Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1890). К этой работе, составляющей предмет настоящего издания, мы вернемся ниже.

В свою очередь еще во время своего первого пребывания за границей Ковалевский заинтересовался работами английского юриста и историка права Генри Сомнера Мена, оказавшись под некоторым влиянием метода этого ученого и сохранив к нему надолго некий пиетет, но не поддавшись влиянию его реакционных, исходивших из позиции патриархальной теории, положений. Под влиянием именно работ Мена Ковалевский, начав преподавание в Московском университете, открыл специальный курс по сравнительной истории права. В основу построения этого курса Ковалевский положил «историко-сравнительный метод», состоящий в сопоставлении права так называемых исторических народов, права, зафиксированного письменными памятниками, и права обычного, неписанного, создаваемого в распаде первобытного общества. Соединение и сопоставление исторического и этнографического материала практиковалось в науке и до Ковалевского, но он первый развил и затем широко применил этот прием в своих исследованиях. Этой методологической теме посвящена специальная брошюра Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880).

В связи со своим интересом к обычному праву Ковалевский совершил в 80-х годах частично вместе со своими друзьями, языковедом В. Ф. Миллером и экономистом И. И. Иванюковым, несколько научных поездок по Кавказу, где занимался изучением архивов и полевой этнографической работой. Результатом этих поездок явился сначала ряд статей, а затем две капитальные работы: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», 2 тома (1886) и «Закон и обычай на Кавказе», 2 тома (1890). Сюда же относится небольшая работа об обычном праве кавказской народности — татов, напечатанная в «Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» в 1888 г.

В 1877 г., во время своей поездки в Северную Америку, Ковалевский познакомился с только что вышедшим тогда трудом Л. Г. Моргана «Древнее общество», а в 1884 г. — с гениальным трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эти работы оказали на Ко-

валевского сильное влияние в связи с тем оживлением интереса к вопросам первобытной истории, которое они вызвали, а равно в связи с собственными занятиями Ковалевского по истории права привели Ковалевского к широким вопросам начальной организации человеческого общества. Первым результатом работы Ковалевского в этой области явилась монография «Первобытное право», первый выпуск которой посвящен вопросу о роде, второй — о семье (1886). Следующей, имеющей еще более широкий тематический охват, работой Ковалевского является его эпизодический курс лекций по истории семьи и собственности, прочитанный в 1890 г. в Стокгольмском университете на французском языке и в том же году изданный в Стокгольме под заглавием «Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété».

Около того же времени Ковалевский прочитал в Англии, в Оксфордском университете эпизодический курс на тему о современных обычаях и древнем праве России, где трактовал вопросы истории семьи, домовой и сельской общины, народоправства и рабства. Курс этот был издан в 1891 г. на английском языке под заглавием «Modern customs and ancient laws of Russia», не быв переведен на русский язык и оставшись — надо сказать, незаслуженно — почти совершенно неизвестным в России.

В последующие годы Ковалевский несколько ушел от вопросов первобытной истории, отойдя к другим интересовавшим его темам. Лишь по возвращении в 1905 г. в Россию Ковалевский вновь обратился к первобытной истории, прочитав в петербургских высших учебных заведениях ряд соответствующих курсов и выпустив в последующие годы три большие работы. Монография «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (1905) представляет собой в значительной мере расширенную переработку первой части его «Первобытного права». Попыткой дать общую социологическую трактовку первобытности является «Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности», вышедшая в виде II тома задуманной им общей «Социологии» (1910). Наконец, еще одной попыткой такой же обобщающей работы по первобытной истории является «Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии» — один из разделов коллективного труда «Итоги науки в теории и практике», т. X (1914). Последней небольшой работой Ковалевского в области первобытной истории была статья «Обособление дозволенных и недозволенных действий», помещенная в вышедшем под редакцией Ковалевского неперiodическом издании сборников «Новые идеи в социологии» (1914).

Обращаемся к общей характеристике научной продукции Ковалевского в области первобытной истории. Основными темами, трактовавшимися Ковалевским в данной области, были: семья, род и община вместе с историей собственности. В вопросах начальной истории семьи Ковалевский не дал ничего оригинального, оставаясь эклектиком. В заслугу ему, здесь можно поставить то, что он последовал в самых общих чертах за новым учением о первобытности, резко и определенно отвергнув патриархальную теорию. В частности, весьма твердую позицию занял Ковалевский в вопросе о матриархате. Надо знать, что в результате той контратаки патриархальной теории, о которой мы говорили, реакционная буржуазная наука всячески изощрялась либо в полном отрицании матриархата, либо в извращении его исторического места и значения. Если матриархат в том или ином понимании и принимался, то существование его признавалось только не для так называемых «арийских» народов. Создалась таким образом своеобразная «не-арийская» теория матриархата. Заслугой Ковалевского является то, что он с самого начала и до конца своей научно-литературной деятельности твердо стоял на позиции универсально-исторического места матриархата и немало сделал для доказательства и пропаганды этого положения. Правда, его понимание матриархата было весьма ограниченным и не свободным от серьезных ошибок. Матриархат в его представлении оказывался суммой отдельных порядков и форм, а не широким общественным строем прошлого.

Гораздо более самостоятельными и плодотворными представляются исследования Ковалевского по проблеме рода. И в данной проблеме буржуазная наука заняла весьма своеобразную позицию: если в вопросе о матриархате фигурировала, как мы сказали, «не-арийская» теория, то в вопросе о роде, наоборот, выставлялась «арийская» теория, и существование рода признавалось исключительно для так называемых «арийских» народов. В основе того и другого положения лежала уже в те времена чисто расистская точка зрения, попытка провести резкую грань и доказать принципиальное различие общественного строя той и другой группы народов, одних — высших, других — низших. Учение о роде, как известно, было впервые выставлено и развито Морганом. Но подлинно глубокое и широкое истолкование истории рода в его двух последовательных формах — материнского и отцовского, — истолкование распада родового строя, возникновения в нем классовых начал и превращения родоплеменного строя в государство — было дано только Энгельсом. Отвергнув положение патриархальной теории, по которому род представляет собой разросшуюся семью, и последовав за Энгельсом, Ковалевский в ряде своих работ,

в особенности в «Родовом быте», собрал обширный материал, характеризующий различные стороны родового строя и родовых отношений, причем впервые описал род у народов Кавказа, и таким образом вновь подтвердил универсально-историческое распространение этой общественной формы. Все же экспозиция Ковалевского в данной области отличается скорее широтой, чем глубиной.

Наконец, весьма значительна заслуга Ковалевского в области разработки вопроса об общине. Вопрос этот, в свою очередь, имеет свою историю в буржуазной науке. Одну из особенностей трактовки данного вопроса в буржуазной литературе составляет нечеткость самого понятия общины и неувязка представлений о двух совершенно различных — и исторически, и по своей сущности — видах общины: общины домово́й, или так называемой «большой семьи», и общины соседской, или сельской. С другой стороны, существование домово́й общины признавалось, а соседской общины отрицалось (или наоборот) для одного и того же народа. Заслуга Ковалевского заключается прежде всего в том, что он впервые четко разграничил эти две формы, в ряде своих работ дал подробную и довольно разностороннюю характеристику той и другой, осветил немало частных вопросов, связанных с данной темой, и, наконец, доказал универсальное распространение этих форм, наметив их историческое место. И здесь Ковалевский делал некоторые ошибки, частично исправлявшиеся им в последующих работах, и здесь характеристика обеих форм у Ковалевского далеко не полна и иногда не глубока. Развитие собственности исследуется Ковалевским в тесной связи с историей общины. Последовав за уже распространившимся в буржуазной науке, хотя и яростно оспариваемым признанием коллективной формы собственности как первичной, Ковалевский неплохо для своего времени и своих методологических возможностей очертил эволюцию собственности, выставив ряд заслуживающих внимания положений.

С точки зрения методологической, резко сказывается во всех работах Ковалевского его юридический подход к исследованию явлений и форм, переходящий в лучшем случае в социологизм. Метод Ковалевского, оторванный от учения о развитии производительных сил и материалистической диалектики исторического процесса, конечно, очень далек от марксизма. В своих общих работах последнего времени (1910 и 1914 гг.) Ковалевский попытался вернуться к издавна выставленному буржуазной наукой генетизму, т. е. попытке объяснить все явления путем исследования их происхождения. Соединение этого генетизма с социологизмом и дало то, что Ковалевский назвал «генетической социологией». Далек от марксизма и более ранний методологический

прием Ковалевского — его «историко-сравнительный метод». Однако для своего времени и в своем роде этот путь Ковалевского был более плодотворным и дал ему все же возможность создавать экспозиции весьма широкого охвата, основанные на большом и разнообразном материале и как таковые не лишенные убедительности. В частности, большое значение, притом особое в связи с помянутыми «арийской» и «не-арийской» теориями, имело то, что Ковалевский обильным образом ввел в свои исследования, впервые для западноевропейской науки, совершенно незнакомый ей славянский и кавказский материал. Несомненна заслуга Ковалевского и как этнографа-кавказоведа опять-таки в том отношении, что им был собран обширный материал и дано описание ряда институтов обычного права, в особенности относящихся к родовому строю. Поэтому кавказоведческие работы Ковалевского по сей день сохраняют свое научное значение. В конце концов все вообще работы Ковалевского представляют собой громадное собрание материала, широкое описание различных общественных форм и институтов, убедительное доказательство их всеобщего распространения, наконец, нередко и весьма удачное разрешение отдельных вопросов.

К сожалению, изложение Ковалевского не всегда систематично, иногда прямо неряшливо. Небрежны и неточны его цитаты и ссылки. Даже в ссылках на свои собственные статьи Ковалевский иногда ошибается. Все это в известной мере объясняется и частично оправдывается той скорее «полукочевой» жизнью, которую он вел, и его готовностью положиться на свою, правда, замечательную память. Особой несистематичностью и расплывчатостью отличаются его последние, 1910 и 1914 гг., работы по первобытной истории. Вместе с тем, пытаясь здесь высказаться по очень широкому кругу вопросов, Ковалевский впадает в еще больший эклектизм, переходящий в дилетантство. Наконец, вместе со своим политическим «поправлением» Ковалевский в этих последних своих работах по ряду вопросов прямо отступил на реакционные позиции. Вот почему эти работы Ковалевского не имеют научного значения.

Основными темами издаваемой ныне в русском переводе работы Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» являются: начальная история семьи в смене матриархата патриархатом, история домового и сельской общины и, наконец, история поземельной собственности. В вопросах начальной истории семьи Ковалевский и здесь остается, как было сказано, эклектиком, и значение имеет тут лишь его тезис об универсальности матриархата. Наиболее основательно разработана Ковалевским история семьи в патриархальном обществе. На обиль-

ном материале Ковалевский впервые в литературе показал, что известным издавна образцам большой патриархальной семьи или домово́й общины югославянской «задруге» и русским «печище», «огнище» и пр. совершенно аналогичны подобные же общественные формы самых различных народов и что, следовательно, эта форма является универсальной. Правильно установил Ковалевский и историческое место домово́й общины как формы, специфически свойственной патриархату. Широко, на большом и разнообразном материале очерчены, далее, внутренние отношения в этой общине, процесс ее разложения и история возникновения и развития индивидуальной, «малой» семьи. Все эти темы исследуются автором в тесной связи с эволюцией собственности. Главы, посвященные Ковалевским истории большой и малой семьи, остаются и по сей час наиболее основательным и исчерпывающим исследованием предмета в существующей литературе. Не менее ценными являются страницы, посвященные сельской общине, однако в этом отношении настоящая книжка Ковалевского должна восполняться его «Общинным землевладением».

Наряду с большими достоинствами, издаваемая работа не свободна от серьезных недочетов. Основной недочет проводимой здесь Ковалевским трактовки семьи и сельской общины составляет полный отрыв этих тем от понятия рода. Странным образом, посвятив ранее часть своей работы «Первобытное право» вопросу о роде, Ковалевский в настоящих своих лекциях о роде даже не упоминает. Эта грубо ошибочная позиция автора не могла не привести его, в свою очередь, к ряду ошибок в трактовке отдельных тем и вопросов. Этим объясняется весьма узкое понимание Ковалевским матриархата, неверное истолкование происхождения соседской общины и пр. Необходимо учесть и то обстоятельство, что со времени выхода в свет данной книжки накопился по вопросам ранней истории семьи и на тему о матриархате столь обширный новый материал, что изложение Ковалевского в этих областях не может не оказаться в известной мере устарелым. Имеется в настоящей работе и ряд серьезных ошибок по отдельным частным вопросам истории семьи и общины. Наиболее значительные из таких ошибочных положений автора мы не могли оставить без оговорок или опровержений, что и сделано в особых редакционных примечаниях к тексту.

Как известно, эта работа Ковалевского была использована Энгельсом при переработке им для четвертого, вышедшего в 1891 г., издания его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом Энгельс отметил следующие заслуги Ковалевского: «Мы обязаны, — писал Энгельс, — Максиму Ковалевскому... дока-

зательством того, что патриархальная большая семья (patriarchalische Hausgenossenschaft), какую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. По крайней мере для культурных народов Старого Света, для арийцев и семитов, это представляется доказанным*». В другом месте Энгельс отметил взгляд Ковалевского, по которому упоминаемые в источниках прошлого германцев genealogiae представляли собой, в свою очередь, домовые общины** и что описание Тацита говорит скорее о домово́й общине, или большой семье, а не о сельской общине, или марке***. Отметил также Энгельс, что Ковалевский доказал существование домово́й общины на Кавказе****. Наконец, Энгельс отметил взгляд Ковалевского, по которому патриархальная домашняя община явилась переходной ступенью к сельской общине*****.

Напомним еще ссылку на Ковалевского, относящуюся тоже к издаваемому ныне «Очерку», сделанную Энгельсом в 1892 г. в его предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». Указывая, что он не внес никаких изменений в текст своей статьи «Марка», составляющей приложение к названной работе, Энгельс писал: «Я поэтому не коснулся гипотезы, недавно выдвинутой Максимом Ковалевским. Согласно этой гипотезе, разделу пахотной и луговой земли между членами марки* предшествовала совместная обработка их большими патриархальными семейными общинами, охватывавшими несколько поколений (пример которых мы находим в существующих юго-славянских задругах), и раздел произошел после, когда община разрослась и стала чересчур громоздкой для совместного хозяйствования. Ковалевский, вероятно, совершенно прав, но вопрос все еще остается спорным»*****.

Всем изложенным объясняется выбор настоящей работы Ковалевского для переиздания в целях восполнения того существенного пробела, который пока еще остается в нашей литературе по первобытной истории, в частности, по вопросам истории общественных форм и, наконец, в особенности на тему о домово́й и соседской общине. Одновре-

* -Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 41; см. также стр. 118.

** Там же, стр. 113.

*** Там же, стр. 118.

**** Там же, стр. 43.

***** Там же, стр. 43 и 118—119.

***** Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 4-е изд., М.—Л. 1931, стр. 12.

менно «Очерк» Ковалевского является наиболее подходящей из его работ для ознакомления массового советского читателя с научной продукцией этого выдающегося русского ученого.

«Очерк» Ковалевского уже издавался в русском переводе, первым изданием — в 1895, вторым — в 1896 г. Старый перевод совершенно неудовлетворителен, крайне неточен и неполон; ряд пропусков перевода является, по всей видимости, результатом вмешательства царской цензуры. Настоящее издание дает новый полный перевод с французского текста.

Упоминаемые Ковалевским, большей частью без ссылок на определенные работы, имена авторов разъяснены в следующем за текстом указателе авторов, где приводятся названия тех сочинений, которые, по всей видимости, были использованы Ковалевским. Его неполные и иногда неточные подстрочные ссылки исправлены и дополнены. В приложении дан список работ Ковалевского в области первобытной истории, этнографии и обычного права.

Проф. М. КОСВЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

За последние годы было так много написано о происхождении семьи и собственности, что всякая новая работа на эту тему может иметь смысл только в том случае, если она бросает новый свет на эти вопросы, вызвавшие такие оживленные споры. Это может дать либо привлечение еще не изученных данных из области этнографии, истории и права, либо более тщательный критический разбор господствующих теорий. Последнюю цель преимущественно ставил себе автор. При этом он имел в виду не столько анализ фактов, сколько синтез результатов, уже достигнутых этнографической наукой. Однако произведенные автором специальные исследования быта славянских народов и туземных племен Кавказа позволили ему также подкрепить новыми данными гипотезы, уже высказанные его предшественниками. Главной его задачей было выяснить вопрос о существовании матриархата у народов арийского происхождения. В этом большую помощь ему оказало знакомство со славянским миром и арийскими племенами Кавказа¹.

Отвергая гипотезу о существовании ничем не ограниченного промискуитета в наиболее отдаленную эпоху истории, автор старался доказать, что семьи матриархальная, патриархальная и индивидуальная представляют собой три различные фазы одного и того же процесса развития². Это развитие завершилось или завершается у разных народов, не связанных между собой ни принадлежностью к одной и той же расе, ни общей религией. Было бы поэтому ошибочным делать исключение для той расы, к которой принадлежим мы. Матриархат существовал и среди арийских племен, от него у них остались пережитки и в древних зако-

¹ Ковалевский употребляет термин «арийский» в смысле расы. На самом деле «арийской» расы не существует, термин «арийцы» — условное наименование группы народов, имеющих лишь языковое единство. Об отрицании матриархата у арийцев или своеобразной «не-арийской теории» матриархата см. предисловие к настоящей книге. — *Прим. ред.*

² Об отрицании Ковалевским начального состояния беспорядочных отношений полов или промискуитета см. ниже, примечание 4. — *Прим. ред.*

нах и в существующих еще обычаях и быте. Власть мужа и отца лишь медленно развивалась в недрах матриархального общества. С ее появлением установилась патриархальная семья, которая, как это явствует из изучения славянского мира, в свою очередь лишь очень медленно уступает место семье индивидуальной.

Ввиду необходимости изложить результаты своих исследований в небольшом числе лекций, автор не мог дать, хотя это и следовало бы сделать, обстоятельный очерк аграрного коммунизма, характерного для древнейшего периода истории земельной собственности. Более подробное изложение этого вопроса дано в книге автора, вышедшей в свет лет десять назад на русском языке под заглавием «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Эта книга, в свою очередь, была дополнена рядом статей, напечатанных в московском «Юридическом вестнике». В этих статьях автор оспаривает теорию Фюстель де Куланжа о приоритете частной собственности, ссылаясь на данные, извлеченные из германских картуляриев. К этим же статьям следует поэтому обратиться и для ознакомления со всеми фактами, которыми автор настоящего «Очерка» обосновывает свою теорию самопроизвольного развития аграрного коммунизма в недрах патриархального общества и не менее естественного появления частной собственности по мере того, как разлагалась община, как семейная, так и сельская.

Проф. М. КОВАЛЕВСКИЙ

1 мая 1890 г.

Beaulieu sur Mer, Villa Batava.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

ПОЛУЧИВ приглашение комитета, организовавшего эти лекции, я долго колебался, прежде чем дать положительный ответ. Швеция, какой мы теперь представляем ее себе в России, является страной, где нам следует скорее учиться, чем учить. И другой мотив мешал мне дать свое слишком поспешное согласие: мне предстояло прочитать курс на иностранном языке, а ведь известно, что хорошо владеть можно только родным языком.

Я все же решился взяться за чтение этого курса; сделал я это в уверенности, что, несмотря на все затруднения, я смогу ввести вас в круг вопросов, которыми я сам всегда интересовался и которые, как мне кажется, до сих пор оставались вам чужды.

Вы, конечно, позволите моему патриотизму русского заявить, что этнография славянского мира и стран, находящихся от него в зависимости, имеет капитальное значение для истории права.

Но во всей Европе эта дисциплина еще блуждает ощупью, с трудом лишь начиная осваиваться с предметом. Правда, были учреждены специальные кафедры в некоторых университетских центрах, именно в Берлине, Вене, Париже и Упсале. Занятые такими выдающимися филологами, как Ягич, Леже, Люндель, они уже распространяют яркий свет на филологическую конструкцию и историю славянских языков. Но производимые этими протагонистами специальные исследования не имеют никакого отношения к славянской истории и праву, и обе эти отрасли человеческого знания попрежнему находятся в забвении. И это особенно досадно, так как ничто в большей степени не задерживает предстоящих успехов социальной науки. Но теперь, действительно, пришло время положить конец такому положению и извлечь из неизвестности значительные работы, выполненные как в России, так в Польше и Сербии, и предоставить в распоряжение ученых драгоценные указания, заключающиеся в древних законах и современных обычаях народов населяющих обширную царскую империю.

Вот та цель, которой я надеюсь достигнуть, и осно-

вание, позволяющее мне обращаться здесь к вам с некоторой уверенностью.

Я желаю познакомить вас с достижениями общественной науки, полученными благодаря трудам славянских ученых. И я уверен, что не встретит возражений мое утверждение, что всякое социологическое обобщение останется неполным, пока Восток не выдаст тайны происхождения социальных явлений. Для того чтобы выводы социологии стали вполне убедительными, ее наблюдения и опыт не должны замыкаться в какие-нибудь определенные границы. Основатель социологии, Огюст Конт, сделал, по-моему, большую ошибку тем, что не разделял этого убеждения. Он воздвиг величественное здание на фактах, которые вовсе не являются общераспространенными, как он это предполагал, так как чести быть объектом его позитивистских исследований удостоился лишь римско-католический мир. И всякая новая попытка установить какое-нибудь социологическое положение может иметь значение только при условии, что она введет в поле нашего изучения жизнь Востока, в особенности же славянского мира.

Однако, прежде чем получить возможность сделать работу обобщающего характера, необходимо произвести углубленное изучение некоторых источников общественной жизни, каковыми являются те, историческое развитие которых составит предмет нашего курса.

Для вопросов, которых мы будем здесь касаться, большое значение имеют успехи, достигнутые в последнее время в области естественных наук, в особенности открытие великого закона эволюции, которым Чарльз Дарвин обогатил биологию. Успешно примененное при изучении общественных явлений, это открытие с каждым днем оказывает все большее и большее влияние, можно даже сказать, получает руководящее значение в философии истории и в науке о религии, праве и морали. Не ограничиваясь областью теоретических построений, идея эволюции захватывает все более и более обширный круг явлений практической жизни.

Сообразно нашим теперешним понятиям о прогрессе, его можно определить так: непрерывное и самопроизвольное развитие плодоносных зерен, много веков назад посеянных нашими предками. Нам совершенно чужда мысль об уничтожении разом чего бы то ни было и создании сразу нового строя, новой религии или новой морали. Но если современное понятие эволюции отвергает возможность переворотов³, то ему также чужда и мысль о какой бы то ни было

³ В этой тираде Ковалевский обнаруживает свою классовую сущность умеренно-либерального буржуа, отмежевывающегося от идеи революции. — *Прим. ред.*

неподвижности. Настоящее кажется ему лишь условием, определяющим будущее, которое должно стать в значительной степени выше его и притом во всех отношениях. Облегчать этот переход к лучшему — такова возвышенная задача, которую эволюционистская философия ставит перед практической жизнью. Изучить прошедшее и настоящее для того, чтобы предвидеть будущее, — в этом ее высшее честолюбие в области теории.

Только это последнее и должно интересоваться нас здесь. И лишь имея в виду чисто научные идеи, предполагаю я заняться в этом курсе одной из труднейших проблем социальной науки — вопросом об эволюции семьи и собственности.

Эволюционистская школа применяет в таких теоретических исследованиях историко-сравнительный метод. Весьма плодотворный в области филологии и науки о религиях, он еще только начинает применяться, и то еще очень робко и нерешительно, в области права. Характерную его особенность составляет параллельное изучение общественной эволюции различных народов, древних и современных, которое должно, в конечном счете, дать общую формулу поступательного движения общественной жизни.

Исходя из мысли, что человеческая природа везде является с одинаковыми свойствами, что потребности и способности различных рас различаются лишь в подробностях и что различия эти становятся все меньшими по мере приближения к первобытному состоянию, — сторонники историко-сравнительного метода рассматривают человеческое общество как единое целое. Объектом их наблюдений являются не отдельные феномены, вызванные действием какого-нибудь закона общественного развития у какого-либо отдельного народа той или другой расы, а эволюция форм общественной жизни всего человечества. Факты, взятые из истории одного народа, имеют для них значение лишь постольку, поскольку они могут пролить свет на ход всего этого развития в целом, т. е. поскольку они повторяются в жизни и других народов. Таким образом, они ищут больше аналогий, чем различий. Чем более какое-нибудь явление представляется распространенным, тем большее оно получает для них значение. Чем значительнее число обществ, подвергнутых наблюдению, тем достовернее вывод, сделанный на таком основании. Отсюда вытекает положение: сравнение не должно ограничиваться народами одной какой-нибудь расы или народами, говорящими на одном и том же языке или имеющими одну и ту же религию. Конечно, мы не отрицаем того влияния, которое эти три фактора имеют на жизнь человеческого общества. Мы готовы признать, что им удастся создать в конце концов некоторый общий

запас идей, учреждений и нравов; но нас интересует не это. Помимо этих влияний, совокупность природных свойств человеческого общества, особенно ярко выраженных на заре жизни человечества, является причиной полного сходства в первые периоды общественной эволюции у самых различных народов.

Если включить дикие и варварские племена, живущие еще на земном шаре, то круг наблюдений расширится еще больше. В этом случае этнография явится помощницей истории, и сравнительное изучение еще живущих народов дополнит изучение тех народов, которые сохранили смутные воспоминания о своем первобытном состоянии, а также тех, которые уже исчезли.

Против такого соединения методов исторического и этнографического можно сделать одно возражение: кто может доказать, что дикие или варварские племена находятся еще на первых стадиях своего развития, что их теперешнее состояние не является результатом вырождения, подобного тому, которое привело в упадок столько народов и в древности и в новое время? Но, конечно, не все в современном состоянии дикарей и варваров объясняется непременно атавизмом. Некоторые племена представляют собой теперь лишь разрозненные клочки народов, исчезнувших вследствие внутренних раздоров и междоусобных войн. Если бы Дарвин признал эту истину, то не стал бы утверждать, что индивидуальная семья является первичной формой семьи. Ведь этот свой вывод он основывает исключительно на фактах из жизни некоторых племен Австралии, формы общественной жизни которых ему кажутся наиболее отсталыми.

Великий натуралист и не подозревал, что эти племена, мало изученные в его время, состоят из остатков народностей, уничтоженных войной, и что их быт не может уже напоминать нам ту фазу в развитии человечества, которая называется первобытным состоянием.

Из всего вышесказанного следует, что в предпринятом нами исследовании этнографический метод должен будет играть только второстепенную роль.

Быт дикарей, так же как и быт варваров, имеет свои периоды развития; но последовательный порядок этих периодов не мог быть до сих пор точно установлен. Самым верным путем для этого является сопоставление этнографических данных с теми, которые нам дает история народов, уже прошедших несколько стадий своего развития. И в этом случае исторический метод оказывает этнографии такую же услугу, какую имеет право ожидать от нее. Таким образом оба метода помогают друг другу, обогащая исследователя не только новыми наблюдениями, но и новыми теориями.

Кроме этих двух методов, особенности которых мы описа-

ли в общих чертах, существует еще третий, который английский ученый Тэйлор назвал методом пережитков (survivals). Он состоит в изучении настоящего с целью отыскания в нем следов прошлого. Эта идея основана на общеизвестном положении, по которому прошлое отступает перед настоящим лишь под условием оставления в нем следов, значение которых, так же как и количество, бывает очень различно. Большинство из них уже потеряло свой смысл или вновь получило его, но уже на других основаниях. Так, происхождение библейского обычая, по которому брат покойного наследует его вдове, объясняется принадлежностью женщин всем мужчинам, входящим в данную группу родственников, — порядком, характерным, как мы это увидим дальше, для первоначальных форм отношений между полами.

Известный под именем *левирата*, этот обычай продолжает существовать в течение ряда веков, потому что соответствует новому представлению о женщине, как о собственности. Поэтому вдове и передают вместе с другим имуществом покойного наследнику, которого смерть брата делает главой и представителем семейной общины.

Пережитки прошлого, сохранившиеся в теперешнем быте, могут играть двойную роль: они являются или учреждениями более или менее жизнеспособными или же только символами и формулами, значение которых часто очень неясно.

Таким образом, левират представляет собой пережиток, который и теперь сохраняет свое значение обычая, тогда как различные свадебные обряды, имитирующие у многих народов акт умыкания невесты, продолжают существовать исключительно в качестве символов, предназначенных только для сохранения памяти об обычаях, давно уже исчезнувших.

Метод пережитков оказывает большую помощь. При недостатке исторических документов, относящихся к первым фазам развития общественной жизни, особенно заметно выступают полезные свойства этого метода, так как, сопоставляя с прошедшим архаические черты настоящего, мы восстанавливаем многочисленные формы общественной жизни, относящиеся ко всем эпохам ее развития. Общая картина, полученная в результате исследования, приобретает таким образом ряд драгоценных подробностей, а добытые им данные получают точность, которой было бы очень трудно достичь другим путем.

Я не стану подчеркивать здесь важность сопоставления пережитков, сохраняющихся в современном быту, со сведениями, полученными из этнографии и истории, для определения эпохи, когда они первоначально возникли. Это само собой разумеется, и в этом мы видим новый пример взаимной помощи, оказываемой различными методами социального исследования.

КАК БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА СЕМЬЯ В САМУЮ ОТДАЛЕННУЮ ЭПОХУ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Если бы кто-нибудь захотел познакомиться с тем, какая теория по этому вопросу была еще недавно общепринятой, то лучше всего ему обратиться для этого к одному из множества руководств, издававшихся ученой Германией лет двадцать назад в начале каждого семестра. В объемистом томе, страниц в четыреста или пятьсот, с большой эрудицией доказывалась несостоятельность объяснения происхождения общества при помощи гипотезы об общественном договоре. Читателя убеждали признать, что подобный договор не мог существовать, что он выходит из пределов возможного и не может быть доказан исторически. Расчистив таким образом почву, приступали к построению новой системы, которая объявлялась основанной на бесспорных документах. В доказательство ссылались на патриарха Авраама, его супругу и весь род его; затем на сцену выводился римский юрист Гай с его текстом о правах *pater familias* (отца, главы семьи) и о родовой организации у италиков; потом Цезарь и Тацит с их сбивчивыми сообщениями об общественном строе древних германцев... и на основании всего этого приходили к заключению о первоначальном существовании индивидуальной семьи, которая являлась колыбелью всяческой общественности и из которой возникло племя, в свою очередь породившее государство.

Самая простота этой гипотезы и полное ее соответствие библейским рассказам придавали ей характер правдоподобия. Слыша постоянно, как Гегель, Аренс или Мольте повторяли то, что еще за сотни и даже тысячи лет до нашей эры говорилось в книге бытия и у римских юристов, все начинали в конце концов верить вместе с де-Местром, что это представление о семье, такое простое и общепринятое, является частью откровения, данного сначала избранному народу, а потом христианам. И если ученые и писатели продолжали спорить о дальнейших ступенях общественного развития, то решительно все были уверены в том, что исходной точкой его была патриархальная семья. Убеждение их в непреложности этого положения не доходило, однако, до полного отрицания того, что у многих народов древности, а также и у современных племен нет ни малейших признаков существования устойчивой связи между мужем и женой. Но от этого противоречия предпочитали просто отмахнуться, причем то признавали рассказы древних историков и географов баснословными, то решали, что свобода полового общения, характерная для современных дикарей, является лишь отступлением от чистоты нравов, которая, как думали, была присуща первобытной жизни.

Честь прекращения этой болтовни принадлежит Бахофену и Мак Леннану. Они первые разбили так называемую патриархальную теорию, первые доказали, насколько фантастичны ее основания, первые установили на основе неоспоримых данных, что вначале вовсе не существовало индивидуальной семьи. И что всего удивительнее, оба эти новатора ничего не знали друг о друге. Они работали каждый отдельно и различными методами, каждый своим. Бахофен, глубокий знаток классической древности, искал древнейших форм общественной жизни путем сравнительного изучения мифов. Он был убежден, что люди не могли изображать жизнь богов иначе, чем чертами, заимствованными из своего собственного существования; а так как мифы являются более или менее неизменными, то из них можно извлечь обильные указания относительно доисторического периода жизни древних народов. Что же касается Мак Леннана, то он старался у этнографии исторгнуть тайну архаического состояния человеческого общества. По его мнению, дикари в их теперешнем состоянии имеют такие же нравы и обычаи, как и наши предки в древнейшие времена. Доказательством служит полное совпадение рассказов современных исследователей быта дикарей с фактами, передаваемыми Геродотом, Страбоном и другими писателями древности, а также средних веков.

Новой теории первоначальной организации семьи не доставало подробного описания родственных отношений и форм брака в древнейшую эпоху жизни человеческого общества. Эта картина могла быть дана лишь в результате тщательного изучения быта дикарей, кочующих еще на нашей планете. И такое изучение было в последнее время произведено самым добросовестным образом людьми, знакомыми с туземными языками и прожившими многие годы среди племен, которые они описывают. Из них особенного внимания заслуживают Морган*, давший, повидимому, исчерпывающее описание системы родства и брачных форм у ирокезов, и Файсон, сделавший то же самое относительно австралийских племен.

Инициативе этих выдающихся умов мы обязаны самым удивительным из открытий, произведенных в наше время в области социологических изысканий.

Оно показало, что индивидуальная семья, в том виде, в каком она существует в наше время, созданная теперешней формой брака и системой родства, в начале развития человеческого общества не встречается. Вместо нее мы видим

* См. его «Systems of consanguinity and affinity of the human family», изд. Смитсоновского института в Вашингтоне, его «Ancient society», London 1877, и «Houses and house-life of american aborigines» в «Contributions to North American Ethnology», Washington 1881.

семью *матриархальную*, не признающую никаких других родственных связей, кроме тех, которые соединяют ребенка с его матерью и ее единоутробными родственниками.

Много поколений прошло, не одна система, едва наметившись, потерпела крушение, раньше чем эта теория получила признание, так как научная мысль уступает только очевидности, а факты, на открытие которых заявляли притязания этнография и законоведение, представлялись сначала в таком смутном и противоречивом виде, что казалось слишком смелым строить на них новую социальную теорию.

В самом деле, нет ничего труднее, как составить себе вполне точное представление о народе, общественный строй и умственная жизнь которого совершенно противоположны нашему. Случайно забредший путешественник, более или менее поверхностный наблюдатель (а такими были почти все древние исследователи жизни варваров) никогда не сможет раскрыть истинный смысл первобытной культуры. Поэтому не следует удивляться тому, что ходячие рассказы о туземцах Нового Света, а также Азии и Африки и отрывочные сведения греческих и латинских авторов о варварах древнего мира привели сначала к полному отрицанию каких бы то ни было семейных связей в первобытном обществе. Начиная с прошлого века для обозначения подобных половых отношений стали употреблять термины *промискуитет* и *гетеризм*. При описании первобытного строя человеческих обществ совершенно исключалось предположение о какой бы то ни было прочной организации, каком бы то ни было установленном обычае порядке.

А между тем такое заключение находилось в явном противоречии с одним общераспространенным фактом, настолько бросающимся в глаза, что самые поверхностные наблюдатели жизни дикарей и варваров вынуждены были упоминать о нем. Я имею в виду родство по матери, а не по отцу, как это предусмотрено современным законом; другими словами, признание прочной и постоянной связи исключительно между ребенком и его матерью.

Этот обычай приводит к тому, что у дикарей новорожденный усыновляется той общественной группой, к которой принадлежит его мать. Такая группа имеет прозвище, общее для всех ее членов, обычно представляющее собой название какого-нибудь растения или животного; благодаря этому данное растение или животное становится священным для тех, кто выбрал его своим покровителем, своим «тотемом», как его еще и теперь называют жители Океании.

Вслед за открытием, что мать является основой первобытной семьи, вскоре было сделано другое не менее удивительное. Я уже упоминал о явлении, которое недавно получило название *экзогамии*, что означает запрещени-

половых сношений между лицами, принадлежащими к одной и той же общественной группе и носящими одно и то же имя — знак их родства, действительного или предполагаемого. Эти два явления — родство по матери и экзогамия — должны были заставить усомниться в существовании первобытного промискуитета, столь несовместимого с мыслью о каких бы то ни было правилах и ограничениях, которым Леббок захотел наделить человеческое общество в период его младенчества. Кроме того, они заставили предположить, что в самом начале существования общества половые отношения вовсе не были предоставлены полному произволу, а уже очень рано должны были подчиниться известным требованиям обычая и религии, известным предписаниям морального порядка.

Сравнительное изучение общественной жизни животных открыло затем существование семейных групп и у нескольких видов животных. И это немало способствовало тому, чтобы усомниться в правильности гипотезы всеобщего промискуитета, от которого человечество будто бы освободилось лишь после вековых усилий.

В противоположность социологам, поспешившим признать за человеческой породой эту свойственную животным черту, Дарвин первый высказал мысль, что и самим животным вовсе не чужды определенные правила поведения, что обычно отрицалось. Он доказал, что их половые отношения подчинены известным правилам, так что можно предположить существование в сообществах животных семейных норм в зачаточном состоянии. Продолжая работу своего учителя, Эспинас, Узо и другие исследователи собрали большое количество фактов, неоспоримо доказывающих, по мнению Летурно, что в царстве животных встречается «семья», иногда патриархальная, но чаще всего матриархальная.

В последнем случае самка является центром группы, и ее любовь к детенышам гораздо сильнее и более способна к самопожертвованию, чем любовь самца. Это особенно заметно у млекопитающих, у которых самец, очень эгоистичный, заботится о семье лишь постольку, поскольку это необходимо в его собственных интересах*.

И Летурно прав, когда говорит, что социологи, признающие принадлежность женщины всей группе первоначальной стадией развития семьи, воздержались бы от такого утверждения, если бы прежде чем приступить к социологии человеческого общества, изучили общественную жизнь животных**.

* *Charles Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille, Paris 1888, p. 43—44.*

** *Ibid., p. 47.*

В последние годы тщательное изучение общественного строя краснокожих и австралийцев, произведенное миссионерами и учеными, которые жили среди них и владели их языком, привело не только к еще большему сомнению в существовании начального промискуитета, но и к открытию внутреннего строя неизвестного до того времени общества⁴.

Предоставим слово сначала Файсону, неутомимому английскому миссионеру, добросовестному наблюдателю быта австралийских племен. Описанный им семейный строй ближе всего к той общности женщин, о которой было так много споров.

Самая несложная и, повидимому, самая первобытная из известных нам организаций, повествует этот английский автор, — та, при которой в племени существует только две группы, состоящие каждая из мужчин и женщин, носящих одно и то же семейное имя. В обеих группах признается

⁴ Отвергая гипотезу начального промискуитета, или состояния беспорядочных отношений полов, Ковалевский присоединился к течению, возникшему в буржуазной науке в конце 80-х гг. прошлого века. Об этом течении писал Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «С недавнего времени вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человека. Хотят избавить человечество от этого «позора» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 18). Гипотеза начального промискуитета принадлежит не Леббоку, как это неправильно изображает Ковалевский, а была выставлена еще в античной литературе и проходит затем через всю историю представлений о первобытности. Ковалевский пытается опровергнуть гипотезу промискуитета прежде всего ссылкой на изначальность связи и родства по матери и на экзогамию. Однако существование беспорядочных отношений полов предполагается для самой ранней эпохи существования человечества, периода стадного состояния, при котором родство не осознавалось и во всяком случае не имело общественного значения; экзогамия же возникла на более поздней ступени, в той форме, о которой говорит Ковалевский, — лишь с возникновением рода. Обычай, религия и мораль, на которые также ссылается Ковалевский, в свою очередь, складываются и начинают играть общественную роль лишь на определенной ступени развития общества. Поскольку промискуитет относится, как сказано, к стадному периоду, естественно, что соответствующие формы не могут наблюдаться у современных отсталых народностей и племен, очень далеких от стадного состояния. Как писал Энгельс, эта «примитивная общественная ступень, если она действительно существовала, относится к столь отдаленной эпохе, что едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отсталых дикарей, *прямые* доказательства ее существования в прошлом» (там же). Впрочем, этнография дает ряд показаний о наличии, правда, весьма отдаленных, пережитков промискуитета. Наконец, неправильная ссылка Ковалевского на животных, и старые, навешенные упомянутым выше течением, утверждения оказываются неверными. Новейшие исследования половой жизни животных прямо говорят о наличии здесь в известных случаях промискуитетных форм.

Оставаясь, таким образом, все же гипотезой для отдаленного прошлого человечества, начальный промискуитет является естественной исторической предпосылкой всего дальнейшего развития брака и семьи. — *Прим. ред.*

родство по матери, и члены каждой из них обязаны избегать половых сношений между собой. Так, например, в округе Маунт Гамбир, в южной Австралии, живет только одно племя, и тем не менее оно разделяется на две группы, которые можно уподобить кланам или *gentes*: на группу Кумите и группу Кроки. Браки в пределах одной и той же группы строжайше запрещены; следовательно, эти группы экзогамны. В то же время всякий Кумите считается по праву мужем всякой женщины из группы Кроки, как всякий Кроки — мужем всякой Кумите. Дети, рожденные от мужчины Кумите и женщины Кроки, являются членами группы Кроки; между тем дети, прижитые женщиной Кумите от сожительства с Кроки, могут быть только Кумите. Таким образом, ребенок принадлежит к группе своей матери и носит одно с ней прозвище. Группы эти не имеют своей определенной территории, и члены их живут смешанно в одних и тех же селениях, разбросанных на пространстве нескольких тысяч миль. Благодаря этому возможны мимолетные связи между каким-нибудь Кроки, забредшим издалека, и женщиной Кумите, с самого своего рождения живущей в том селении, которое он случайно посетил, так как всякий Кроки имеет права мужа по отношению ко всякой женщине из группы Кумите, так же как и Кумите по отношению ко всем женщинам Кроки. Отсюда возник «гетеризм гостеприимства», еще в наши дни существующий у племен Африки и Азии — у кафров*, так же, как у туземцев Сибири, коряков и чукчей**.

По своему происхождению гетеризм гостеприимства не связан с промискуитетом, так как случайная связь гостя допускается лишь при условии, что этим не нарушается закон экзогамии. Таким образом, Кумите, поселившийся у женщины Кумите, будет воздерживаться от половых сношений со своей предполагаемой сестрой. Иначе было бы, если бы хозяйка дома была из клана Кроки: не принадлежала к числу его родственниц, она тем самым попадала в разряд его жен.

Экзогамия соблюдается австралийскими племенами с такой строгостью, что в случае похищения женщин и девушек похититель считает себя в праве сделаться мужем своей жертвы только в том случае, если она принадлежит к другому клану, чем его собственный.

Ввиду того что всякий Кроки является мужем всякой женщины из группы Кумите и наоборот, мы можем сказать,

* A. H. Post, *Afrikanische Jurisprudenz*, 2 B-de, Oldenburg und Leipzig 1887, Bd. 1, S. 472.

** S. P. Kracheninnikow, *Histoire et description du Kamtschatka*, 2 vls, Amsterdam 1770, vol. I, p. 126.

что у этих туземцев индивидуальный брак заменен групповым. Отметим еще одну характерную черту. Брак не совершается в какой-нибудь определенный момент. Всякий человек, к какому бы полу он ни принадлежал, становится мужем или женой по праву рождения. И так как дети всегда принадлежат к клану матери, то мужчина Кумите считается отцом сыновей и дочерей женщин из группы Кроки, а мужчина Кроки — сыновей и дочерей Кумите. Разделение племени на две экзогамные группы, права и привилегии в которых передаются родственникам по матери, встречается у многих племен Австралии. Такая же общественная организация процветает и у жителей Новой Британии, у галла и других туземных племен Африки*.

Более сложная группировка с подразделением обеих основных групп на большее или меньшее количество кланов широко распространена как у австралийских туземцев, так и у краснокожих Северной Америки. Доказано, что все эти кланы, число которых было иногда очень велико, сначала составляли только две экзогамные группы и между членами различных кланов не существовало вполне свободного брака: члены подразделений одной и той же группы могли вступать в брак лишь с членами тех кланов, которые входили в состав другой группы.

То же общественное явление можно наблюдать у ирокезов Северной Америки. Их племена подразделяются на фратрии и на кланы. Каждая фратрия состоит из нескольких кланов. Брак между членами одной и той же фратрии запрещается: муж и жена должны принадлежать непременно к кланам, входящим в различные фратрии. Так, у ирокезов племени Сенека, имеющего две фратрии с четырьмя кланами в каждой, брачный союз не может быть заключен между мужчинами и женщинами кланов Медведя, Волка, Бобра и Черепахи, потому что они входят в состав одной и той же фратрии. Брак возможен только в том случае, если мужчины этих кланов выберут себе в жены кого-нибудь из кланов Оленя, Кулика, Цапли и Ястреба, принадлежащих к другой фратрии, чем они.

Другой не менее характерной для групповой семьи чертой является важное значение, которое имеет брат матери, т. е. дядя по матери. Так как отец принадлежит обычно к иной группе, чем мать, то в клане своей жены он бывает лишь на короткое время. Вследствие этого не может образоваться прочных связей ни между супругами, ни между отцом и его детьми. Помощь и защиту оказывает им дядя по матери, живущий вместе со своей сестрой и своими

* Относящиеся сюда факты, сообщаемые Дю Шайю и Бертоном, см. у Файсона, стр. 35.

племянниками. Поэтому он и занимает первое место в системе родства, существующей у туземцев Океании и у краснокожих⁵.

Групповой брак и родство по матери настолько распространены у дикарей и варваров, что это явление можно было бы иллюстрировать множеством примеров. Но, опасаясь утомить ваше внимание, я, насколько возможно, ограничу их число. К уже приведенным выше я прибавлю лишь несколько новых, взятых из быта малайцев и негров. Затем я сопоставлю эти этнографические данные с очень любопытными, но, к сожалению, отрывочными сведениями, которые сообщают нам писатели Греции и Рима о дикарях и варварах древности, а также с недавно разобранными надписями.

По словам Пистория, малайская семья состоит из матери и ее детей, отец в нее не входит; он связан более тесными родственными узами со своими братьями и сестрами, чем со своей женой и ее потомством. Женившись, он продолжает жить в семье своей матери. Там его настоящий дом, он продолжает обрабатывать землю этой семьи, работать на эту семью; своей жене он оказывает лишь случайную помощь. Старший брат матери обычно остается главой семьи. Его права и обязанности заставляют его исполнять роль отца по отношению к детям своей сестры. После его смерти преемником дяди становится старший из мужчин материнского рода; за неимением сына, по своему возрасту способного занять это положение, за это берется сама мать. И только за отсутствием матери и ее братьев отец, в случае несовершеннолетия детей, становится главой семьи. Содержание жены и детей не составляет обязанности мужа; для этого служит имущество материнского рода, являющееся общей неотчуждаемой собственностью. В материнский же род возвращается имущество каждого умершего малайца;

⁵ Здесь Ковалевский в известной мере солидаризируется с тем, искажением матриархата, которое распространилось в буржуазной науке. Тезис буржуазной науки в данном вопросе состоит в том, что в действительности и при матриархате женщина не занимала не только господствующего, но даже равноправного с мужчиной положения в обществе и семье. Если муж и отец не мог при существующей организации общества быть главой семьи, то таковым все же был мужчина — брат матери или материнский дядя. На самом деле особое положение материнского дяди, или так называемый авункулат, создается лишь в распаде матриархата, в процессе превращения материнской общины в патриархальную большую семью. В развитом же матриархате, как это подтверждается обширным этнографическим и историческим материалом, господство принадлежало женщине. «Коммунистическое домашнее хозяйство, — писал Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», — ...служит реальной основой... повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, стр. 33). — *Прим. ред.*

прежде всего к его братьям и сестрам, затем к детям сестер, но никогда — к жене и детям, от нее родившимся. Если отец хочет при жизни подарить что-нибудь своим детям, он должен получить согласие своих братьев и сестер. Глава материнской семьи распоряжается общим имуществом под наблюдением своих братьев и сестер. Что касается наследования, то у большинства малайских племен сын устраняется от наследования в пользу племянников по женской линии*.

В Африке у нубийцев, как и у сотен других туземных племен, существует такая же семейная организация, совсем не похожая на нашу. По словам Абу-Селаха, когда после смерти нубийского царя остается сын и племянник, сын сестры, то трон переходит чаще к этому последнему, чем к естественному наследнику, т. е. родному сыну. Нубийцы ведут свою родословную по женской линии. Наследство переходит к сыну сестры и к сыну дочери, в ущерб родному сыну покойного. Стоит отметить, что для оправдания такого обычая нубийцы ссылаются на то, что происхождение сына от сестры или от дочери не подлежит никакому сомнению, и они бесспорно принадлежат к их семье, независимо от того, рождены они от мужа или от кого-нибудь другого**.

Матриархат и свойственные ему учреждения и порядки настолько распространены в Африке, что объединяют общими обычаями большинство туземных племен. Для примера укажем на факты, сообщаемые Мунцингером в его описании быта байа и бариа. У этих племен семья зиждется исключительно на родстве по матери: родные дети устраняются от наследства. По обычаю наследует прежде всего брат матери, во вторую очередь — старший сын старшей сестры, в третью — ее второй сын, в четвертую — сын самой младшей сестры, затем сестра покойного и, наконец, племянницы этой сестры. Таким образом, имущество переходит по боковой линии и притом исключительно к братьям и сестрам, а также к их потомкам по женской линии. Такого же порядка придерживались и при выборе мстителя за пролитую кровь. Эта месть являлась обязанностью, вытекавшей из факта родства по матери. Мстить должен был не сын убитого, а его племянники, сыновья сестры. Если убита женщина, то право мести принадлежит в первую очередь ее детям; за их отсутствием — единоутробному брату, наконец, сыну сестры.

Эти этнографические данные получают надлежащее зна-

* *A. Giraud Teulon, Les origines du mariage et de la famille, Genève—Paris 1884, p. 122, 202.*

** *Ibid., p. 209.*

чение для целей нашего исследования лишь благодаря полному соответствию общественным явлениям, с которыми нас знакомят писатели древности, так как от них мы узнаем, что матриархат и экзогамия являются отличительными особенностями обществ в самые отдаленные эпохи их истории. Это дает нам безошибочный критерий для признания глубокой древности за учреждениями семейного строя туземцев Старого и Нового Света. И мы поэтому имеем право считать эти учреждения типичными и имеющими решающее значение при построении нашей теории первобытной семьи.

Один современный английский писатель, Эндрю Лэнг, следующим образом излагает свидетельства историков относительно существования матриархальной семьи у некоторых народов древности.

У ликийцев, по Геродоту, сохранился обычай называться по имени матери, а не отца. Общественное положение человека определялось положением его матери. Приводя эту выдержку, Бахофен дополняет ее следующим важным замечанием: в ликийских надписях упоминается исключительно имя матери*. Обычай, аналогичные ликийским, существовали, по Полибию, и в Локриде, где считались только с родством по женской линии. Эфиопы больше всего чтят своих сестер, и их вожди передавали свою власть только сыновьям своих сестер, а не собственным детям. С другой стороны, финикияне, по свидетельству Санхуниафона, обозначали свое происхождение лишь по женской линии. Что же касается египтян, то дошедшие до нас документы в этом отношении очень противоречивы. Во всяком случае, по совокупности имеющихся у нас сведений, мы можем предположить, что в долине Нила родство по матери имело большое значение. Официальные акты, относящиеся к эпохе до царя Филометора, часто обозначают человека только по его матери; в иероглифических надписях также нередко указывается имя матери без упоминания имени отца. Но можно найти и обратные случаи. Так, в генеалогии великих жрецов, о которых говорит Геродот, происхождение всех их одного от другого обозначается по мужской линии. Отсюда можно было бы заключить, что обычай считать родство по отцу установился прежде всего в жреческом сословии**.

Но как бы ни обстояло дело в Египте, многочисленные факты, которые мы только что привели, не оставляют никакого сомнения в глубокой древности системы родства по

* J. J. Bachofen, *Das Mutterrecht*, Stuttgart 1861, S. 300.

** Ch. Letourneau, *L'évolution du mariage et de la famille*, p. 383; A. Giraud Teulon, *Les origines du mariage et de la famille*, p. 232—233.

матери, что составляет самую характерную особенность первобытной семьи.

Что же касается экзогамии, другой особенности этой семьи, то ее существование у очень многих варварских племен доказано Мак Леннаном с таким обилием подробностей, что мы не будем здесь возвращаться к этому вопросу. Она была, повидимому, также известна и народам древности, в доказательство чего я приведу лишь следующее свидетельство Плутарха:

«В самые древние времена римляне воздерживались от вступления в брак с женщинами одного с ними рода, как теперь не женятся на своих тетках и сестрах. Должны были пройти века, прежде чем они стали вступать в брак с двоюродными сестрами»*.

Достаточно уже доказанная всеми этими свидетельствами теория древности матриархальной семьи стала бы еще очевиднее, если бы можно было найти следы такой семьи у современных народов, древнее происхождение которых бесспорно.

В этом отношении подходящими являются, повидимому, некоторые туземные племена Кавказа, а именно пшавы, известные античным писателям под именем пшовели, сванеты, или страбоновские сваны, и осетины, или ясы наших летописей. Затерянные в высоких горных долинах, они в течение ряда веков оставались вне всякого чужеземного влияния и могли поэтому сохранить многочисленные следы своей первобытной культуры.

На этом основании я решил предпринять тщательное изучение этих до сих пор еще малоизвестных племен. Три экспедиции в область кавказских гор, которые мне удалось совершить, и жизнь в течение нескольких месяцев среди племен, живущих в горных долинах, дали мне возможность собрать обильные сведения, которые я использовал в своих работах «Первобытное право» и «Современный обычай и древний закон».

Отчеты о них, непечатанные в «*Journal des savants*» и в лондонских «*Memorials of the Asiatic Society*», лишь очень неполно передают любопытные данные о первобытной семье, которые мы находим в обычном праве кавказских племен.

Поэтому я сам познакомлю вас с этими исследованиями, общий результат которых подводит прочный фундамент под основную теорию о матриархальной семье.

Единственным фактом, который, повидимому, свидетельствует о существовании очень древнего, едва только исчезнувшего обычая, по которому женщина принадлежала

* См. Жизнеописание Ромула, цитируемое Мак Леннаном в его «*Patriarchal theory*», стр. 206—208.

всем членам данной группы родственников, является запрещение какого бы то ни было общения между женой, с одной стороны, и отцом и братьями мужа — с другой. Новобрачной запрещается в их присутствии поднимать фату, она не должна обращаться к ним с каким-нибудь словом, — и это иногда в течение нескольких лет, обычно до тех пор, пока у нее не родится сын. Но если муж умрет, дело сразу меняется и вдова достается старшему из его братьев. Если она отказывается от брака с ним, то должна уплатить вознаграждение. Вдова при выходе замуж за кого-нибудь не принадлежащего к семье ее покойного мужа возвращает этой семье уплаченный за нее калым.

Запрещение какой-либо близости между новобрачной и братом ее мужа, а затем левират, т. е. обязательный выход замуж за старшего брата, если муж умрет, встречаются у большинства племен Кавказа и даже за его пределами, у киргизов уральских степей. Это дает нам право думать, что зло, которое хотели уничтожить путем этого запрещения, вело свое начало от когда-то общепризнанных обычаев, единственным следом которых остался левират.

Теперь займемся другой стороной этой же семейной организации: признанием родства только по матери.

Пережиток этого древнего порядка сохранился, как нам кажется, в следующем любопытном явлении: у черноморских черкесов сын не имеет права публично признать, что таковой-то его отец. Считается неприличным спрашивать у отца, как поживает его сын, и, наоборот, — у сына об отце.

Мы уже заметили, что пока существует матриархальная семья, защитником детей является брат матери, как отец — в нашем современном обществе. Поэтому важно отметить, что у горцев Грузии, в частности у пшавов, брат матери заступает место отца во всех тех случаях, когда дело идет о мести за пролитую кровь, в особенности в случае убийства его племянника. Он же получает и самую значительную часть выкупа, или вергельда.

У ингушей, другого очень древнего племени, происхождение которого до сих пор остается еще неизвестным, существует обычай, ведущий свое начало от тех времен, когда племянник наследовал брату своей матери. Каждый юноша, достигший совершеннолетия, т. е. шестнадцати или семнадцати лет, считает себя в праве требовать от своего дяди по матери, чтобы он подарил ему коня. И никто не может отказаться от исполнения этой обязанности. «Барч» — так называется этот вынужденный подарок, — берется часто силой племянником, который потерял терпение вследствие проволочек дяди, откладывающего исполнение того, что обычай считает его долгом.

Экзогамия, или запрещение браков между членами одной

и той же родственной группы, так же как и преобладающая роль в опеке родственников со стороны матери и даже некоторые следы общности жен у членов определенной родственной группы, — все это еще существует и в наше время у наиболее отсталых племен, населяющих самые глухие местности Кавказа. Я имею в виду хевсуров, народ грузинского происхождения, которых еще недавно, вследствие некоторых особенностей их костюма, считали потомками древних крестоносцев, захваченных кавказскими горцами во время перехода через Грузию и загнанных в самую глубь горных долин. Как я уже доказал в одной статье, напечатанной на английском языке*, эти мнимые крестоносцы до сих пор сохранили следы культуры гораздо более древней, чем эпоха крестовых походов, связанной скорее с иранской Авестой. Поэтому особенно интересно констатировать у этого народа сохранение в течение целого ряда веков многочисленных следов первобытного матриархата.

Как и большинство кавказских племен, хевсуры делятся на кланы, или *gentes*. Экзогамия у них строго соблюдается. И так как у них, подобно краснокожим, в частности ирокезам, несколько *gentes* часто входят в состав одной и той же фратрии, то между этими *gentes* брачные союзы не допускаются**.

Хевсурская семья представляется современному исследователю имеющей черты моногамии. Но это не исключает возможности общего владения женщиной до брака. Хевсуры в этом отношении очень похожи на своих ближайших соседей — пшавов: они признают за девушками право выбирать себе возлюбленных и покровителей, которые называются «цацали». Чтобы объяснить точный смысл подобного обычая, мы сопоставим его с тем, который англичанин Хауитт приписывает семейному быту австралийского племени Курнаи. Судя по его сообщению, у этого племени хотя и допускается индивидуальный брак, но разрешается сожителство всех членов данной группы родственников с девушкой, которую один из них наметил себе в жены. Индивидуальное обладание женщиной может быть получено только этой ценой. Можно предположить, что таким временным гетеризмом женщина выплачивает свой долг общине, достоянием которой она была когда-то в течение долгого времени. Гетеризм пшавских и хевсурских девушек (можно сказать, также и у сванетов, другого горского племени Грузии) не может быть иного происхождения. После

* «The Archeological Review», june 1888.

** В таком положении находятся кланы Кетасур и Чинчараули. Н. А. Худадов, Заметки о Хевсуретии, «Записки кавказского отдела Русского географического общества», т. XIV, вып. 1, 1890.

свадьбы женщина принадлежит только своему мужу; но до свадебного торжества она не расстается со своим «цацали», которого она себе избрала и которого она может менять сколько ей угодно.

К этим фактам, являющимся пережитками когда-то существовавшей принадлежности женщины всей группе родственников, я прибавлю еще несколько замечаний относительно сохранившегося и в наши дни преобладающего значения брата матери и в деле распоряжения имуществом племянника и в мести за преступления, жертвой которых последний сделался.

Хевсурский обычай не знает более подходящего опекуна для сирот, чем брат их матери. Еще недавно этот дядя по матери разрушал дом убийцы своего племянника и имел право на выкуп такой же, какой получали все родственники убитого со стороны отца. Ему принадлежало, по обычаю, последнее слово в деле примирения с обидчиком, угрозавшим жизни сына его сестры.

Приведенные здесь многочисленные факты, касающиеся группового брака и вытекающих из него последствий, экзогамии и системы родства по женской линии — все эти пережитки древнего порядка, сохранившиеся у племен, давно уже перешедших к патриархальному строю, как нам кажется, убедительнейшим образом доказывают правильность следующего общего положения. Первоначально семья не представляла собой индивидуальной пары, как теперь; она состояла из целой группы людей, носящих одно и то же имя, происходящих от одной женщины, вступающих в брак с соблюдением правил экзогамии, сообщая владеющих своими женами.

Такая семья, происходящая от одной женщины, экзогамная, не признающая иного брака, кроме группового, может быть названа матриархальной. И мы будем отличать ее от другого рода семейной группы, более поздней, родоначальником которой является отец или старший из агнатов (родственников по мужской линии).

Мы можем, таким образом, заключить, что древнейшей формой развития семейного строя был матриархат, а патриархат явился уже как необходимое следствие этого бесконечно более архаического порядка вещей⁶.

⁶ Ковалевский употребляет здесь термин «матриархат» в весьма узком смысле. На самом деле термин этот обозначает, с одной стороны, определенную эпоху истории человеческого общества, с другой — свойственный этой эпохе общественный строй. — *Прим. ред.*

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

В ПРЕДЫДУЩЕЙ лекции мы показали, что семья, основанная на родстве по отцу, вовсе не является универсальной формой семейной организации и что очень многие древние и современные народы совершенно не знали ее, а некоторые, хотя и подчиняются власти отца, но еще сохраняют многочисленные следы существовавшей ранее системы родства по матери. Спрашивается, как же можно разумно оспаривать эту теорию, которая подтверждается столь многочисленными и убедительными доводами и вполне согласуется с материальным и интеллектуальным состоянием первобытного человечества?

А между тем некоторые первоклассные юристы, и среди них Мен, считаются ее открытыми противниками. Если искать причину подобной аномалии, то приходится ответственность за нее возложить на самих авторов новой теории. Гонимая за этнографическими данными, она чаще всего удовлетворялась тем, что основывала свои выводы на примерах, взятых из жизни второстепенных народов. Обе великие расы, развитие которых составляет главное содержание истории, почти совсем не упоминаются в их сочинениях. Правда, изредка они вспоминают о мифах и легендах арийских народов. Но космополитический, если можно так выразиться, характер этих сказаний, постоянно перекочевывающих из одной страны в другую, ставит под вопрос происхождение тех общественных явлений, которые в них отразились. Возникшие обычно в Азии, эти мифы могли сохранить черты, характерные для их родины, даже и под эллинской, славянской или германской оболочкой. И при более или менее поверхностном изучении их может случиться, что арийским будет признано какое-нибудь явление, в действительности относящееся к жизни туранских или семитских народов. Поэтому успех Бахофена, так много черпавшего из народного эпоса, оставался все время очень сомнительным. Его выводы и сейчас еще оспариваются. Боятся впасть в ошибку и, нужно сказать, большей частью не без основания. Ведь чем больше подвигается вперед

сравнительное изучение фольклора, тем более проблематичной является возможность связать тот или другой миф или сказание с каким-нибудь определенным народом или определенной страной. Теория матриархальной семьи получила бы совсем иное значение, если бы потрудились обосновать ее на данных сравнительного правоведения, на юридических древностях семитических и арийских народов. Эта наука начинает уже выделяться в настоящее время в особую отрасль знания, и ей предстоит, несомненно, блестящее будущее. К несчастью, все авторы, примкнувшие к теории матриархальной семьи, совершенно игнорировали даже основные начала науки о праве. Это можно сказать и о Леббоке, и о Спенсере, труды которых не выходили за пределы естественных наук и совершенно не касались правоведения; то же относится к филологу Бахофену и этнографу Моргану.

Не нужно поэтому удивляться, что юристы, подобные выдающемуся ученому Мену, все еще держатся за патриархальную теорию. Прежде чем отвергнуть ее, они требуют более многочисленных и убедительных данных; они продолжают утверждать, что законы развития главных человеческих рас, семитической и арийской, были иные, чем у краснокожих и жителей Океании. По их убеждению, матриархат может явиться разве только исключением из общего правила⁷. Мен утверждает, что истинная причина этого явления — недостаток женщин у некоторых обществ вследствие войн или частых похищений, вследствие очень распространенного обычая убийства девочек при самом рождении или в силу того, что эти общества произошли от группы колонизаторов, состоящих исключительно из мужчин*.

Мы не можем признать какое бы то ни было значение за подобными соображениями. Знаменитый английский правовед как будто бы не знает того общеизвестного факта, что война между племенами, так же как и похищение женщин, встречается в ранние периоды жизни всех обществ, в особенности похищение является общим правилом: са-

* *H. S. Maine*, Dissertation on early law and custom, London 1883, ch. VII, p. 162.

⁷ Отрицание матриархата в буржуазной науке определялось вовсе не только недостатком фактического материала или «доказательств». Таковые имелись в изобилии и во времена Мена и др. Дело здесь в той общей позиции, которую заняла буржуазная наука в данном вопросе. Фактический материал на тему о матриархате безмерно умножился к настоящему времени, тем не менее и по сей час реакционная буржуазная наука в этом вопросе стоит на той же позиции своеобразной «не-арийской теории» матриархата. Ср. предисловие к наст. изд. — *Прим. ред.*

мым древним способом добыть себе женщин было отнять их у соседей. Поэтому непонятно, почему матриархат мог утвердиться у одной расы скорее, нежели у другой⁸.

Мы не можем приписать возникновение матриархата также и убийству новорожденных девочек, так как этот обычай неизвестен многим народам, у которых существовал матриархат.

Остается третье объяснение: влияние на организацию семьи того обстоятельства, что данная страна была колонизирована исключительно мужчинами. Но ведь прежде чем говорить о значении подобного факта, надо сначала доказать его существование. А мы имеем очень много оснований сомневаться в этом.

Дошедшие до нас исторические сведения о передвижении народов в древности и в средние века явно противоречат подобной гипотезе. Миграция славян и германцев происходила всегда целыми племенами, в состав которых входили и мужчины и женщины. Всякому, кто считает себя в праве усомниться в этом, следует только вдуматься в то, что сообщает Фриман в своей замечательной книге о саксонской эмиграции в Британии*.

Один современный автор, Старке из Копенгагена, старается иначе объяснить тот факт, что родство по матери

* *E. Freeman*, *History of the Norman conquest of England*, 6 vols, Oxford 1867—1879, v. I, ch. 1.

⁸ Ковалевский делает здесь две ошибки. Война отнюдь не составляла в первобытную эпоху постоянного явления. Изначальность войны и военного способа разрешения междуплеменных столкновений является в настоящее время одним из тезисов фашистской лженауки. На самом деле война в истории человеческого общества развивается сравнительно поздно, лишь на определенной ступени развития производительных сил, в виде войны-грабежа. В раннюю же эпоху нет ни поводов, ни объектов для войны и завоевания, междуплеменные столкновения редки и разрешаются они скорее в мирно-дружественном порядке.

Точно так же неверно мнение Ковалевского о том, что похищение женщин, или так называемое умыкание, было наиболее древним способом заключения брака. Этот тезис, выставленный в свое время Мак Леннаном, уже давно не поддерживается и в буржуазной литературе. Достигая известного развития у отдельных народностей в силу особых условий, умыкание никогда не становится «общим правилом» и всегда остается действием противоправным, вызывающим активную реакцию. В отношении умыкания к общепринятым в первобытную эпоху способам заключения брака сыграло роль неправильное толкование символических свадебных обрядов, имитирующих похищение невесты, изображающих ее сопротивление и пр. На самом деле эти обряды связаны с возникающим вместе с парным браком переходом жены на жительство в семью мужа, или так называемым патрилокальным поселением супругов. Именно ко времени возникновения парного брака относил, наряду с покупкой женщин, появление похищения Энгельс в качестве симптомов происшедшей «гораздо глубже лежащей перемены» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 32). — *Прим. ред.*

преобладает над родством по отцу у многих племен. Вот какова его теория (ниже мы скажем, какое она может иметь значение):

Главной причиной, заставляющей какой-нибудь народ избрать ту или иную форму организации семьи, является характер существующего у него производства. Народы земледельческие ценят женщину столько же, сколько пастушеские народы ценят скот, так как у варваров земледельческий труд возлагается на женщин. Поэтому неудивительно, если занимающиеся земледелием американские краснокожие придают большое значение родству по женской линии, тогда как арийские народы Европы и Азии, занимающиеся главным образом скотоводством, ставят выше родство по отцу. Первые, совсем не склонные отпускать своих девушек при их замужестве, предпочитают удерживать у себя их мужей (своих зятьев); вторые же довольствуются тем, что продают своих достигших брачного возраста дочерей тому, кто больше заплатит за них*.

Не веришь своим глазам, когда знакомишься с этим рядом гипотез, из которых ни одна не подтверждается и даже не может быть подтверждена какими-нибудь достоверными фактами. Прежде всего спрашивается, чем доказывается отмечаемая Старке разница в системе производства у краснокожих и у первобытных арийцев. Не сошлется ли он на отсутствие у первых из них быков и овец? Но эти животные, как нам сообщает Вайц, заменяются у них ламами и альпака, которых было так много в древних государствах Мексики и Перу. Или может быть это объясняется незнакомством древних арийцев с земледелием? Но это решительно противоречит тому, о чем свидетельствует сравнительная филология.

Итак, нет никакого основания устанавливать у этих двух ветвей человеческой семьи те различия, которые старается им навязать Старке. Так что его теория, как оказывается, сводится к ряду не имеющих достаточного основания гипотез.

Но даже если бы признать их основательность, то и в таком случае автор должен был бы еще объяснить, почему он утверждает, что продажа невест их отцами имеет место лишь у земледельческих народов, между тем как она в действительности практикуется при всех системах древнего права. Ему надо было бы также доказать, что у народов пастушеских, например, у израильтян, зять никогда не остается в доме своей невесты; а этому противоречит пример Иакова, который приобрел своих жен ценой

* C.-N. Starcke, *Die primitive Familie*, Leipzig 1888, S. 106 — 107.

многолетней работы в хозяйстве Лавана, и другие известные нам случаи*.

Как бы то ни было, теория матриархата как первоначальной формы будет прочно установлена лишь после того, как найдут пережитки его в древнем праве семитов и арийцев. Отыскать такие пережитки и стремятся упорно такие выдающиеся филологи и юристы, как Смит Робертсон, Колер и Даргун.

Мы считаем необходимым познакомить вас с результатами их работ, а к этому прибавить и некоторые новые соображения, вызванные изучением древних славянских законов.

Матриархат, как мы уже говорили, связан с большой свободой нравов, что делало невозможным установление действительного отца. Поэтому там, где утвердился матриархат, мы должны обнаружить следы совместного сожительства известного количества родственников с одной или несколькими женщинами. И вот что сообщает Страбон об арабах. Часто арабы пользуются сообща одной и той же женщиной. Тот, кто явился первым, идет на свидание с ней и при входе оставляет у двери в виде условленного знака свою палку. Такой обычай, повидимому, не вполне исчез даже еще во времена Магомета; это в достаточной степени доказывается существованием так называемого «мота», т. е. временного супружества с купленной женщиной, которая потом продавалась. Эта форма брачного союза в наше время практикуется лишь у шиитов; сунниты же упразднили ее со времен халифа Омара. О том же свидетельствует и обычай, о котором сообщает юрист Бохари,—обычай передавать друг другу одну и ту же женщину за деньги или же уступать ее какому-нибудь высокопоставленному лицу иногда со специальной целью, чтобы она принесла от него ребенка.

Распушенность нравов является лишь следствием такого порядка, при котором признается только естественная связь ребенка с матерью. Вот факты, доказывающие существование этого порядка у разных народов семитической и арийской расы. Слово «*batn*», которым у арабов обозначается как семья, так и *gens*, значит, собственно говоря, женская грудь, или, вернее, утроба. Людей, находящихся

* В другом месте своей книги Старке, плодотворный на гипотезы, дает как будто другое объяснение происхождению матриархата. Особые условия полигамии и различие в положении разных жен одного и того же мужа приводят к тому, что некоторые дети принимают имя своей матери для того, чтобы отличаться от других потомков их отца. Но так как эта гипотеза не подтверждается никаким прямым свидетельством, то на ней не стоит и останавливаться (Op. cit., стр. 37).

между собой в родстве, называют «*sabawañferut*», т. е. «люди, вышедшие из одной утробы». Члены одной и той же семьи называются «*sènatotoan*», — сосавшие одно молоко, от слова «*toto*» — молоко. Еще одна не менее любопытная подробность: многие арабские племена, упоминаемые Абул-Федой, обозначаются женским именем; например *Banu-Chindif* — потомки *Chindif*, женщины, а не потомки *Ilhas* (ее мужа). Как и многие другие народы, арабы думают, что характер человека определяется наследственными свойствами; но у большинства народов при этом имеются в виду предки со стороны отца; у арабов же — братья матери.

Переходя к доказательствам, взятым непосредственно из законов, мы можем указать на то, что арабский ребенок наследует общественное положение матери, а не отца, как это было бы, если бы власть отца признавалась все время, с самого начала. Поэтому сын свободного человека и рабыни принадлежит владельцу этой рабыни. Более того: они попрежнему не одобряют браков между родственниками, считая что дети от них рождаются слабые и болезненные, а между тем выход замуж за брата отца не запрещается, из чего можно заключить, что в эпоху возникновения этих обычаев такой дядя по отцу не считался родственником. Таким образом, этот обычай может быть объяснен только существованием системы родства по матери.

Таковы факты, свидетельствующие о том, что у арабов первобытной формой организации семьи был матриархат.

Аналогичные явления наблюдаются и в древнееврейском обществе. Фентон рядом цитат из Книги бытия и других книг ветхого завета доказывает, что общественное положение детей у израильтян определялось положением их матери. Наследство делилось только между единоутробными братьями, вследствие чего Иевфай был устранен от дележа сыновьями жены Галаадовой как брат единокровный. Претендент Авимелех, сын служанки, восставая против своих единокровных братьев, счел нужным соединиться со своими родственниками по матери.

Не менее убедительным доказательством является то место из книги Судей (VIII, 19), из которого видно, что кровная месть была обязанностью родственников по матери*.

Установив, таким образом, следы матриархата у семитов, перейдем к изучению аналогичных фактов из жизни древних арийских народов. Больше всего следов этой первобытной формы семьи сохранилось у кельтов Ирландии и Уэльса. Права матери на ребенка были признаны в Ир-

* *J. Fenton, Early hebrew life, a study in sociology, London 1880.*

ландии гораздо раньше, чем права отца; чтобы стать сыном какого-нибудь человека, необходимо было быть признанным им официально, а до этого ребенок оставался в клане своей матери. Когда рождался сын, то, как говорит древний свод ирландских законов, Книга Айсиль, отец обращался к его матери с вопросом: «От кого он?» — И если женщина отвечала: «От тебя», то только тогда отец получал право считать ребенка своим. Но это право на сына утверждалось только в том случае, если муж уплатил в свое время родным невесты вено, в противном случае отец должен был выкупить новорожденного, иначе тот оставался в клане своей матери.

Древние законы Уэльса также перечисляют целый ряд случаев, когда ребенок принадлежит только к клану матери, а именно: если отец его не признает, если он рожден вне брака, наконец, если положение матери выше положения ее мужа: так, сын раба и свободной женщины по праву входит в клан матери.

К этим многочисленным доказательствам тесной и исключительной связи между матерью и ребенком прибавим доказательства иного порядка: участие родственников по женской линии в мести за убийство и в уплате выкупа, право кредитора на захват имущества родственников должника не только по отцу, но и по матери; наконец, обязанность родственников по женской линии являться на суд для принесения присяги в пользу обвиняемого.

В общественном строе древних германцев мы находим немало черт, сходных с теми, которые мы взяли из быта кельтов. Новорожденный признается принадлежащим отцу, лишь в том случае, если тот заплатил вено за свою жену. Если оно не было уплачено, то потомство жены принадлежит к ее клану. По исландскому праву этот обычай соблюдается очень строго: достаточно, чтобы отец недоплатил самой малой части вена, для того, чтобы его дети лишились навсегда права наследовать его имущество. Как и у кельтов, дети, рожденные от смешанных браков, следуют общественному положению своей матери. Об этом определенно говорится в законах салических франков, алеманов, лангобардов и фриз.

Кроме того, Тацит свидетельствует, что у древних германцев узы, связывавшие человека с братом его матери, были столь же священны, как и те, которые связывали их с отцом. Это свидетельство заслуживает нашего внимания, тем более, что оно находит себе полное подтверждение и в народном эпосе. Исландские саги, так же как и «Песнь о Нибелунгах», не знают более тяжкого преступления, чем убийство женщиной своего брата, детьми — своего дяди по матери. Для отмщения этого злодеяния все позволено,

даже убийство мужа или отца. Самым позорным поступком женщины является брак с убийцей ее брата.

В немецком переводе Эдды мы читаем:

Schweig Idun!
Von allen Frauen
Mein ich dich die Männertollste:
Du legtest die Arme, die leuchtenden gleich
Um den Mörder eines Bruders*.

Хроники меровингской эпохи подтверждают это свидетельство эпоса несколькими случаями, когда за убийство дяди по матери мстят более жестоко, чем за убийство отца**.

Очень часто дядя по матери выступает в качестве опекуна или управляющего имуществом. Он занимается устройством судьбы своих племянниц, дочерей сестры, и заботится о воспитании племянников. Последние нередко носят его имя. После его смерти они обычно получали должность, которую он занимал при жизни.

Родство по матери настолько преобладает над родством по отцу, что в древнейшем тексте Салической правды в качестве естественных наследников человека, умершего бездетным, называются мать и ее сестра, т. е. тетка покойного, и совсем не упоминаются отец и дядя по отцу. В одной из статей той же правды, известной под названием *Reipus*, говорится, что вено вдовы, вторично вышедшей замуж, полученное в свое время от покойного мужа, переходит по праву после ее смерти к старшему сыну ее сестры, затем к сыну ее племянницы (дочери сестры) и т. д., причем в качестве наследников называются только родственники по женской линии.

В случае убийства жены ее вергельд точно так же определяется положением ее брата, а не мужа. Родственники по женской линии выступают, по Салической правде, в числе обязанных участвовать в уплате вергельда. Они же выступают и на суде в качестве «соприсяжников» (*conjuratores*), или лиц, которые должны высказаться о характере обвиняемого и о том, насколько его показания заслуживают доверия. Наконец, и в некоторых других варварских правдах родственники по женской линии, в особенности дядя по матери, играют важную роль, что является верным и бесспорным признаком существования в былые времена системы родства по женской линии.

У славянских племен таких пережитков древнейшего порядка меньше, но все-таки они есть. Из них я укажу лишь

* Молчи, Идун! Из всех женщин я считаю тебя самой развратной: ты обняла своими блестящими руками убийцу брата.

** *L. Dargun*, Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben, Breslau 1883, S. 53.

на наименее сомнительные, а именно: свидетельство так называемой летописи Нестора и хроники Косьмы Пражского о том, что некоторые славянские племена, например, древляне и чехи, не знали брака: связь мужчины с женщиной имела у них лишь временный характер. И то, что отец ребенка большей частью оставался неизвестным, вполне согласовалось с преобладающей ролью, которую играл в древнеславянском праве дядя по матери. Этим объясняется и то большое значение, какое славяне и до сих пор придают родственной связи между братьями и сестрами.

Среди лиц, имеющих право мстить за убийство, статья первая Правды Ярослава, древнейшего свода русских законов, упоминает также сына сестры; так мы читаем, по крайней мере, в древнейшей редакции Правды, в более поздних — вместо сына сестры мы находим уже сына брата.

Родственная связь между братьями и сестрами, как родными, так и названными («побратимами»), считается, повидимому, наиболее священной. «Клянусь именем своей сестры» — такова обычная формула, произносимая перед судом, если верить старинным народным песням сербов. Человек, не имеющий сестры, вынужден был клясться своим оружием, и он горько жаловался, что лишен того, что дороже всего на свете: счастья иметь сестру.

Если мы обратимся к народам древности, то увидим, что у греков в их героических поэмах, в их трагедиях, в сообщениях их летописцев сохранились многочисленные следы порядка, существенно отличающегося от свойственного патриархальной семье, но вполне соответствующего первобытному матриархату. По Варрону, только Кекропс запретил детям носить имя своей матери, а Страбон утверждает, что такой обычай процветал также и у беотийцев. Критяне, по словам Плутарха, и жители Мессины, по Павсанию, называя свою родину, говорили «земля моей матери». В поэмах Гомера родство по матери является более важным, чем родство по отцу. Так, Ликаон считает, что он сможет умолить Ахиллеса, мстящего за Патрокла, пощадить его на том основании, что он не единоутробный брат Гектора. Елена объясняет себе отсутствие Кастора и Поллукса в лагере Атридов тем, что они от одной матери с ней. Величайшее бедствие, которое может случиться с человеком, — это потерять единоутробного брата: смерть родного сына огорчает меньше. В сказании о Мелеагре мать проклинает сына, который убил своего дядю, ее брата. В эсхилловском Оресте эриннии утверждают, что узы, связывающие мать с ребенком, священнее, чем те, которые существуют между отцом и сыном. Но Аполлон, становясь на сторону Ореста, выдвигает новую теорию, по которой отец является единственным виновником рождения ребенка.

Ко всем этим фактам прибавим еще одну особенность афинского законодательства, по которому запрещался брак между братом и сестрой, родившимися от одной матери, и допускался в том случае, если они были единокровными. Трудно представить себе лучшее доказательство более важного значения родства по матери, чем по отцу.

Из древних народов только у римлян и у индусов сохранилось очень мало следов матриархата. Однако и здесь можно найти кое-какие признаки более позднего появления отцовской власти. Таким признаком является, например, утверждение юриста Папиниана, приписывающего царям честь этого нововведения.

По Дионисию, который является не менее авторитетным источником, плебеи появились будто бы от того, что в Риме в древнейшие времена наряду с людьми, могущими назвать своего отца, были такие, которые не могли этого сделать. Не желая превращать этот рассказ Дионисия в доказательство нашей теории, мы все же можем утверждать, что он является аргументом в пользу гипотезы о первобытном матриархате, так же как и преобладающее положение дяди по матери в эпоху царей. Тем, кто стал бы против этого спорить, было бы очень трудно объяснить, почему Тарквиний, опасаясь лишиться престола, считает необходимым преследовать именно племянников по женской линии и почему за обесчещение Лукреции мстит ее брат Брут, а не муж. И если мы не можем в защиту нашего положения сослаться на юридические памятники, то только потому, что почти единственным источником наших сведений о древнем римском праве являются уцелевшие отрывки законов XII таблиц.

У индусов, напротив того, имеются такие народные эпосы, как Рамаяна и Махабхарата, и многочисленные своды законов. Вот ряд относящихся к интересующему нас вопросу показаний, собранных известным берлинским профессором Колером.

Брахманские своды Вишну и Нарада признают права опекуна за дедом и дядей с материнской стороны. Брак между родственниками по женской линии определенно запрещается. Запрещается также усыновлять сына своей сестры, сына же брата усыновлять можно. Такое странное запрещение может быть объяснено только историческим приоритетом родства по женской линии: первоначально усыновление производилось всей группой родственников (всем родом), а племянники, дети сестры, входили в ее состав, следовательно, нечего было и усыновлять. По отношению же к тем, кто стоял вне рода, как дети брата, такой невозможности усыновить не существовало. Другим не менее важным фактом является то, что полученные

невестой от жениха дары, так называемые *ṣulka*, по инду-скому своду Митакшара, частью достаются ее единоутроб-ным братьям; они же получают их целиком после смерти сестры.

Нам остается теперь выяснить причины разложения этой древнейшей организации семьи, а также заняться про-исхождением власти мужа и отца. Этому и будет посвящена следующая лекция.

Общий вывод, который, как нам кажется, можно сделать из предыдущего изложения, следующий:

Семитические и арийские народы шли в своем обще-ственном развитии тем же путем, что и другие расы. Так же, как океанийцы и краснокожие, они начали с периода матриархата: их самые древние законы и их народные сказания сохранили следы этого первоначального порядка.

Необходимо, по нашему мнению, отказаться совершенно от мысли о какой бы то ни было двойственности или суще-ственном различии в развитии семьи между самыми цивилизованными представителями рода человеческого и ди-кими, или варварскими, племенами.

Чтобы покончить с очерком матриархального периода, следует теперь обратить ваше внимание на причины, при-ведшие к разложению этой семейной организации. Бли-жайшим предметом нашего изучения будет, таким образом, развитие власти мужа и отца.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

В ЭПОХУ матриархата, как мы уже говорили, связь между мужчиной и женщиной, составлявших индивидуальную чету, была очень слабой. Очень часто муж покидал жену еще до рождения ребенка и нисколько о них не заботился. *Consortium omnis vitae* (общность всей жизни), о котором говорится во всех определениях брака, даваемых римскими юристами, не существовало при матриархате. То же можно сказать и о *manus*, и о *patria potestas*, т. е. о праве опеки мужа по отношению к жене и отца по отношению к детям.

Установив это положение, обратимся к истории развития семьи. Это эволюционное движение происходило тремя различными путями. Прежде всего, путем самопроизвольного процесса должна была установиться все более прочная связь между супругами. Затем возникла определенная власть, присвоенная мужу, который в дальнейшем будет играть по отношению к жене ту роль покровителя, которая раньше принадлежала ее брату. И, наконец, вновь возникшая власть отца увенчает новое здание патриархальной семьи.

И если мы хотим шаг за шагом проследить развитие семьи, начиная от ее первоначальной матриархальной формы, нам нужно углубиться в изучение этого вопроса со всех трех его сторон.

Прежде всего необходимо установить, каким образом связь между мужчиной и женщиной из временной, какой она была сначала, сделалась мало-помалу постоянной. Перемены, с течением времени происшедшие в способах образования семьи, составят предмет нашего ближайшего изучения.

В первобытном состоянии, если судить по примеру австралийского общества, брак не связан с каким-либо обрядом: самый факт рождения призывает мужчину и женщину к совместной жизни. Так, у обитателей Маунт Гамбир все мужчины известной группы имеют право на всех женщин другой группы. Достаточно родиться в группе Кумите, чтобы получить право на всех женщин Кроки, и обратно.

В обществе, находящемся в этой фазе развития, не может произойти индивидуального присвоения женщины мужчиной, без чего немыслим брак. Даже женщины, при-

обретенные путем похищения, остаются общей собственностью той группы, к которой принадлежит похититель. Чтобы окончательно присвоить ее себе, похититель должен согласиться на ее сожителство со всеми, кого он называет своими братьями. Так делается у Курнаи, австралийского племени, изученного Хауиттом. Так было, без сомнения, и во всех древних обществах Востока, в которых, по сообщению римских и греческих писателей, существовал религиозный гетеризм.

И так как экзогамия продолжала существовать, как правило, во всех обществах, возникших из матриархата, приобретение женщины в индивидуальную собственность могло произойти не иначе, как путем похищения ее, безразлично, с ее согласия или насильно.

Самые различные народы знали такой способ брака. Это слишком общепризнано, чтобы стоило еще обременять вашу память многочисленными примерами, которые можно было бы взять как из этнографии, так и из истории.

Я считаю более нужным доказать вам, что самые цивилизованные нации современной Европы не могли не пройти через этот этап эволюции человеческой семьи. С этой целью я познакомя вас с некоторыми любопытными подробностями их обрядов.

В русских свадебных обрядах и в обрядах германских народов еще и теперь можно найти некоторые следы древнего брака путем умыкания. Такие же черты можно констатировать не только у греков, римлян, индусов и кельтов, но и среди самых некультурных племен, у краснокожих, океанийцев, негров и т. д. При этом, однако, обращает на себя внимание различие между теми и другими: то, что у дикарей представляет собой настоящее похищение, у народов арийского происхождения является лишь символом, старательно соблюдаемым, но часто совершенно уже непонятным. Укажем для примера на *deductio* новобрачной в дом ее мужа — обряд, бывший в одинаковом почете как в Риме, так и в Греции: муж брал свою молодую жену на руки и переступал с этой ношей порог дома, который станет жилищем новобрачных. Укажем еще на очень характерный обычай, существующий в Уэльсе: ближайший родственник жениха, гарцуя во главе целого отряда всадников, въезжает в деревню невесты, которая его ожидает, окруженная блестящей свитой родных и друзей. Этот сват требует, чтобы ему отдали невесту; получив отказ, он делает вид, что вступает в бой с теми, которые не допускают его к девушке, хватает ее и вскачь увозит.

Песни Эдды упоминают о подобных же обрядах. В них описывается борьба жениха с родственником невесты, перед тем как силой увести ее. Славянские народные песни часто называют жениха «ворог» или «враг». Еще и теперь

во многих русских деревнях существует обычай, по которому невеста должна быть окружена плотной толпой, не допускающей к ней жениха.

Хотя пережитки обычая похищать намеренную в жены девушку сохранились еще и до сих пор, тем не менее этот обычай уже давно стал заменяться мало-помалу обычаем купли, получившим не меньшее распространение. Объяснение причин, вызвавших эту замену, дано голландским ученым Вилькеном. Он утверждает, что плата за невесту, которую соглашались принять ее родители, представляла собой сначала своего рода вергельд, другими словами, выкуп, вносимый преступником, чтобы откупиться от преследований, которые могла начать против него семья жертвы его преступления. В пользу подобной гипотезы говорит то, что даже в случае продажи невесты ее родственники продолжали делать вид, что очень сердятся. Такой гнев необъясним, если мы будем видеть в браке путем купли договор, заключенный по добровольному соглашению. Но каково бы ни было происхождение этого нового способа вступать в брачный союз, нельзя не согласиться, что распространение его должно было немало способствовать тому, что брак, таким образом заключенный, становится нерасторжимым если не для мужа, то, по крайней мере, для жены. Утверждать противное — значит предположить, совершенно без всякого основания, что владелец может согласиться на то, чтобы его лишили принадлежащего ему имущества⁹.

Я не буду долго останавливаться на доказательствах почти всеобщей распространенности брака путем купли. Мы встречаем его и в Риме под названием *coemptio* и в древней Индии, где он существовал в двух различных формах — *azuga* и *arscha*, отличающихся друг от друга размером платы за невесту. В Иудее в эпоху патриархов и в Греции гомеровских времен можно указать немало примеров того, как муж отрабатывал свой долг у родителей жены. Кроме того в Илиаде прямо говорится, что молодые девушки приносят в свою семью «быков» — их брачную плату. В народном эпосе славян, в особенности русских, часто упоминается продажа девушки жениху. В наших народных песнях он еще называется «купцом», а молодая девушка фигурирует в виде «товара». Англо-саксонские законы, так же как и песни Эдды, неоднократно говорят о

⁹ Приводимое Ковалевским мнение Вилькена неверно. Об умыкании женщин и толковании сюда относимых свадебных обрядов см. предыдущее примечание. Плата за невесту, или калым, представляет собой сложное историческое образование, связанное с возникновением купли-продажи вообще, причем в основе калыма лежит возмещение семье невесты стоимости трудовой силы, утрачиваемой этой семьей с переходом женщины в другое хозяйство. — *Прим. ред.*

покупке жены (*de emente feminam*), о золоте, приносимом женихом, о рабах и драгоценных камнях, даримых им родным своей будущей жены.

Укрепленная этим новым способом заключения брака семья приобретает полную устойчивость лишь с того момента, когда становится под покровительство богов, главным образом, охраняющих ее духов — пенатов и гениев, т. е. обоготворенных предков.

Чем более мы изучаем народные обряды, тем более вынуждены притти к тому выводу, что торжественный обряд римлян и греков вовсе не является исключением, а встречается и у многих других народов, у германцев, так же как и у славян и у индусов, и, что особенно любопытно, среди туземных племен Кавказа, в особенности у осетин и пшавов. Еще и теперь их новобрачные, подчиняясь обычаю, обходят вокруг домашнего очага, после чего вкушают вместе хлеб и мед, предлагаемые матерью мужа. Можно подумать, что это римская *confarreatio* (совместная брачная трапеза), через две тысячи лет воскресшая у подошвы Эльбруса.

Освящением брака религиозными обрядами, придающими ему характер ненарушимости на всю жизнь, отмечается последний этап в эволюции семьи. К тому времени, когда она достигает этой точки своего развития, ряд перемен оказывается уже совершившимся: первобытное представление об отношениях между полами уже совершенно исчезло. Новая власть, власть мужа и отца, заменила прежнюю власть матери. Отношения между супругами стали иными; опекуном вместо дяди по матери сделался отец.

Как же произошли все эти перемены? Этот вопрос разрешить очень нелегко.

Самой слабой стороной новой теории о происхождении семьи является, как совершенно справедливо говорит Мен, то объяснение, какое она дает причинам, приведшим к появлению патриархата. Против этого объяснения можно сделать много возражений, оно требует целого ряда оговорок. Можно возразить, что у современных дикарей общественные перемены происходят под влиянием христианства и что поэтому трудно выявить их самопроизвольные причины. Но я предпочитаю остановиться на другом объяснении, которое, как мне кажется, вызывает меньше сомнений. Перемена, происшедшая с семьей, представляет собой сложное явление: она складывается из ряда нескольких последовательных изменений, причины которых различны.

Прежде всего надо узнать, какое влияние на семейную организацию оказывает естественный прирост населения в пределах одного какого-нибудь матриархального общества? Не помешает ли он дальнейшей совместной жизни? Не вызо-

вет ли он распадаения группы на несколько более ограниченных групп? Подобная перемена, естественно, должна была произойти вследствие самого образа жизни матриархального общества. Охотники или пастухи, эти люди не могли продолжать жить все вместе после того как в окружающих их лесах стало нехватать дичи, а на пастбищах травы. Голод заставлял их разбрестись. Целые ватаги отделялись от основного ствола и уходили далеко искать счастья. Так, Библия рассказывает нам о том, как разошлись Авраам и Лот. «Лот, — читаем мы в XIII главе Книги бытия, — имел так же как и Авраам, овец, быков и шатры, и земля не могла вместить их всех, ибо их имущество было так велико, что они не могли жить вместе». Тогда они разделились, и один пошел в одну сторону, другой в другую.

Подобные явления еще и теперь происходят у краснокожих. Живший среди их племен в Северной Америке Пауэль утверждает, что при распаде матриархальной группы отделяющиеся от нее отдельные пары мало-помалу утрачивают сознание своего общего происхождения. Родственники жены, ее братья, уже не будут поддерживать ее и оказывать ей свое покровительство. В конце концов она перестанет рассчитывать на их помощь. Муж, который с ней остался, представляется ей теперь единственным прибежищем: теперь уж от него она будет ожидать нужную ей помощь. Тогда-то и устанавливается влияние мужа, и в конце концов он приобретает право опекуна, *mund ald'a*, как говорили древние германцы. С того времени как муж стал жить вместе со своей женой, должны были возникнуть новые отношения между ним и детьми, которых она ему родила. С этих пор отец возьмет на себя вместо дяди заботу об их воспитании и прокормлении: именно он становится их защитником и покровителем. И дети перенесут на него то послушание и ту подчиненность, которую они еще недавно проявляли по отношению к своему дяде по матери. Так начнет развиваться рядом с *matris*, или властью мужа, *patria potestas*, или власть отца над своими детьми.

Все эти перемены происходят, конечно, с чрезвычайной медленностью; и обычное право еще долго будет хранить следы прежнего порядка: уже признавая власть отца, германцы тем не менее не переставали чтить и своего дядю по матери. Они мстили за его смерть, говорит нам Тацит, так, как они мстили бы за того, кто дал им жизнь.

Власть отца над детьми и мужа над женой еще долгое время сохраняет зачаточный характер. У некоторых краснокожих, уже свыкшихся с патриархатом, например, у шауни, миамы и делаваров, при рождении ребенка выбор имени зависит от мужа и от соседних матрон. Дадут ли ему имя

клана, к которому принадлежит его отец, или клана матери, от этого зависит судьба ребенка. Он будет подчинен отцовской родне или материнской, смотря по тому, имя какого клана он будет носить. Наяры предоставляют матери право решать, кто должен быть признан отцом рожденного ею ребенка. Такой же обычай существовал и у арабов до Магомета. Древние писатели сообщают о подобных же фактах. По Геродоту, у эфиопских озов отцовство устанавливается по физическому сходству. По словам Помпония Мелы, у гарамантов было то же самое, а Николай Дамасский говорит то же о либурнах. В Ирландии, до ее завоевания англичанами, отец признавал ребенка и объявлял, считает ли он его своим сыном.

Отцовская власть представляется дикарям таким новшеством, что для объяснения ее сущности они прибегают к аналогии. Обычай требует, чтобы отец симулировал родовые муки: он ложится в постель и стонет, как настоящая роженица. Так возник обычай «кувады», существование которого географ Страбон приписывает иберийцам и который до сих пор еще вполне сохранился у их прямых потомков — басков. В наши дни мы видим этот странный обычай в Африке, на Малабарском берегу, в Мадрасе и на Молуккских островах, а Марко Поло наблюдал его в XIII в. в провинции Юньнань, классические же авторы — у жителей Корсики и Кипра, а также у тиверцев, населявших берега Понта Эвксинского.

Кульминационный пункт развития отцовской власти нашел себе выражение в известной формуле римских юристов: *pater est quem nuptiae demonstrant* (отцом является тот, на кого указывает брак); но самый процесс этого развития занял очень много времени. И если в Индии бездетный муж может заменить себя каким-нибудь родственником или даже совсем чужим человеком, сохраняя за собой право считаться отцом тех детей, которые от этого родятся, то в Древней Ирландии было совсем не так. Здесь муж похищенной жены может быть признан отцом родившегося от такого внебрачного сожительства ребенка только в том случае, если он его выкупит у его действительного отца.

Муж был признан отцом всех детей, рожденных его женой, лишь тогда, когда частная собственность была вполне установлена. Жена принадлежит ему по праву собственности, а вместе с ней и весь ее приплод. Ведь она его «поле», по выражению Веды, его вещь; а разве плоды дерева не принадлежат его владельцу? К такому результату привело развитие семейного права у большинства арийских народов, как у греков, так и у индусов и у германцев. Относительно последних об этом свидетельствует закон алеманов: он

считает принадлежащими мужу детей, которых жена родила в незаконном сожителстве с кем-нибудь другим.

Как только утвердилось право отца, матриархат уступил место патриархальной семье. Мы достигли таким образом цели, которую поставили себе в этой лекции. В дальнейшем предметом нашего исследования будут фазы развития патриархальной семьи. Но прежде чем идти дальше и рассматривать различные формы ее организации, мы должны вернуться несколько назад. Мы поставим себе вопрос, каково было поступательное движение права собственности в течение того периода, который мы только что рассмотрели. Мы займемся происхождением и различными этапами, через которые это право прошло, для того чтобы лучше выяснить то многообразное влияние, которое оно оказало на развитие человеческого общества.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

НЕТ более спорного вопроса, чем вопрос о происхождении собственности. По этому вопросу существует ряд мнений, причем отдельные взгляды находятся в прямой зависимости от интересов их авторов.

Собственность — божественное установление, учат священнослужители Индии и Иудеи, так же как и ученые богословы католической церкви, например Эгидий Колонна и Роджер Бэкон. Последние, однако, вносят в это положение существенное добавление: они объявляют папу одновременно и блюстителем и распорядителем земных благ.

Истинное начало собственности — только война и завоевание, утверждают в свою очередь защитники военного класса и их потомков — дворянства; таким образом, рядом с теорией божественного установления выступает теория *occisuratio bellica* — захвата по праву сильного.

В качестве вождя войска завоевателей монарх играет в этой теории роль, подобную той, которая отводится папе сторонниками первой теории. Так, по словам иезуита Поссевина, русские времен Иоанна Грозного считали царя единственным источником всякой собственности; а нормандский завоеватель Англии, Вильгельм Незаконнорожденный, говоря о своем новом королевстве, всегда называл его «моя земля», «мое владение» (*terra mea, dominium meum*).

Только в XVII в. эта теория получила философское оформление. Современник и соотечественник Кромвеля, Гоббс первый изложил новое учение в виде ряда последовательных силлогизмов. Так как в «естественном состоянии» собственность не существовала, то действительным создателем собственности является государство в лице монарха. А тот, кто распределял имущество, сохранил за собой право и отнять его для общего блага граждан. Отсюда вывод: право монарха на имущество своих подданных является правом неограниченным, которое никто не призван контролировать.

Кроме этих двух первоначальных теорий в более позднее время возникла третья, считающая источником всякой собственности труд. Подобная теория могла явиться только

тогда, когда возникла категория свободных трудящихся (промышленных рабочих, ремесленников, земледельцев).

Поэтому понятно, почему античный мир, не знавший иного промышленного труда, кроме рабского, не мог создать такой теории. Освобождение городов и образование независимого третьего сословия должно было произойти задолго до того, как Локк, а за ним и другие провозгласили, что в основе всякого присвоения в личную собственность лежит свободное применение творческих сил человека — труда. Не надо, однако, думать, что эта истина была совершенно неизвестна до английского философа. Если мы обратимся к хартиям IX и X вв., то на каждом шагу встретим в них выражения вроде «то, что я приобрел в поте лица своего, трудом своих рук» (*quod acquisivi sudore, quod acquisivi laborando propriis manibus meis*). Этому столь справедливому и столь очевидному взгляду не хватало лишь того, чтобы он стал общим правилом: но это не могло произойти до тех пор, пока не перестал существовать феодальный принцип *nulle terre sans seigneur* (нет земли, не имеющей сеньера). Поэтому не случайно уничтожение феодализма в Англии Карлом II совпало с указанием на труд, как на единственный источник собственности. Произошла огромная революция в области общественных отношений, за ней должна была последовать не менее важная революция в мире идей.

Великий английский мыслитель, которого плохо поняли, если судить по Тьеру, даже его последователи, не скрывал от себя того, что индивидуальное приобретение нередко могло привести к сосредоточению в руках одного человека того, что необходимо всей общине. Поэтому он счел благоразумным смягчить резкость своего положения, присоединив к нему оговорку: «Все, что человек извлек из естественного состояния своим трудом или искусством, принадлежит ему одному, если только подобных вещей такого же качества осталось достаточно и для других».

Только оставляя без внимания это столь важное ограничение абсолютной доктрины Локка, сторонники его могли оправдывать монополизацию земли, промышленности и торговли незначительной группой людей. Этим они воскресили чисто римскую теорию о праве богача пользоваться и даже злоупотреблять своим богатством. Плохо истолкованное положение Локка стало казаться панацеей современного общественного порядка и сделалось постоянным аргументом капиталистов против рабочих. Поэтому не удивительно, что, исходя из исконного озлобления бедных и обездоленных против богатых, вожаки пролетариата противопоставили этой столь извращенной доктрине вульгарный парадокс «собственность есть воровство». Прудон придал этому опре-

делению лишь очень смелую и претенциозную форму. То, что можно, с некоторой натяжкой, назвать его теорией, в сущности давно уже известно. Не говоря о других, Руссо еще в прошлом столетии писал: «Первый, кто огородил участок земли и осмелился сказать: «Это мое», и нашел простаков, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, вырвав столбы из ограды и засыпавши рвы, крикнул бы: не слушайте этого обманщика, вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!»*

Все теории, которые мы только что рассмотрели, исходят из общих соображений, а не из тщательного наблюдения действительных явлений, они имеют характер теологический и метафизический, а не позитивный. Иначе, впрочем, и быть не могло, пока общественная наука находилась в зависимости от теологии и метафизики, вместо того чтобы быть тем, чем она теперь с каждым днем становится все более и более, а именно — независимой отраслью знания, не пренебрегающей даже мелкими фактами, отправляющейся от их наблюдения и тщательного изучения. Поэтому мы не станем придавать никакого значения этим теориям. Тем не менее, прежде чем ознакомить нашу аудиторию с тем, чему учит современная социология о происхождении собственности, мы считали нужным сообщить или, вернее, напомнить ей, насколько этот вопрос остается еще и в наши дни спорным, как все предлагаемые его решения имеют в виду исключительно интересы одной какой-нибудь касты, одного класса и насколько поэтому благоразумно не очень им доверяться.

Теперь я перехожу к изучению общественных явлений, на основе которых должна быть построена новая теория.

Этнография и история права свидетельствуют о том, что индивидуального присвоения земли и ее продуктов не было в первое время развития человечества. Наиболее отсталые народы, как бразильские ботокуды, дакота и другие племена краснокожих Северной Америки, гренландские эскимосы, южноафриканские негры — кафры и зулу, бедуины Аравии и жители Новой Зеландии — все они считают индивидуальную собственность исключением из правила, по которому земля и ее продукты принадлежат более или менее многочисленным группам охотников и рыболовов, занимающихся своим промыслом сообща. Древние писатели сообщают о подобных же фактах. По Страбону, общность имущества существовала у арабов, по Цезарю — у испанских вакциев и у германцев первого века до н. э. Прибавим к этому

* «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes».

распространенную среди древних народов веру в когда-то бывший золотой век, когда собственность была неизвестна, а также предания о том, что раздел земли был произведен каким-то полуисторическим, полумифическим лицом*.

Если мы спросим, каковы были истинные мотивы такого порядка вещей, если мы захотим знать причины, которые побудили наших первобытных предков и еще теперь побуждают дикарей не отказываться от системы более или менее ясно выраженного коммунизма, то нам следует прежде всего познакомиться с древними способами производства, так как распределение и потребление продуктов должно зависеть от способа их добывания. И вот что по этому поводу говорит нам этнография. У народов, живущих охотой и рыболовством, поиски добычи совершаются обычно целой ордой. Плохо вооруженный, едва прикрывший свою наготу первобытный человек чувствует себя не в силах бороться один на один с животными более сильными и более подвижными, чем он. В Австралии охота на кенгуру производится целыми отрядами, состоящими из нескольких десятков и даже сотен туземцев. То же происходит и при преследовании оленя в северных странах. Ловлей кита и крупных морских рыб занимаются несколько объединившихся семей, из которых каждая приносит свою долю снарядов и продовольствия. Доказано, что одинокий человек неспособен своими силами противостоять в борьбе за существование: он нуждается в помощи и поддержке, и благодаря коллективу его силы удесят�ряются. А то, что справедливо для нашего времени, не может не относиться к заре человечества, когда отдельная личность была еще менее подготовлена к борьбе, еще слабее разумом и даже телом, так как цивилизованный человек — в чем теперь уже нельзя сомневаться — обладает большей силой, чем дикарь: количество работы, которую может исполнить дикарь, не достигает и половины того, что делает наш рабочий.

Итак, первоначально существовало совместное производство, а как его естественное и необходимое следствие — и совместное потребление. Этнография богата фактами, которые это подтверждают. Ботокуды, по словам Марциуса, общими силами устраивают облаву на животное и не уходят с места, где оно пало, пока не сожрут всего мяса. То же рассказывают и о дакота, австралийцах и новозеландцах. Даже у тех племен, у которых уже не в обычае охотиться вместе, сохранился древний способ потребления добычи. За столом счастливого охотника собираются на пиршество все члены его клана, все жители деревни и иногда

* P. Viollet, *Caractère collectif des premières propriétés immobilières*, «Bibliothèque de l'École des chartes», 33, 1872, p. 474.

даже все племя. Во время моих путешествий по малоисследованным местностям Кавказа мне не раз приходилось принимать участие в подобных пиршествах. Они являются, так сказать, национальным праздником. В Сванетии, если какая-нибудь семья решает зарезать быка, корову или несколько десятков баранов, то со всех сторон сбегаются соседи. Едят, пьют и веселятся все вместе; вместе же поминают и родственников, умерших в истекшем году. Наевшись, таким образом, до отвала, сванеты будут затем поститься целые недели, довольствуясь горстью муки, разболтанной в воде. А затем наступит новое пиршество в честь какого-нибудь святого или часовни (сванеты официально числятся христианами). Так в течение всего года дни поста в одиночку чередуются с общими пирами.

Итак, бессилие, как интеллектуальное, так и физическое, вынуждает первобытного человека заниматься производством только совместно с другими; а так как то, что приобретается, является результатом общих усилий, то оно не может находиться в индивидуальном владении: отсюда общность имущества.

Но в таком случае, как же объяснить происхождение частной собственности? Общепринятая теория, которая не может, однако, нас удовлетворить, пытается доказать, что собственность коренится в самой природе вещей, или, скорее, в том, что человек, осознав различие, существующее между ним и предметами окружающей его природы, в конце концов присваивает их себе. Но это очень сбивчиво и темно. А между тем, это — лучшее, что могла сказать метафизическая школа. «Что сделает человек перед лицом природы? — задает вопрос знаменитый юрист Лерминье. — Он станет господином и собственником. Не признавая за тем, что его окружает, тех свойств, которыми он сам наделен, и видя, что предметы, рассеянные вокруг него, не разумны и не свободны, он назовет их вещами и наложит на них руку. Таким образом, — заключает Лерминье, — из личности, сознающей свое право на вещи, возникает собственность».

Но это не так. Совсем не так дошел первобытный человек до мысли воспользоваться исключительно для собственного употребления обтесанным камнем, который послужит ему оружием, или звериной шкурой, которая покроет его тело; а путем применения к производству этих предметов своих личных сил. Камень, который служит ему топором, он обтесал своими собственными руками. Охотясь вместе со своими многочисленными товарищами, это животное он добил сам и поэтому взял его шкуру в свое исключительное пользование. Обычай дикарей в этом отношении очень точны. Они очень тщательно разбираются в случае, когда в за-

травленного зверя попали два охотника, и присуждают его шкуру тому, чья стрела прошла ближе к сердцу. Они также разбираются и в случае, когда уже раненый зверь падает под ударами, которые ему наносит случайно явившийся охотник. Если раньше пущенная стрела осталась в ране животного, шкура отдается первому охотнику, в противном же случае она достается тому, кто нанес животному последний, роковой удар. Чтобы познакомиться с этими примерами и многими другими, стоит только обратиться к рассказам таких путешественников, как Сарычев, Гельмс и Скулькрефт, описывающих быт североамериканских племен, в особенности гренландцев и алеутов.

Итак, приложение индивидуального труда приводит, естественно, к частному присвоению. Это явление мы можем проследить на протяжении всей истории. Тот, кто сажает плодое дерево, делается его собственником, — и так не только у варварских племен, но и по древнегерманскому праву: кто первый нашел пчелиный улей, тот признается его собственником. Такого правила придерживаются древние законы Швеции: зюдерманландский закон, например, не требует от приобретателя иного доказательства его права на улей, как сделанный им надрез на стволе дерева, в котором пчелы устроили свой улей. Позднее, это будет воин, который один из всей своей семьи может пользоваться захваченной им на войне добычей; это будет жрец, который, с исключением всех других членов его семьи, получит жертвы, принесенные верующими. Об этом свидетельствует индусское право, так же как и обычай южных славян, донских казаков или древних ирландцев. Необходимо, однако, правильно понять истинное основание такого присвоения: оно является результатом приложения индивидуальных усилий для того, чтобы отнять какую-нибудь вещь у природы. В самом деле, как только к этим усилиям присоединяется помощь ближних, содействие семьи и ее имущества, добыча уже перестает быть личной собственностью, ею должна пользоваться вся семья. В Индии, например, если баядерка много зарабатывает, судьи не преминут постановить, что она должна делиться своим заработком с родными, так как она воспитывалась на счет семьи¹⁰.

¹⁰ В своих взглядах на возникновение частной собственности Ковалевский примыкает к довольно распространенной в его время так называемой «трудовой теории», чрезмерно упрощавшей и вульгаризировавшей решение данной проблемы. На самом деле возникновение частной собственности является результатом сложного процесса, в основе которого лежит рост производительных сил и который находится в тесной связи с развитием производственных отношений. — *Прим. ред.*

Но, признавая правильность теории, указывающей на труд, как на источник частной собственности, не следует преувеличивать и думать, что все полученное в результате индивидуальных усилий человека принадлежит ему одному. Факты, добытые этнографией, не подтверждают подобного предположения. В диком и варварском состоянии человек не знает сбережений и поэтому присваивает себе только то, что сейчас же может быть ему полезно; излишек, хотя и заработанный его собственными руками, он даром уступает другим членам своей семьи, своего клана или своего племени. Притом же он ничего не выиграл бы, если бы поступил иначе, так как приобретенные предметы большей частью годятся лишь для временного пользования и не могут сохраняться до бесконечности. Упуская это из виду, нельзя понять внутренней экономической жизни диких племен. В самом деле, какое иное основание может иметь право каждого члена племени требовать себе те вещи какого-нибудь из своих соплеменников, которыми тот не пользуется? А о таком факте не один раз упоминают исследователи жизни дикарей, между прочим, Лафито, который замечает, что у краснокожих большая часть дичи раздается всем желающим членам племени. У эскимосов тот, кто занимает у кого-нибудь лодку или какой-нибудь предмет домашнего обихода, не считает себя ответственным в случае его потери. Он не обязан вознаградить его собственника. В Новой Каледонии во время обеда никому не запрещается притти и потребовать своей доли. Следы подобной солидарности, характерной для младенческого состояния человечества, можно еще найти и у народов, у которых недвижимое уже стало объектом частной собственности. У различных кавказских племен до сих пор сохранился обычай на общий счет строить новый дом погорельцу и устраивать складчину, чтобы дать бедному юноше или вдовцу сумму, необходимую для покупки жены. Мы злоупотребили бы вашим терпением, если бы вздумали перечислять все передаваемые путешественниками факты, доказывающие заботу дикарей и варваров о благосостоянии друг друга и их отзывчивость на дела благотворительности. Этим фактам, свидетельствующим о продолжительном существовании в древние времена своего рода коммунизма, соответствуют другие, которые позволяют формулировать следующее общее правило: чтобы стать личной собственностью, всякое новое приобретение должно подвергнуться освящению путем символического действия, означающего, что тот, кто его приобрел, желает сохранить его исключительно для себя. Так возник обычай *табу*. Всякая вещь, объявленная *табу* и как *табу* отмеченная особым знаком, не может быть использована никем, кроме ее собственника. И, надо отдать справедливость дикарям, — они

свято чтут такое запрещение и очень редко нарушают его. Другой способ сделать неотчуждаемой вещь, которую желают сохранить исключительно для себя, — это приложить к ней язык и сделать вид, что облизываешь ее. Так, эскимосы, купив какую-нибудь вещь, хотя бы самую маленькую, например, иголку, тотчас же подносят ее ко рту.

Если мы захотим знать, какие предметы первые перестали быть объектами общей собственности и перешли в частную, то придется назвать лишь очень небольшое число их: пища, оружие, украшения и, позднее, женщины, похищенные у соседних племен; еще позднее, когда появился обычай даровать жизнь пленным, рабы стали представлять собой важное имущество, находящееся в частной, вернее, семейной собственности. Уже после первых опытов приручения животных, собаки, лошади, кошки и рабочий скот стали составлять самую значительную часть индивидуального и семейного имущества. Напротив, жилище очень поздно перешло в частную собственность. В самом деле, хижины эскимосов, служащие праздничным жилищем, считаются семейным имуществом, а деревянные домики, построенные для жилья зимой, принадлежат всем их строителям, т. е. нескольким соединившимся семьям. К числу предметов частной собственности надо прибавить орудия труда и домашнюю утварь, за некоторыми, впрочем, исключениями: лодки, предназначенные для охоты на китов, составляют общую собственность всех китоловов. Чтобы узнать, следует ли тот или иной предмет включить в число тех, которые находятся в частной собственности у дикарей, лучше всего обратиться к их погребальным обычаям. Это замечание кажется, на первый взгляд парадоксальным, а между тем оно является очень верным: дело в том, что когда дикари сжигают на могиле покойного все вещи, которые ему принадлежали при жизни, то этим определяется для нас их характер. А то, что верно относительно дикарей, может быть подтверждено и по отношению к исчезнувшим народам, которыми занимаются археологи. И если, по сообщению Ибн-Фадлана, вдова и раб сжигались на похоронах русов, этих норманов или варягов, которые спускались по течению Волги и которых ошибочно считают прямыми предками моих соотечественников; если то же явление наблюдается и в настоящее время у многих диких племен, а еще недавно существовало в Индии, — это значит, что все эти народы считали вдову и раба личной собственностью покойного. Если некоторые племена Коста-Рики во время похорон рубят фруктовые деревья, посаженные покойным, то очевидно они применяют к этим насаждениям понятие собственности. И если те же племена истребляют при этом весь скот, оставшийся после покойного, то это,

без сомнѣнія, потому, что он являлся его личной собственностью. Из всего этого следует сделать вывод, что было бы большой ошибкой ограничивать поле исследования быта дикарей и варваров одними какими-нибудь специальными вопросами. При мало-мальски углубленном изучении самых разнообразных, ничем как будто не связанных между собой обычаев, можно иногда сделать совершенно неожиданные выводы¹¹.

Вывод, вытекающий из изложенных в этой лекции фактов, может быть сформулирован следующим образом: вопреки общепринятому мнению, движимость, за некоторыми исключениями, была коллективной собственностью одной какой-нибудь группы охотников или рыболовов. Это является следствием того, что охота и рыбная ловля, как они производятся у наименее цивилизованных народов, требуют одновременного участия многих человеческих групп, состоящих из разных семейств, причем все они имеют одинаковое право на продукты их совместного труда.

Частная же собственность могла, следовательно, установиться лишь по отношению к тем предметам, производство которых составляет результат личных усилий отдельного человека. Но это правило подвергается очень существенному ограничению: результаты индивидуального производства признаются частной собственностью лишь постольку, поскольку они нужны для удовлетворения потребностей производителя в настоящем. Излишек же по праву принадлежит всем членам данной группы, будь то племя или объединение нескольких семей.

С этой точки зрения, частная собственность вовсе не исключает при самом своем появлении первобытный коммунизм. Она развивается лишь очень медленно по мере исчезновения коммунизма. Главной причиной этих перемен является, бесспорно, пробуждение духа частной инициативы, проявляющегося в таких фактах, как разведение скота, насаждение плодовых деревьев, постройка частных жилищ и т. п.

Когда переход от охотничьего быта к пастушескому и земледельческому уже вполне закончился, движимое имущество начинает делаться объектом если не личной, то семейной собственности. Этот факт совпадает с появлением патриархальной семьи. Мы поэтому не ошибемся, если ска-

¹¹ Данное толкование Ковалевского весьма оспоримо. Предметы, которые кладутся в могилу вместе с покойным или уничтожаются по случаю чьей-либо смерти, не обязательно составляют частную собственность умершего. Эти обычаи, выражающие веру в загробную жизнь, имеют целью снабжение покойного необходимыми ему предметами, и таковые берутся не только из лично ему принадлежащего, но и из коллективного имущества родовой группы. — *Прим. ред.*

жем, что развитие патриархальной семьи начинается в такое время, когда из всех предметов природы одна земля остается неразделенной.

Изучением устройства этой земельной общины мы займемся в ближайших лекциях; и мы постараемся найти документальные данные, связывающие ее с организацией патриархата. Мы покажем, как взаимно влияли друг на друга эти два факта различного порядка, как семья стала кооперированным сообществом, а земля — общим имуществом, каковы были последствия подобного строя и как произошли один за другим распад семейной общины и установление частной собственности.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

ВТОРЫМ периодом в развитии семьи является так называемый патриархальный период. В многочисленных теориях, старавшихся установить, что государство строится по типу семьи, так как семья является зародышем, из которого оно вышло, этот социальный эмбрион изображается просто в виде четы, состоящей из мужа и жены. Дети входят в состав семьи лишь до совершеннолетия; созрев для вступления в брак, они тотчас же устраиваются в виде отдельных хозяйств и в свою очередь становятся плодоносными зародышами новых стволов. Специфической особенностью античной семьи, какой ее себе представляли, является неограниченная власть ее главы — мужа и отца. От этого-то воображаемого всемогущества и исходили сторонники семейной теории государства, чтобы установить в принципе необходимость абсолютной монархии, неограниченной власти государя — отца своего народа. Чтобы иметь доказательство, на которые можно было бы опереться, обычно прибегали к римскому праву и к библейскому преданию. Адам и Ева, Авраам и Сара, Исаак и Ревекка неизбежно фигурировали в числе фактов, доказывавших существование отдельных пар еще на заре человечества. Для определения отношений, связывавших между собой членов такой семьи, смело обращались к римскому праву, заимствуя из него пресловутый текст, устанавливающий право отца на жизнь и смерть (*ius vitae necisque*). К нему обращались тем охотнее, что были убеждены, что примером такой же власти является и жертвоприношение Авраама. А раз израильского патриарха наделили неограниченной властью, то почему не обратить этого обстоятельства в пользу абсолютной монархии, так как сторонники этой теории с самого начала утверждали, что первый человек был не только первым супругом и первым отцом, но также и первым монархом. Правда, этому монарху нехватало только одного — подданных, но на такие пустяки не обращали внимания. Такова выраженная в самой простой форме теория Фильмера; его сочинения вызвали появление политических трактатов Локка, который, впрочем, был озабочен только опровержением

политической стороны этой теории, сам же исходил, как и его противник, из той же мысли, что патриархальная семья представляла собой супружескую чету со всемогущим главой.

Много произошло с тех пор политических революций, много теорий рассыпалось в прах, но учение, которое мы только что изложили в общих чертах, еще и сейчас стоит непоколебимо. А между тем нет ничего более ложного, чем подобная гипотеза, ничего более противоречащего этнографическим и историческим документам, многочисленным пережиткам древнейшей общественной организации, рассказам античных и средневековых писателей. В самом деле, нужно было, чтобы вся история права ограничилась изучением римской юриспруденции, для того чтобы даже такие могучие умы, как Гегель, дошли до убеждения, что индивидуальная семья, подчиненная неограниченной власти отца и мужа, отражена всеми древними законодательствами.

И только с того времени, как история существующих законодательств и сравнительная этнография заняли место в университетском преподавании, стали задаваться вопросом, действительно ли ходячая доктрина находится в согласии с совокупностью положительных фактов; были ли правы те, кто делал заключения об эволюции семьи у всего человечества, изучая эту эволюцию только в римском обществе; да и последняя была ли правильно понята и не лучше ли было бы оставить в стороне всякие предвзятые теории и обратиться к беспристрастному изучению фактов? А изучение древнего семейного права, как оно выражено в большинстве арийских и семитических законодательств, приводит вот к чему.

Что касается германского права, которое первое стало предметом специального изучения, то вывод, к которому пришли, как нельзя более ясно выражен Гейслером. Этот швейцарский ученый законовед говорит по этому поводу следующее: «Семья древних германцев не была объединением людей, связанных исключительно браком и кровным родством, а представляла собой союз лиц, живущих под одной кровлей (*Hausgenossenschaft*). Поэтому членами семьи следует считать не только людей свободных, но и тех, кто в той или иной степени зависит от главы общины (рабов, вольноотпущенников). Таким образом, семья являлась кругом лиц, живущих вместе и признающих власть одного и того же главы дома (*ergo munt*)^{*}. В подтверждение этого положения достаточно сослаться на известный текст Цезаря о *consanguinitates hominum, qui una coierunt*, о родственниках, которые едят за одним столом,

^{*} *A. Heusler, Institutionen des deutschen Rechts, 2 B-de, Leipzig 1885—1886, VII, Das Familienrecht.*

а также на упоминаемые Тацитом *propinquitates*, или сообщества родственников, живущих вместе, и на термины *confraternitates*, *consorteriae* и т. п., которые так часто употребляются в законах алеманов, баваров, бургундов и лангобардов для обозначения людей, принадлежащих к одному и тому же хозяйству, членов одной и той же семейной общины. Эти общины будут существовать в течение всех средних веков как в Дитмаршенской республике, так и в Швейцарии и во всей южной Германии, где они известны под именем *Pfunds*. Еще недавно многочисленные следы их были открыты в Оверни, в департаменте Ниевр, под именем *raçonneries*, и в испанской Галисии, где они называются *compañias da Galicia*; часто они состоят из большого числа членов, живущих вместе; их неразделенное имущество управляется старейшим или выборным при содействии совета из всех совершеннолетних членов семьи.

У славян семейная община упоминается в их древних сводах и продолжает еще существовать по сейчас в некоторых местностях. Русские и поляки, сербы и чехи могут воскресить в своей памяти ту еще недавнюю эпоху, когда у них существовали общины под юго-славянским названием «вервь», которое упоминается в своде законов Далмации, а также принято составителем Правды Ярослава, древнейшего русского свода законов; кроме того, под названием «братство» или «задруга», еще обычными у славян Австрии и Турции, под названием «родные и двоюродные братья, живущие вместе» (*in communitio*), которое встречается в латинском своде польских статутов, собранных королем Казимиром в XIV в.

В настоящее время их можно найти в окрестностях Аграма и Филиппополя, у сербов, болгар и черногорцев.

Сколько еще существует таких маленьких республик, управляемых старейшим или тем, кто более других достоин доверия*, таких сообществ, в которых каждый имеет свою долю назначенного труда и равное со всеми право на пользование общим имуществом. Я заимствую у Богишича превосходное описание этих человеческих ульев, переживших порядок, в других местах уже исчезнувший.

Как общее правило, члены общины — родственники между собой, причем родство это нередко очень отдаленное. Однако и чужой может войти в общину путем брака или усыновления. Случается, что и старики вступают в это сообщество, если они лишились всех своих детей и у них никого не оста-

* A. Z. Helcel, *Starodawne prawa polskiego pomniki*, v. I, Warszawa 1856, p. 124. *Quum omnis dissentionis et discordiae sit mater communis, in qua etiam fratres et germani existentes, ad rancores seu lites non modicas saepius provocantur...* и т. д.

лось для ухода за ними. Хорошо принимаемые в сербских общинах, эти старики в благодарность оставляют в наследство свое имущество задруге.

Рассмотрим теперь обязанности и права каждого члена общины и определим сначала положение ее главы, которого сербский народ называет «домачин» (домоправитель). Обычно он избирается общиной из пожилых и женатых членов. Впрочем, нередко бывают и исключения из этого правила: несмотря на большое уважение сербов к старости, часто выбирают молодых людей, энергичный характер которых, честность, способности и сильная воля известны и испытаны. Домачин председательствует на семейных собраниях, представляет общину во всех внешних делах и перед властями. Он заведует семейным имуществом, которое находится под его охраной, так что никто не может распорядиться какой-нибудь вещью, имеющей хотя бы некоторую ценность, без его позволения. Он распоряжается общими деньгами и должен добывать все необходимое для дома. Он ответственен за все расходы. Он может по своему произволу продавать и покупать малоценные вещи. Для более важных операций необходимо согласие общины. Во многих местностях глава имеет право продавать движимость, но ни в коем случае не недвижимость. Когда глава действует несогласно с намерениями общины, его могут сместить, но для этого требуется общее согласие.

После главы семьи наибольшим почетом в общине пользуется «домачица», хозяйка дома. Большей частью это жена домачина. Во многих местностях женщины имеют право сами назначить домачицу, но их выбор должен быть утвержден семейным советом. Права и обязанности домачицы ограничиваются пределами дома. Она, естественно, стоит во главе домашнего хозяйства. Именно она распределяет работу между женщинами в общине. Она поддерживает порядок и улаживает ссоры; с нею советуются при выдаче замуж девушек, и часто она имеет в этом решающий голос.

Изложим теперь права рядовых участников задруги. Они все имеют равную долю в общем имуществе. Каждый член получает свою часть доходов и имеет право на получение от общины пищи, крова и одежды. Право голоса в семейном совете принадлежит всем взрослым членам общины безразлично. Семейный совет обычно собирается после ужина. Глава говорит первым. Он дает отчет о том, что сделал, излагает свои проекты относительно будущего, перечисляет все, что необходимо сделать. Затем открываются прения, и с общего согласия утверждаются совершенные домашним делом сделки по купле и продаже и принимается изложенная им программа. Из этого видно, что семейный совет в значительной степени ограничивает власть домачина, ко-

торый вынужден собирать его каждый раз, когда дело идет о купле или продаже, о займе на стороне, о частичном или окончательном разделе, о необходимости осудить поведение того или другого члена общины или принять решение, касающееся внешних отношений семьи, — одним словом, во всех важных случаях*.

Лет десять назад никто и не подозревал о существовании среди великорусских крестьян семейной общины, подобной сербской. Когда я сделал свой первый доклад об этого рода коммунизме, председатель московского юридического общества, известный славянофил Лешков, не мог удержаться, чтобы не заявить во всеуслышание, что никогда еще на заседании общества не излагалась более нелепая гипотеза, так как всем известно, что семейная община характерна для быта южных славян, как община сельская — для крестьян Великороссии. А теперь трудно, я бы даже сказал невозможно, встретить мало-мальски значительного русского юриста, который не признавал бы вместе со мной, что семейная община, так же как и сельская, составляет основу обычного права нашего сельского населения. Местные наблюдения, сделанные в последние годы в губерниях Курской, Саратовской и Орловской, вполне подтверждают высказанное мною общее положение.

Семейные общины, состоящие нередко из полусотни членов, живущих совместно, были открыты в районах Волги, Дона и Волхова; общим имуществом в них распоряжается обычно старейший, а иногда и более способный, причем важные вопросы решаются лишь с общего согласия всех членов общины.

Укажем еще только на существование подобных общин и у ирландских кельтов, которые называли их *fines***, и перейдем к капитальному вопросу: существовали ли организации, подобные вышеописанной, в древнейших арийских обществах, у индусов и персов?

Риг-Веда и Авеста, древнейшие арийские литературные памятники, дают нам по этому поводу ценные указания. Кроме племени, которое в Риг-Веде называется *јапа*, а в Авесте *zantu*, оба сборника упоминают еще *gens (vic)* и общину ближайших родственников *јаптапа*. Отличительным признаком ее является совместная жизнь всех ее членов. Индусские своды признают две группы родственников, которые существовали также и в древнеэллинском обществе. Одна состоит исключительно из самых близких родных, *sarindas*, что соответствует греческому *anchi-*

* *F. Demelic*, Le droit coutumier des slaves méridionaux, d'après les recherches de Mr. Bogisic, «Revue de la législation ancienne et moderne», 1876.

** *H. S. Maine*, Early history of institutions, London 1875.

steis. Главной обязанностью этих родственников было, повидимому, принесение хлеба и воды в жертву манам предков. Их изображают живущими под одной кровлей и питающимися вместе одной и той же пищей. Другая группа, samandos (у эллинов — anepsiadoi), принимает меньшее участие в жертвоприношении и живет раздельно. Один из древнейших сводов Индии перечисляет тех, кто принадлежит к первой группе объединенных родственников: прадед, дед, отец, сын, внук и правнук; это как раз те родственники, которые в течение жизни одного поколения могут знать друг друга. Семейная община sapindas возглавляется старейшим; она нераздельно владеет движимым и недвижимым имуществом, орудиями и денежными средствами. Глава распоряжается всем, обычно с общего согласия. Имущество, приобретенное кем-нибудь из членов общины на стороне, но при помощи общих средств, поступает частью в собственность всей общины: приобретатель отдает ей одну треть, а две другие трети оставляет себе.

Произведенные в последнее время исследования организации древней семьи у римлян подтверждают нашу теорию. Иеринг и Моммзен доказывают, что при царях и в начале республики у римлян сохранялись следы семейной общины, члены которой жили вместе. Отец, мать, дети обоего пола, внуки и внучки составляли в Италии группу «своих» (sui). Институции Юстиниана отмечают их, как лиц, которые при жизни отца (vivo quoque parente) считаются quodam modo domini, т. е. совладельцами. Все это очень непохоже на чету, состоящую из мужа и жены с прибавкой несовершеннолетних детей, причем один только отец наделен правами, все же остальные члены этой семьи только исполняют обязанности. Таким образом, эволюция римской семьи оказывается подчиненной общему закону и, так же как и у других народов, знала переход от матриархальной общины к такой, где повелевал муж и отец, что не исключало, однако, некоторой независимости и младших членов.

Таким образом, мы приходим к заключению, что патриархальная семья, этот второй этап общественной эволюции, имеет вид общины, состоящей из людей, которые находятся в родстве друг с другом, так как являются потомками одного отца, живут под одной кровлей и владеют своим имуществом сообща.

Теперь нам нужно будет изучить эту столь странную на наш взгляд общественную организацию в двух ее видах: как религиозную ассоциацию, состоящую из нескольких лиц, имеющих общий культ предков, и как ассоциацию кооперативную, сообща распоряжающуюся своим имуществом. В следующей лекции мы и займемся этим.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

В НАШЕ время странно будет услышать, что семья представляет собой особую религиозную общину, имеющую свои особые божества, совершающую обряды своего особого культа. А между тем и теперь еще многие черты обыденной жизни низших классов свидетельствуют о существовании наивной веры в души предков и в их постоянные сношения с живыми членами семьи. В деревенских семьях в Тироле, в старой Баварии, в верхнем Пфальце, в немецких областях Богемии крестьяне-католики, по словам Бухгольца, в течение всего года самым тщательным образом принимают необходимые меры для обеспечения благополучия своих покойников. С этой целью ежедневно собираются остатки от обеда и каждую субботу бросаются в огонь: они предназначаются для питания умерших родственников. Когда мать принимается месить тесто для домашнего употребления, она обычно бросает немного муки сзади себя, а часть испеченного хлеба кидает в огонь. Точно так же, делая пирожки, она не преминет один из них бросить в огонь. С вечера праздника всех святых свет горит всю ночь и одна дверь или окошко остаются открытыми для того, чтобы души умерших, маленькие ангелы, как их иногда называют, могли влететь и полакомиться*.

Сопоставим эти факты, сами по себе довольно неясные, с более характерными обычаями сельского населения России и других славянских стран. Мы имеем в виду домашнего духа, «домового» (у шведов *tomten*), который оберегает дом и его обитателей, не исключая животных. Обычно это дух благожелательный, но при условии, чтобы ему угрожали, в противном же случае он бывает злобным и мстительным. Обратите внимание при этом, какими тесными узами он связан с домашним очагом: поэтому, в случае переезда, переносить его в новое жилище следует с большими церемониями. Отметим также, что только свой домовый, как думают, ведет себя по-дружески, чужие же, наоборот, завистливы и опасны.

* *Buchholz, Deutscher Glaube und Brauch.*

Чтобы иметь перед собой этот семейный культ в вполне развитом состоянии, чтобы познакомиться с ним во всех его мельчайших подробностях, следует просмотреть ряд появившихся в последние годы трудов русских ученых, посвященных описанию обрядов и обычаев, еще существующих у многочисленных народностей, населяющих российскую империю. Чтобы дать вам понятие об этих трудах, я ограничусь кратким изложением моих личных исследований семейного культа кавказских горцев, в частности, осетин и пшавов. Эти две национальности столь различного происхождения (одна арийского, другая грузинского) почти в одинаковой мере подверглись влиянию иранской культуры. Приостановившееся в самом начале их общественное развитие во многих отношениях хранит на себе до сих пор отпечаток этого идейного воздействия, так что их обряды и обычаи могут считаться лучшим и наиболее полным комментарием к Авесте.

Подобно тирольскому или великорусскому крестьянину, осетин не верит в полное прекращение существования после смерти. Загробная жизнь, жизнь душ является продолжением земной жизни. Мертвые, так же как и живые, нуждаются в пище, топливе и освещении. Доставлять им все эти блага должны оставшиеся в живых. Поэтому осетины стараются делиться с душами умерших тем, чем сами поддерживают свое существование. В течение целого года после смерти мужа вдова prepares ему постель и все, что нужно для туалета, как бы думая, что он придет или же невидимый присутствует при всех этих приготовлениях. Каждую пятницу она посещает его могилу и приносит пищу и питье на целую неделю. Во время поста служится панихида и делают чучело, которое сажают за стол и угощают кашей и водкой. Так чествуют не только недавно умершего. Семь раз в году поминуют также и тех, кто давно уже покинул этот свет. Все приглашенные на пир родственники едят и пьют более обыкновенного в надежде, что умершие воспользуются избытком еды и питья. Ночью накануне нового года зажигают костры из соломы, число которых должно соответствовать числу почитаемых предков. Глава дома произносит по этому случаю следующие слова: «Да не потухнет доля вашего огня, дорогие покойники, и пусть у вас будет хорошее освещение». Величайшее оскорбление для осетина — это выразить ему пожелание, чтобы его покойники голодали. И осетины часто, обращаясь к своим умершим, говорят: «Пусть никто не отбирает у вас кушаний, которые вам предложены, но сами вы можете свободно делиться ими с другими покойниками по своему выбору». Будучи сытыми и находясь в тепле, предки становятся духами-покровителями живых членов своей семьи. Имен-

но им последние обязаны счастьем хорошего урожая и быстрого размножения скота. Они также охотно оказывают помощь против разных врагов, которых может опасаться семья; многие несчастья, происшедшие с врагами семьи, были приписаны влиянию этих духов. Но не одни чужаки должны их опасаться. Их гнева должны страшиться также и те из родственников, которые не выполняют своих обязанностей по отношению к мертвым и заставляют их нуждаться в пище и питье. Болезни людей и скота, несчастья в дороге, неудача в делах часто не имеют в глазах горцев иной причины, как месть покойника. Боязнь ее часто заставляет пшавов умолять какого-нибудь покойника, самое имя которого они забыли, согласиться разделить с другими жертвы, приносимые живыми, и не становиться враждебным, если он невольно окажется в пренебрежении.

Можно было бы без конца приводить действительно любопытные подробности этого культа, который так плохо мирится с магометанством и христианством, официально исповедуемыми кавказскими горами.

Но мы думаем, что и того немногого, что мы сказали, достаточно для того, чтобы понять происхождение многочисленных предписаний Авесты об обязанностях живых по отношению к *fravashī*, или духам, а также духов по отношению к живым. Авеста изображает этих духов великодушными, храбрыми, милосердными, могущественными, сильными и в то же время легкими, как воздух. Их постоянная забота — узнать, кто принесет им жертвы, кто доставит им достаточно пищи, чтобы им никогда не приходилось напрасно желать ее. Преданных им родственников они благословляют в следующих выражениях: «Да будут в его доме всегда стада людей и скота, да будет у него спокойная лошадь и прочная повозка, да не переведутся в его семье люди, умеющие почитать бога, управлять народом и приносить жертвы».

Изучив в подробностях культ предков у племен, у которых он существует еще и в наши дни, мы поймем не только обряды и обычаи, встречающиеся в обыденной жизни теперешнего сельского населения, но и многочисленные предписания об обязанностях живущих по отношению к умершим, которых так много в подобных Риг-Веде сборниках древних гимнов, в народном эпосе греков, в сочинениях античных прозаиков, поэтов и законодателей.

Что же касается культа предков в эллинском и римском мире, то трудно было бы указать на что-нибудь относящееся к этому культу, что не было уже комментировано Фюстель де Куланжем в его труде, до сих пор еще остающемся классическим. «Култ мертвых, — пишет знаменитый автор *«La cité antique»*, — ни в чем не был сходен с почитанием свя-

тых у христиан. Одним из главных его правил было то, что каждая семья может почитать только тех мертвых, которые принадлежат к ней по крови. И на поминальном обеде, который после похорон повторялся через известные промежутки времени, только семья покойного могла присутствовать и ни один чужой ни в каком случае не мог быть к нему допущен. Культ мертвых был исключительно культом предков. Лукиан, насмехаясь над народными поверьями, в то же время дает нам точное их объяснение, говоря: покойник, не оставивший после себя сына, не получает жертв и обрекается на вечную голодовку. Из этого следует, что в Греции и Риме на сыне лежала обязанность совершать возлияния и приносить жертвы манам своего отца и всех своих предков. Небрежное отношение к этой обязанности являлось величайшим нечестием, так как перерывы в этом культе заставляли мертвых бедствовать и прекращали их блаженство. Подобная небрежность являлась не меньшим преступлением, чем отцеубийство, и притом повторенное столько раз, сколько было предков у семьи. И наоборот, если жертвы все время совершались с соблюдением всех установленных обрядов, если пища приносилась на могилу в установленные дни, тогда предок становился богом-покровителем.

Враждебное по отношению ко всем тем, кто не принадлежал к его потомству, отгоняя от своей могилы и насылая на них болезни, если они к ней приближались, это божество для своих было добрым и благодетельным. Происходил постоянный обмен услуг между мертвыми и живыми в каждой семье. Предок получал от своих потомков ряд поминальных обедов, т. е. единственное удовольствие, которое он мог иметь в своей второй, загробной жизни, а потомок получал от своего предка помощь и силу, которые были ему необходимы в этой жизни. Живущий не мог обойтись без мертвого, как и мертвый без живого. Этим устанавливалась, — как основательно замечает Фюстель де Куланж, — прочная связь между всеми поколениями одной и той же семьи, которая превращала их в единое, навеки неразделимое тело»*.

Чего, однако, автор не говорит, но что заслуживает упоминания, это то, что к сыну, отправляющему культ мертвых, присоединяются все родственники, живущие под одной с ним кровлей. У римлян не было слова для обозначения их, в отличие от других родственников, живущих отдельно, но греки имели для них особое название — *anchi-steis*. То же было и у индусов, о чем мы сейчас будем иметь

* «La cité antique», 2-ème éd., p. 36.

случай говорить, так как культ предков, известных у римлян под именем богов — манов или пенатов, а у греков — гениев, не был чужд и древней Индии. Почитатели Агни, а позднее Браммы в то же время поклонялись и «питра», т. е. духам-покровителям семьи. Риг-Веда, так же как и Ману, рекомендует приносить им в жертву рисовые пирожки и хмельной напиток, сделанный из сока растения «сомма». Эта обязанность в первую очередь возлагается на тех, кто живет в семейной общине (*sapinda*), во вторую — на всех, связанных с покойным узами кровного родства во всех степенях (*samanadose*). Священнодействует всегда ближайший потомок по прямой линии. Предки же якобы постоянно выражают следующее пожелание: «Пусть в нашем роду один за другим рождаются сыновья, которые будут все время приносить нам рис, сваренный в молоке, мед и очищенное коровье масло».

Спрашивается, следует ли культ предков, столь распространенный у арийских народов, считать свойственным только им? Возможно ли найти хотя бы некоторые следы его и у других человеческих рас, у семитов, у туранцев или, наконец, у варваров и дикарей, еще и сейчас живущих на земном шаре? Ленорман, занявшийся вторым из этих вопросов в своем специальном труде о Йемене до Магомета, дает на него положительный ответ. «Арабы, — говорит он, — взывают к своим предкам с той же целью и в такой же мере, как и к небесным божествам».

Гольдциер в своей монографии, посвященной вопросу о культе мертвых у арабов, устанавливает совершенно бесспорно следующие факты. Корейшиты во времена язычества имели обыкновение клясться своими предками, что Магомету пришлось потом запрещать. У некоторых арабских племен могилы предков пользовались, повидимому, особым почетом. «Не приноси жертв ни *pucub*, ни *apcab* — таково предписание пророка». А *pucub* и *apcab* — это были поставленные около могил камни, которые являлись у арабов-язычников предметом особого культа. Эти могилы пользовались привилегией неприкосновенного убежища. Здесь совершались жертвоприношения. В древние времена у арабов был обычай, проходя мимо могилы, прославленной щедростью и великодушием погребенного в ней покойника, каждый раз резать в честь него выючное животное и угощать им своих людей. Более частыми, чем эти исключительные почести, были приношения одной или нескольких жертв на могиле умершего человека тотчас же после его погребения. На похоронах вице-короля Египта Магомета-Али было зарезано восемь-

* Законы Ману, III, 138 и 274.

десять буйволов. По древнему обычаю для жертвоприношения в таких случаях выбирались верблюды*.

Хотя магометанство, как религия по существу своему монотеистическая, не может терпимо относиться к таким пережиткам древнего язычества, тем не менее обычай, как бы освященный веками, преодолевает все религиозные сомнения. Так, у самых рьяных последователей корана, какими являются племена Дагестана, еще недавно, при Шамиле, оказавшие жестокое сопротивление русскому владычеству, мы находим суеверное почитание могил людей, отличавшихся при жизни особым благочестием, которых называли «шейхами». Не раз во время моих путешествий по этой стране мне приходилось останавливаться, чтобы дать моим мусульманским проводникам возможность помолиться у такой могилы, заметной издали по вбитому в землю столбу, украшенному тряпками всевозможных цветов. Подобные же обряды совершаются и у бедуинов, как об этом рассказывает английский путешественник Пальгрев.

Что касается евреев, то их вера в духов (элогимов) следующим образом описывается Ренаном в его последней работе по истории Израиля. «Мир, по убеждению кочевника-сеμίта, окружен, проникнут и управляется «элогимами», мириадами деятельных существ, очень похожих на духов, в которых верят дикари». Среди этих многочисленных духов есть, несомненно, и такие, которые являются не чем иным, как обоготворенными душами предков. Во Второзаконии человек, который приносит Иегове в жертву первые плоды, говорит, что он «не давал их мертвым». Такие слова были бы непонятны, если бы они не свидетельствовали о древнем обычае, от которого поклонники Иеговы обязаны отказаться. Однако этот обычай был очень живуч, судя по тому, что из книги Самуила (гл. XIX, 13) мы узнаем, что у Давида и его жены Мелхолы, дочери Саула, были изваяния, «терафимы», игравшие роль домашних богов.

Что касается туранских цивилизаций, то мы можем указать на Китай, древнейшая религия которого, исключительно посвященная культу предков, не оставляет сомнения в существовании этого культа у желтой расы. «Пока живы родители, — говорится в Ши-Кинге, одном из древнейших сводов Китая, который в этом пункте и до сих пор остался в силе, — их следует почитать как земных богов, окружать величайшим почетом, заботиться о них, когда состарятся, и оплакивать, когда умрут». «Такая общность жизни членов одной и той же семьи, — говорит современный историк

* J. Goldziher, Le culte des ancêtres et le culte des morts chez les arabes, «Revue de l'histoire des religions», v. 10, № 3, 1884, p. 332.

китайской религии Юлиус Гаппель*, — должна продолжаться и после смерти и притом в самой осязательной форме. Обо всех важных событиях в жизни семьи сообщается умершим, особенно обо всех переменах, относящихся к собственности или к праву владения предков. Наиболее торжественно общение между живыми и мертвыми выражается в пиршествах, ежегодно устраиваемых живыми для мертвых. Это празднество состоит из двух главных частей: одна, это — собственно поминальный обед, занимающий первый день, другая — пир для живых, который устраивается на следующий день. Во время поминального обеда за стол усаживают избранных родственников в качестве представителей дорогих покойников. Они молча принимают кушанья, предлагаемые возлюбленным умершим, угощение, которое специально готовится на этот случай и состоит, главным образом, из проса и спиртных напитков, сильно приправленных благовониями. В то время как эти представители принимают знаки уважения, предназначенные для умерших, эти последние, как думают, входят в них и вместе с ними принимают участие в трапезе. После пиршества так называемый «слуга мертвых (Totdtenknahe), избранный в качестве их посредника, заявляет, что они приняли эти знаки почтения и признательности от живых и будут попрежнему благословлять их с условием, чтобы они никогда не забывали следуемые покойникам любовь и уважение».

Остаются еще варвары и дикари Старого и Нового Света. Но доказывать существование у них более или менее ясно выраженного анимизма — это значит вновь проделать работу, уже сделанную Тэйлором, Леббоком и Спенсером. После их работ не может оставаться никакого сомнения в этом. Можно еще спорить относительно предполагаемой исключительности анимизма и способности его стать зародышем всех других культов. Мы не принадлежим к числу сторонников этой последней теории, но мы считаем бесспорной глубокую древность и почти повсеместную распространенность культа мертвых. Мы говорим «почти», так как для того, чтобы этот культ мог появиться, необходимо, чтобы установилась патриархальная семья и чтобы власть мужа и отца приняла вполне отчетливые формы. А мы только что убедились в том, что этого не было у многих диких племен, не знавших иных прочных связей, кроме связи между матерью и ее ребенком, и иного родства, кроме родства по женской линии. И Фюстель де Куланж вполне правильно подчеркивает, что характерной особенностью культа предков является то, что он «переходит только от мужчины к мужчине. Обычно, женщина могла принимать в нем участие лишь через

* «Revue de l'histoire des religions», № 6, 1881, p. 272.

посредство своего отца или мужа, а после своей смерти она не имела такой же доли, как и мужчина, в почестях и церемониях поминального обеда»*.

Культ предков связан, следовательно, неразрывно с самим существованием патриархальной семьи, он появляется вместе с ней и в свою очередь становится одной из причин ее устойчивости на протяжении ряда веков.

Культ предков, столь распространенный и столь древний, имел свой центр, и этим центром был домашний очаг. Два обстоятельства способствовали этому: прежде всего, обычай хоронить родственников вблизи самого очага — обычай, сохранившийся еще и до сих пор в Китае, — или же окружать этот очаг их изображениями, как это было у этрусков. Затем — понятие об огне, как о прямом посреднике между живыми и мертвыми; сношения с мертвыми выражались только в постоянном предложении им пищи, а эта пища могла быть потреблена предком только в том случае, если она сгорит в огне. Поэтому очаг является во всех арийских обществах самым священным местом в доме. У осетин, так же как и у других кавказских племен, у сванетов, пшавов, хевсур, тушин и др., важнейшие акты жизни совершаются перед ним. Новобрачную заставляют три раза обойти вокруг очага вместе с мужем. Сопровождающий их дружка при этом каждый раз ударяет своим кинжалом по цепи, на которой висит семейный котел и которая от очага заимствует свой священный характер. Когда осетина призывают в свидетели, он клянется своими предками, своим домашним очагом и его цепью. Беглец, кто бы он ни был, становится священным гостем в доме, если он сел у очага или прикоснулся к цепи. Не раз случалось, что убийца находил таким образом убежище среди семьи своей жертвы. Этот акт делал его неприкосновенным даже в глазах родственников того, кто пал под его ударами. В древнем Иране очаг назывался «хозяином дома» (*пмапораити*), и тот же смысл имеет слово, которым обозначают очаг индусы. В Греции и Риме, так же как и у германцев, домашний очаг был местом, где обычно собиралась вся семья. Его со всех сторон окружали изображения предков. Огонь должен был поддерживаться непрерывно как символ вечности семьи. По Авесте, домашний очаг является главной причиной благосостояния семьи, он приумножает ее имущество, поддерживает жизнь ее членов, содействует рождению в ней крепких и сильных сыновей; но все это при условии, чтобы его огонь все время поддерживали дровами, нарубленными с соблюдением особых религиозных обрядов. Те же верования встречаем мы и в Индии, как видно из

* «La cité antique», p. 40.

Веды, где огню молятся под именем Агни. «О Агни, — читаем мы в одном из ее гимнов, — ты жизнь, ты покровитель и защитник человека. За наши хвалы пошли отцу семейства, который тебя молит, славу и богатства, сделай так, чтобы земля всегда была щедра для нас, чтобы я долго еще наслаждался светом и дожил до старости, как солнце доходит до своего заката».

Огонь должен быть возобновляем в известные промежутки времени при помощи головни, взятой от очага общины. На острове Лемносе в Греции за огнем отправлялись гораздо дальше. Ежегодно корабль привозил его с острова Делоса. Все огни гасились, и их вновь зажигали от этих новых углей. Следы подобного обычая существовали в средние века и в Германии — в Марбурге и в Нижней Саксонии, где раз в год вновь зажигали огонь, добывая его первобытным способом — путем трения двух кусков дерева. Все эти обряды совершались с одной и той же целью: чтобы очистить семейный огонь, который мог быть осквернен прикосновением к нему нечистых людей и предметов*.

Если мы захотим проникнуть в таинственную причину всех этих явлений, если нам нужно найти корень, из которого вырос культ предков и домашнего очага, то за объяснением этих тайн мы должны обратиться к вере в будущую жизнь, в загробное существование. Эта вера распространена не меньше, чем тот культ, который из нее проистекает. У дикарей Нового и Старого Света, так же как и у арийских народов, мы находим в сущности одно и то же убеждение, что смерть не является концом существования, что двойственность нашего существа, состоящего из души и тела, — причина того, что жизнь продолжается и за гробом. Только эта вторая жизнь, как ее представляли себе наши самые отдаленные предки, не имеет ничего общего с тем понятием, которое существует у современных христиан. Рай, чистилище и ад католиков, так же как элизиум и тартар античных народов, требуют по необходимости у тех, кто в них верит, некоторой способности обобщения и известного развития морального чувства, чего не могло быть у первобытного человечества. «Согласно самым древним верованиям, душа жила своей второй жизнью не в каком-то ином, чуждом мире, а совсем близко, под землей». В случае, если покойник не получил погребения, гений его продолжает блуждать по земле и появляется чаще всего ночью в виде привидения. Поэтому погребение в земле считается священным долгом родственников, и древние смотрели на того, кто не предал погребению своих покойников, как на преступника.

Если задать себе вопрос, какого рода существование

* W. Geiger, Ostiranische Kultur im Altertum, Erlangen 1882.

приписывали мертвым самые древние предания, то придется признать, что совершенно такое же, какое ведут и живые. Это доказывается обычаем помещать в могилу рядом с покойником его оружие и принадлежности рыболовства и охоты, которыми он пользовался при жизни, часто погребать вместе с ним также и его коня, его рабов, а иногда и жену. Этот последний обычай существовал далеко не в одной только Индии. Археологические раскопки, произведенные во многих местах, особенно в России, подтверждают свидетельства писателей, как, например, араба Ибн-Фадлана, который говорит, что народ, спускавшийся на своих ладьях вниз по Волге, народ который он называет «русами» и который мог бы, пожалуй, быть моими предками, если бы он не был вашими, т. е. варягами или скандинавами, что этот народ имел обычай сжигать вдову на том же костре, который пожирал труп ее мужа. В России были найдены во многих могилах кости женщин, наполовину обожженные и обычно находящиеся выше того места, где лежит покойник. Эти кости представляют собой, по всей вероятности, остатки религиозной церемонии, частью которой было умерщвление вдовы. У некоторых диких племен и теперь совершаются подобные же обряды. Все это вместе взятое подтверждает гипотезу, что в младенческий период своего существования человечество видело в загробной жизни продолжение земной. Ему, повидимому, была совершенно чужда мысль о какой бы то ни было награде или наказании на том свете, например, о вечном блаженстве для добрых и о бесконечных муках для злых. Дуализм рая и ада, вероятно, более позднего происхождения. Он не только неизвестен многим племенам дикарей и варваров, но и сами евреи не знали его в самую древнюю эпоху своего существования. «Шеол», или местопребывание мертвых, представлялся им в виде вечной тьмы, помещающейся в глубине земли, и в нем пребывали и добрые и злые вместе*.

Мы закончим наш обзор кратким перечнем его главных выводов. Из него явствует, что семейная община является в то же время и общиной религиозной. Следует признать, что существует тесная связь между этой древней фазой общественного развития и этой не менее древней верой в духов. Коренься в понятии о будущей жизни, по существу своему однородной с жизнью земной, культ мертвых неизбежно появляется лишь с установлением патриархальной семьи, так как это культ прежде всего агнатический, переходящий от мужчины к мужчине и дающий мужу преимущество перед женой. В обоих своих видах — в виде со-

* *Edouard Montet, Les origines de la croyance à la vie future chez les juifs, «Revue de l'histoire des religions», № 3, 1884.*

циальной организации и в виде самостоятельной религиозной группы — семейная община, родоначальником которой является отец, порождает все учреждения, характеризующие ту эпоху человеческого развития, которая получила название патриархальной. Поэтому именно у патриархальной семьи мы постараемся вывести тайну связи, существовавшей в занимающий нас период между мужем и женой, между отцом и детьми. Она же должна и вскрыть нам древнюю организацию недвижимой собственности. Если бы у нас было больше времени и мы могли бы ввести в круг нашего изучения также и другие отделы древнего права, то опять же к патриархальной семье нам пришлось бы обратиться, чтобы отыскать основы древнейшей системы договоров, а также самой отдаленной фазы развития уголовного права.

Предоставляя другим ознакомить вас с этими важными вопросами, я ограничусь в следующих лекциях кратким очерком внутреннего строя семьи и способа владения ею землей в патриархальную эпоху.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

МОЖЕТ показаться странным, что в курсе истории семьи и собственности лектор счел уместным посвятить целую лекцию культу предков. На это я отвечу: если бы мы не имели все время в виду религиозный характер, который присущ древней семейной общине в эпоху патриархата, то мы, в конце концов, ничего бы не поняли в ее внутренней организации.

Почему, в самом деле, семейная жизнь в эту эпоху считалась обязательной? Почему все древнейшие законодательства принуждают отца выдавать замуж свою дочь и осуждают безбрачие взрослого мужчины? Почему у персов, у индусов, у евреев и у афинян* отец или опекун, который не позаботился выдать замуж свою достигшую брачного возраста дочь или опекаемую им девушку, лишается своей власти и девушке предоставляется свобода выйти замуж по своему выбору? Почему в Китае наказывали всех неженатых мужчин, достигших тридцатилетнего возраста, и незамужних женщин двадцатилетнего?** Почему, наконец, в Греции безбрачие считалось по законам Солона преступлением, за которое предавали суду? Напрасно стали бы мы искать объяснения всех этих фактов, если бы они не были вызваны необходимостью не допускать прекращения семейного культа. Прямые потомки, происшедшие от брачного союза, только одни могли быть жрецами культа предков; таким образом, человек, воздержавшийся от брака и не оставивший после смерти законного потомства, этим самым оставлял своих предков без пищи и без возлияний и становился виновником их страданий в мире духов.

Это же опасение лежит и в основе закона о разводе, существовавшего в патриархальных обществах. В Риме, так же как и в Греции, в древней Индии, как и в Иудее, муж разводится с женой, если она оказывается неспособной родить

* *Paul Gide*, Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne, Paris 1867.

** *K. A. Martin*, De la condition des femmes chez les peuples de l'antiquité, Paris 1862, v. I, p. 135, 264, 280.

ему сына, который один только может поддерживать культ домашнего очага.

С женщиной, остающейся бесплодной в течение восьми лет, муж может развестись, говорит свод законов Ману (IX, 81); с той, все дети которой умерли при рождении, он может развестись через десять лет, а с той, у которой родятся только дочери, — через одиннадцать. В Иудее дело идет уже не о праве, а об обязанности, которая возлагается на мужа, развестись с бесплодной женой, ни разу не родившей за десять лет замужества.

То же было в Греции. Геродот упоминает о двух случаях, когда спартанские цари вынуждены были развестись со своими женами, потому что они были бесплодны. В Риме Карвилий Руфа, человек знатный, расстался со своей женой, дав ей развод, потому что не имел от нее детей. Он пожертвовал своей любовью религии, так как, говорит по этому поводу Авл Геллий, при заключении брака он произнес обычную клятву, что берет ее для того, чтобы иметь детей*.

У кельтов и у германцев одной из наиболее частых причин развода, насколько можно судить по их летописям и сказаниям, было бесплодие жены.

Что же касается славянского законодательства, то известные нам случаи развода происходили большей частью по той же причине. «Если жена не приносит детей своему мужу, — говорит англичанин Коллинз в своем описании Московии XVI в., — то он старается убедить ее пойти в монастырь; если же она отказывается, он силой принуждает ее к этому»**.

По соображениям такого же порядка, в основе которых лежал культ предков, прелюбодеяние считалось величайшим преступлением женщины, преступлением, которое семейный совет обычно наказывал смертью, которое во всяком случае клало конец супружеской жизни. Так как предки принимали жертвы только от тех, кто соединен с ними кровными узами, то сын, рожденный от прелюбодеяния, естественно прерывал семейный культ и являлся, следовательно, виновником огромных бедствий и для мертвых, и для живых. Вот почему неверность жены считалась действием, задевающим всю семью; поэтому же и оскорбленный ею муж не имел права простить подобное оскорбление. И если бы он вздумал вновь принять неверную жену в свой дом, члены его семьи могли привлечь его за это к суду. Наконец, по той же причине жена, виновная в прелюбодеянии, по необходимости

* E. Glasson, *Le mariage civil et le divorce dans l'antiquité et dans les principales législations modernes de l'Europe*, Paris 1880, p. 143.

** С. М. Шпилевский, *Семейные власти у древних славян и германцев*, Казань 1869, стр. 135 и 136.

должна была исчезнуть из оскорбленной ею семьи, или будучи умерщвлена лично самим мужем, или в результате торжественного акта, указывающего, что всякая связь с виновной отныне порвана на вечные времена. Этот акт везде совершался совершенно одинаково. Нарушившую супружескую верность жену заставляли полунагой сесть на лошадь, на осла или на обезьяну (этот последний обычай существовал в Индии); затем муж гнал ее, окружающие кидали в нее камнями, и под их гиканье она принуждалась покинуть то место, где раньше жила.

Измена женщины, отдавшей чужому, являлась оскорблением не столько нравственности, сколько домашней религии. Поэтому оказываются не только безнаказанными, но и поощряемыми законом такие поступки, которые, с точки зрения нравственности, нисколько не лучше прелюбодеяния. Не говоря уже о том, что муж имел право открыто жить с наложницами и с любовницами из рабынь, мы должны указать здесь, что даже по закону допускались половые сношения между женой и каким-нибудь родственником мужа, но только под условием, чтобы они происходили с ведома мужа и с целью рождения сына. Дело в том, что такая связь требовалась культом мертвых, культом, для которого так необходимы были наследники мужского пола. Если нет детей, говорит свод Ману, желанное потомство может быть получено путем связи жены, которой дается на это надлежащее разрешение, с братом или другим родственником мужа (сапинда). Пусть родственник, которому поручено это дело, окропившись жидким коровьим маслом и соблюдая тишину, ночью приближается к вдове или к бездетной жене и родит ей сына, но только одного, а ни в коем случае не второго*.

С семейным культом связаны и другие обычаи, не менее любопытные, чем эта дозволенная законом внебрачная связь. Так, в Индии и в Иудее, если человек женился на бездетной вдове своего брата, то рожденный от этого брака сын считался наследником покойного. Так, в Афинах отец, не имеющий наследников мужского пола, выдавал замуж свою дочь с условием, что его внуки от нее будут считаться его сыновьями, чтобы таким образом семейный культ не прерывался. Так, еще и теперь среди славянского населения Австрии и среди великорусских крестьян очень распространено усыновление не имеющим сына тестем зятя или его детей.

До сих пор мы изучали семейную общину с одной точки зрения, изучали ее первые алтари, можно сказать, ее первую церковь. Мы видели, какие обычаи были связаны с ее существованием, какие учреждения проистекали из постоянной

* Законы Ману, IX, 59 и 60.

заботы о поддержании культа предков¹². Теперь пора перейти к соображениям другого порядка и заняться вопросом, в какой мере семейная община повлияла на организацию собственности. Мы уже имели случай сказать, что с этой точки зрения патриархальная семья являлась обществом неразделенных собственников. Теперь следует выяснить причины подобного порядка вещей и описать его последствия.

Что касается самого существования семейной собственности в эпоху патриархата, то это совладение засвидетельствовано как современным обычаем народов, еще живущих на этой стадии своего развития, так и текстом древних законов и другими юридическими документами.

В дошедшем до нас отчете испанца Суриты о социальном строе Новой Испании в эпоху ее завоевания так описывается порядок землевладения у ее краснокожих обитателей. Каждая семейная община, известная под именем *calpulli*, сообща владеет известным участком земли. Управляет этой землей глава *calpulli*. Совершенно не допускается отчуждение земли путем продажи или дарения, а также раздел ее между наследниками*.

Если от стран центральной Америки мы перейдем к северной Африке, то найдем там совершенно такой же порядок**.

«Кабийская семья, — говорят Ганото и Летурне в своем замечательном описании обычаев кабилы, — состоит из отца, матери, сыновей, их жен и детей, внуков, дядей, теток, племянников и двоюродных братьев. Очень часто все эти люди живут вместе, и это вызывает к ним общее уважение. Имущество у них остается неразделенным, и доходы от него идут на кормление и содержание всех членов семьи безразлично»***.

¹² Ковалевский правильно развил мысль о значении и роли культа предков как специфической черты, свойственной патриархальной большой семье. Однако Ковалевский уже тем, что характеристику этого культа предпослал анализу самой большой семьи, показал, что он не понял значения и исторического места этого культа. Большая патриархальная семья представляет собой прежде всего и в основе своей хозяйственную организацию, а не религиозный союз. Религия вообще и культ предков в частности являются одним из элементов идеологии этой группы. Патриархальная семья, утверждающая наряду со свойственным ей переживанием первобытно-общинных отношений начала частной собственности и власти, несет в себе неизбежно развивающиеся противоречия. Поэтому в религии ищет эта семья охраны своей целостности и в культе предков находит свое выражение чисто хозяйственная идея солидарности членов семьи, непрерывности смены поколений и пр. — *Прим. ред.*

* См. мою книгу: «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», Москва 1879, стр. 40.

** См. также A. *Bandelier*, On the distribution and tenure of land etc, among the ancient Mexicans, «Report of the Peabody Museum», 11, Salem 1878, p. 423.

*** A. *Hanoteau* et A. *Letourneau*, La Kabylie, 3 vls, Paris 1872, v. II, p. 6.

К этим общеизвестным фактам разрешите мне прибавить несколько воспоминаний, вынесенных мною из моих продолжительных путешествий по Кавказу. Большинство населяющих его племен не знает иного способа владения, как общее нераздельное владение всех членов семейной группы. В общем владении находится также и жилище, и, что не менее любопытно, у них существует и совместное производство, в котором участвуют все члены группы теоретически в одинаковой степени, но, конечно, не фактически, ввиду различия в силах и способностях каждого.

У арийских племен Пенджаба и северо-западной Индии земельные отношения имеют тот же характер семейного совладения. Ограничиваясь исключительно официальными данными, сошлюсь на одно решение английского Privy Council, который является апелляционной инстанцией для всех дел этого рода: «Ни один из членов семейной группы не может иметь каких-либо притязаний на право частной собственности или владения какой-нибудь долей неподеленной земли».

Доходы от общего хозяйства поступают в общую кассу и идут на покрытие общих расходов*. Донесения правительству чиновников кадастрового управления говорят совершенно то же о раджпутрах, джатах и других туземных племенах**.

Относительно славян мы ограничимся тем, что приведем здесь слова Ефименко, отличающейся особенно глубоким знанием русского обычного права. Сравнивая сербскую семейную общину с великорусской, Ефименко приходит к заключению, что формы землевладения у них были совершенно одинаковые. «Их имущество представляет собой общее владение всех членов семьи; частной собственности у них почти не существует. Поэтому того, что римляне называли «открытием наследства» (*delatio hereditatis*), у них никогда не бывает. Глава общины только распоряжается общим достоянием. После его смерти оно остается неделимым и переходит в руки другого главы, возводимого в это звание по своему старшинству или путем избрания, обычно брата или старшего сына***. По общему правилу, семейная земля не может быть отчуждена. Чтобы имело место исключение из этого правила, необходимо стечение каких-нибудь особенно неблагоприятных обстоятельств, ставящих под вопрос самое существование семьи. Во всяком случае, продажа считается действительной только в том случае, если на нее дали свое согласие все взрослые члены семьи. Большинство здесь

* *G. Campbell, Modern India, 2 ed., revised, London 1853, p. 5.*

** *C. L. Tupper, Punjab customary law, 3 vls, Calcutta 1881.*

*** *А. Я. Ефименко, Исследования народной жизни, Москва 1884, стр. 62.*

не устанавливает закона, и в данном случае обычай требует единодушного согласия.

Общее владение, характерное для семейной общины, где бы она ни существовала еще в наше время, мы находим и в предшествующие исторические эпохи. Восходя к патриархальному периоду кельтов, славян и германцев, так же как и индусов, мы можем констатировать факты, совершенно аналогичные тем, которые мы только что рассмотрели и которые в настоящее время являются пережитками порядка, в общем уже исчезнувшего.

Такой вывод еще недавно вызвал бы множество возражений, так как древнейшей формой владения все считали сельскую общину. В подтверждение этого ссылались на пример России, на тексты Цезаря и Тацита; семейная же община объявлялась то позднейшей формой, что, по моему мнению, лишено всякого смысла, то формой исключительной, присущей, например, только южным славянам и совершенно неизвестной славянам северным.

Недавно произведенные исследования как в России, так и во Франции и Англии пролили много света на эти столь спорные вопросы. Было установлено, что земельная община с периодическим переделом земли, какой мы ее знаем в теперешней России, возникла относительно недавно; что в XVI в. ее еще не знали и что самой распространенной формой владения в ту эпоху было семейное общее владение. Настоящие владельцы земли известны в русских грамотах XVI и XVII вв. и в судебных протоколах под именем «огнищ» и «печищ», т. е. общин, совместно ведущих свое хозяйство, живущих у одного огня. Члены этих общин изображаются как люди, находящиеся между собой в родстве, у которых как производство, так и потребление продуктов совершаются сообща. Если сравнить эти «огнища» XVI и XVII вв. с «вервью», которую описывает Русская Правда, древнейший из наших сводов законов, то невозможно не признать их полную тождественность. Не следует ли поэтому отнести происхождение семейной общины именно к этой отдаленной эпохе нашего развития? В XVI и XVII вв. общины эти находились, повидимому, в переходном состоянии: начинают уже происходить разделы и разрешается отчуждение участков людям, не принадлежащим к семье. Украина, которую еще недавно считали страной исключительно частной собственности, прошла, вероятно, через те же этапы. Совместное владение «сябров» XV и XVI вв. многими своими чертами сходно с семейным совладением в процессе разложения.

К аналогичным заключениям можно прийти и о земельных отношениях древней Германии на основании прямого свидетельства Цезаря. Известный текст этого римского пол-

ководца говорит не о сельской общине и не об индивидуальной собственности, а именно о семейном совладении. «Никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности, но каждый год должностные лица и вожди отводят родам (*gentes*) и семейным общинам (*cognationes hominum qui una coierunt*), где и сколько они найдут нужным земли, а в следующем году они заставляют их перейти на другое место». Не менее известный текст Тацита, имеющий отношение, как это недавно было доказано, лишь к севообороту, не противоречит, таким образом, свидетельству Цезаря, к тому же подтверждаемому варварскими «правдами», упоминающими семейную общину под названием *genealogiae*, *consanguinitates* и *consorteriae*.

Вывод напрашивается сам собой. Он сводится к признанию, что развитие права собственности у германцев началось с того же семейного совладения, что и в истории права славян.

Генри Сомнер Мен, а после него и другие привели много доказательств того, что древнейшее землевладение у индусов и у кельтов следует представлять себе в таком же виде. Не входя в подробности, я ограничусь переводом следующего известного текста одного из древнейших брахманских сводов, Ушанас: «Собственность остается не разделенной между родственниками даже в тысячной степени родства»*. Я приведу еще тот не менее убедительный факт, что ирландские песни говорят о неделимости имущества как о порядке преимущественно архаическом, в то время как своды брегонов, этих секуляризированных бывших друидов, обозначают семейное совладение особым термином — *oíra*.

Было бы бесполезно продолжать наши изыскания дальше. Общий вывод из всего сказанного сделать уже легко: древнейшей формой владения недвижимой собственностью было семейное совладение.

Но как объяснить его возникновение, каковы были причины, вызвавшие его появление? Нам кажется, что они заключаются в совместном производстве, том самом, которое уже привело к общему владению движимостью. Так как вначале потребление продуктов совершалось тем же способом, что и их производство, то пришли к тому, что стали сообща пользоваться и продуктами земли, которая оплодотворялась общим трудом. И в более близкие к нам эпохи происходят подобные же факты: общий труд идет рука об руку с общим владением. Так, в Англии XIII и XIV вв., как справедливо заметил Сибом, обычай пахать землю большими плугами, в которые впрягается 6—8 бы-

* *M. Williams, Indian wisdom, London 1875, p. 304.*

ков, доставляемых несколькими соединившимися вместе хозяйствами, находился в тесной связи с системой раздела на участки, размеры которых зависели от количества быков, доставленных для общего пользования тем или другим семейством. Что же касается до интересующего нас периода, то существование тогда совместного производства доказывалось не только не исчезнувшими еще обычаями народов, которые, как, например, славяне, хранят еще следы первобытной семейной общины, но также и прямыми свидетельствами нескольких писателей, как древних, так и современных. Общее землепользование членов одной и той же семьи в XVI и XVII вв. в России удостоверяется теми же юридическими актами, которые дают нам сведения относительно общего землевладения. Для Франции мы имеем свидетельство Гюи Кокиля, знаменитого комментатора кутюмов Нивернэ, который определяет *parçonnages*, или семейные общины, как группы людей, имеющих общий котел и очаг, работающих на одних и тех же полях и кладущих свои сбережения в общую кассу. Цезарь говорит нам о свевах, как о народе, у которого земледельческие работы производились сообща. Что касается древней Индии, то мы можем сослаться на свидетельство Неарха, одного из полководцев Александра, слова которого передает Страбон: «В некоторых областях Индии, рассказывает этот очевидец того, что происходило в IV в. до н. э., земля обрабатывается сообща родом или группой родственников, которые в конце года делят между собой плоды и жатву»*.

Итак, доказано, что патриархальная семья, поскольку она производила общими силами, была единственным собственником земли. Частная собственность на недвижимость оставалась неизвестной, так как нераздельность ее была правилом и разделы запрещались законом.

Следует теперь выяснить необходимо вытекающие из такой социальной организации последствия для взаимных отношений отдельных членов семьи, в особенности супругов. Опираясь на некоторые тексты, извлеченные из произведений древних римских юристов, считали возможным утверждать, что в патриархальную эпоху муж был неограниченным властелином над личностью и имуществом жены; это положение, без всякой критики, распространяли также на древнее право германцев и славян. Так возник тезис о неограниченной власти мужа. Даже такой выдающийся ученый, как ваш Нордстрем, считал себя в праве утверждать, что *husfadren var konungi sitt hus*** (т. II, стр. 22).

* *Strabon*, lib. XV, cap. I, 66; *Paul Viollet*, *Caractère collectif des premières propriétés immobilières*, «Bibliothèque de l'École des chartes», 33, 1872, p. 465.

** Отец был королем в своем доме.

Более правильное и более соответствующее истине понятие восторжествовало лишь тогда, когда историческое изучение германского права и славянских законодательств заняло подобающее ему место в университетском преподавании. Тогда замечательные юристы вроде Жида, основываясь на сравнительной истории древних законодательств, лучше разобрались в явлениях, о которых свидетельствовали тексты из римского права. Они доказали, что римская матрона вовсе не была служанкой мужа, а, напротив, выступала как равная ему: если дочь и жена не могли по закону отчуждать семейное имущество (*res mancipi*), то только потому, что оно по праву принадлежало всей семье; что право жизни и смерти, так же как и право наказания и изгнания жены, осуществлялось не иначе, как с согласия семейного совета, совета, составленного частью из родственников жены. Таким образом, приходится оставить всякую мысль о господстве произвола в отношениях между супругами.

Если мы захотим узнать, каково было в патриархальную эпоху положение жены у германцев или славян, то при разрешении этого вопроса мы не должны руководствоваться поговорками вроде «жена в воле мужа» и такими названиями мужа, как *Vogt*, *Hauptmann* или *Meister* и даже *Drott* (король). Мало пользы принесут нам также и анекдоты, доказывающие, что мужья имели привычку бить своих жен, иногда даже плеткой, и что этот способ наказания своих подруг одобрялся писателями того времени. Нетрудно было бы привести множество подобных примеров. Достаточно процитировать такие произведения, как Домострой попа Сильвестра, советника и друга Иоанна Грозного, или некоторые статьи из закона Ютландии и из статуты Гамбурга и Любека, чтобы установить, что сечение жены плетью было в большом ходу у мужей. Лучшее всего, говорит нам первый из этих памятников, побить жену плеткой, держа ее вежливенько за руки. Это не только благоразумно, но еще и очень полезно для здоровья: и больно и страшно.

Но спрашивается, какое отношение имеют все эти факты к положению жены по закону и в чем они могут нас убедить, кроме того что сильные всегда злоупотребляли своей силой, а во времена менее просвещенные мужья чаще обращались дурно со своими женами. В самом деле, для нас это не имеет никакого значения. Нам недостаточно знать, обращались ли мужья дурно со своими женами или нет, а для нас важно, уполномочивало ли их на это обычное право и запрещалось ли вмешиваться в конфликты, возникавшие между мужем и женой. А было именно не так. Семья мстила за смерть жены, явившейся в результате побоев. У лангобардов муж, побоями заставивший свою жену сделаться любовницей другого, должен был уплатить вознаграждение родствен-

никам оскорбленной жены; а тот, кто убивал свою жену без достаточного основания, присуждался к уплате за нее установленному законом вергельда.

У тех же лангобардов жена осуждалась за прелюбодеяние лишь в том случае, если ее родственники отказывались присягой засвидетельствовать ее невинность. Это условие соблюдалось и в случае покушения жены на жизнь мужа. Аналогичные предписания находятся и в славянском праве. Литовский статут признает за родителями право возбудить дело против их зятя, обвиняемого в убийстве своей жены. В России родители жены возбуждали судебное преследование не только в случае убийства ее мужем, но еще чаще в случае личного ее оскорбления. Если верить англичанину Коллинзу, склонному скорее обвинять русских в несуществующих пороках, чем признать за ними имеющиеся у них добродетели, родители жены требовали от своего зятя, чтобы он одевал ее прилично, кормил здоровой и обильной пищей, не бил и хорошо с ней обращался. Эти условия помещались в брачном договоре. И если муж не выполнял своих обязательств, на него приносилась жалоба.

Но наибольшую заботу о защите жены против злоупотреблений мужа проявляет, как кажется, скандинавское право. По законам Упланда и норвежского Фростатинга жена имела право преследовать судом своего неверного мужа; в Норвегии виновный в этом платил три марки. Если его заставляли на месте преступления, то по закону Упланда могли даже убить*.

Эта относительная независимость жены, о которой нам говорят германские и славянские источники, выступает еще очевиднее в имущественных отношениях супругов. Раздельность их имуществ является правилом по древнему праву как германцев, так и славян. У последних применение этого правила доходит до того, что мужу не позволяется распоряжаться другим имуществом жены кроме того, которое она принесла с собой в качестве приданого. Имущество супругов, как основательно замечает Спасович, один из известнейших наших юристов, не составляет общего достояния, оно остается раздельным. Но единство семьи выражается в том, что обязанность заведывать приданым возлагается на мужа. Это не мешает, однако, тому, чтобы в случае смерти мужа или в случае развода жена получила возмещение всего ущерба, причиненного ее приданому за то время, что им распоряжался муж. Это гарантируется ипотекой на часть имущества мужа, по размерам своим обычно соответствующей приданому. То, что говорит Спасович, относится исключительно к польскому праву, но

* W. Wilda, Das Strafrecht der Germanen, Halle 1842, S. 828.

это можно применить также к древнему праву и русских, и чехов. Прибавим, что по законам обоих этих народов жена свободно располагает своим имуществом и в заключаемых ею сделках может ставить свою подпись, не испрашивая на то разрешения мужа.

Не так в праве германском. Муж управляет всем состоянием своей жены. Однако какое-либо решение относительно этого имущества имеет силу лишь в случае согласия обоих супругов. Сверх того, муж не отвечает за ущерб, причиненный им имуществу жены.

Общим для обоих законодательств, славянского и германского, является то, что муж не имеет права отчуждать имущество своей жены, но по германскому праву жена отвечает своим движимым имуществом за долги мужа, а славянское право не признает такой ответственности. На этом мы остановимся и в нескольких словах резюмируем то, о чем только что говорили: ходячее мнение о полном порабощении жены в патриархальную эпоху совершенно не согласуется с положительными фактами, которые можно установить на основании изучения древних законодательств, в особенности римского, германского и славянского.

Жена была не рабой своего мужа, а его подругой. И это явствует самым несомненным образом из той роли, которая ей принадлежала в семейном культе. У теперешних славян, как и у древних греков, именно на женщине лежала обязанность заботиться о совершении этого культа. Священнодействовал муж или сын, но самая жертва приготавлилась матерью или сестрой. Даже в Индии, где в эпоху брахманизма женщина устранилась от всякого участия в совершении обрядов, в одном только случае она выступала рядом с мужем, именно в принесении жертв «питри», т. е. предкам. Гимны Риг-Веды, гораздо более древние, чем законодательство брахманов, не оставляют в этом никакого сомнения. Сторонники теории порабощения женщины в древние времена будут очень удивлены, узнав о существовании в Индии правил морали вроде следующих: «Никто не должен прибегать к насилию для того, чтобы заставить жену исполнять свой долг. Женщины, запертые в своем жилище под надзором верных и преданных людей, не находятся еще в полной сохранности; можно быть уверенным только в той женщине, которая сама себя бережет, по своей доброй воле. Не бейте провинившейся женщины ничем, даже цветком. Везде, где жену уважают, божества довольны; но если ее не уважают, то все благочестивые поступки бесплодны. Муж составляет одно существо вместе со своей женой. Взаимная верность пусть соблюдается до самой смерти, в этом важнейшая обязанность мужа и жены. Жены, которые соединяются со своими мужьями, чтобы стать матерями,

и которые делают честь своему дому, являются истинными богинями счастья»*.

Все эти цитаты я беру из брахманских сводов, составленных две тысячи лет назад и полных религиозных предрассудков против предполагаемой ими развращенности и лживости представительниц слабого пола. И если это так, если даже те законодательства, которые особенно враждебно относятся к равноправию полов, отказываются видеть в жене прирожденную рабу своего мужа, то единственной причиной подчинения ее постоянной опеке должно быть ревнивое усердие, с которым древний обычай относится к сохранению семьи в неприкосновенной чистоте. Согласно указаниям этого обычая, интересы семьи могут быть обеспечены лишь при соблюдении следующих двух условий: чтобы ни один чужой человек не проник украдкой в недра семьи; а также, чтобы наследие предков сохранялось в семье неприкосновенным в течение веков. Древние египтяне в прелюбодеянии преследовали прежде всего возможность появления детей другой крови**. От прелюбодеяния, говорит в свою очередь индусский законодатель, происходит в мире смешение каст, а смешение каст приводит к нарушению обязанностей, а это — к гибели мира. По мнению того же законодателя, сокрушающегося по поводу страсти женщины к мужчинам, их непостоянства и свойственного им недостатка привязанности, они, несмотря на бдительность стражи, изменяют своим мужьям. Отсюда вывод: зная характер женщин, данный им в момент создания самим господом всякой твари, мужья должны приложить все старания к надзору за ними. А какое средство может быть вернее, чем постоянная опека?

Но довольно об опеке над личностью жены. Перейдем теперь к опеке над ее имуществом. Она произошла исключительно из того же принципа, по которому дочери исключались при наследовании или разделе недвижимости. Когда Тацит в своем описании быта древних германцев говорит, что у них не существовало завещания, и когда Салическая правда заявляет, что дочери не могут наследовать земли, то этим указывается на известное средство, применявшееся на практике для сохранения в целостности и неприкосновенности семейного достояния. Другим средством, не менее верным, была опека мужа, распоряжающегося состоянием жены, опека, делающая невозможными какие-нибудь действия жены, которые могли бы лишить семью части ее имущества. Если мы поймем эту главную заботу древнего законодателя, то его постановления уже не покажутся нам столь противо-

* Законы Ману, кн. VIII и IX, Яджнавалкия, I, 74.

** E. Glasson, *Le mariage civil et le divorce*, etc., p. 139.

речивыми. Мы в конце концов поймем, что он больше всего стремился не к порабощению женщины, но к внутреннему миру и благосостоянию семьи, все время остававшейся в его глазах самым священным учреждением, непоколебимой основой всякого государства и всякой религии, необходимым условием нашего счастья как на этом свете, так и в мире духов, альфой и омегой нашего существования¹³.

¹³ Пытаясь демонстрировать, что женщина в патриархальной семье была равноправной мужу, его «подругой» и пр., Ковалевский делает грубейшую ошибку и впадает в непростительную идеализацию патриархальной и буржуазной семьи. Приводимые Ковалевским отдельные черты благоприятного положения жены, в частности, некоторые элементы ее имущественных прав, представляют собой на самом деле лишь пережиточные осколки ее бывшего равноправия. Весь ход развития отношений в патриархальной семье ведет к полному закреплению и обезличению женщины. Совершенно правильную характеристику этого факта дал Энгельс. Падение матриархата привело к тому, писал Энгельс, что «муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, как оно особенно обнаруживается у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено» и возникающая патриархальная семья, как говорит далее Энгельс, является результатом «установившегося таким образом единовластия мужчин» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 40).

Идеализация патриархальной и буржуазной семьи, допущенная Ковалевским, приводит его к грубо противоречащему фактам утверждению, что древнее законодательство в области семейного права имело в виду лишь «внутренний мир и благосостояние семьи». Отсюда же и заканчивающая данную лекцию фальшиво-напыщенная тирада. В результате, вся характеристика патриархальной семьи оказывается у Ковалевского и неполной и частично неверной. — *Прим. ред.*

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

В ПРЕДЫДУЩИХ лекциях мы все время употребляли слова «жена», «супруга», «мать». Из этого можно было бы заключить, что моногамия вытекает из самого существа патриархата. Но такое заключение верно лишь наполовину. Патриархальный строй, как мы постараемся доказать в этой лекции, неизбежно приводит к моногамии, но начало его восходит к эпохе полигамии. Долгое время полигамия была даже правилом, так как она как нельзя лучше соответствует наиболее распространенному в то время способу заключения брака путем купли. При таком порядке богатч может составить себе семью из какого угодно числа жен. К этому его побуждает прежде всего его собственный интерес, так как чем больше у него жен, тем более увеличиваются его средства производства. В самом деле, жена несет полностью бремя домашнего хозяйства, она прежде всего работница: муж ограничивается войной и охотой и предоставляет жене не только заботы о доме, но и полевые работы и уход за скотом. Чтобы составить себе полное понятие об этой перемене ролями в производстве, достаточно провести несколько дней среди племен Кавказа. Вам сразу бросится в глаза беспечная лень сильного пола и очень большая активность женщины. Черкес и осетин, татарин из окрестностей Эльбруса и степняк-адыгеец — проводят все свое время в ничегонеделании. Они то гарцуют на своих конях, то строгают кинжалом куски дерева, делая из них шомполы, то беседуют, сидя в кругу; и это не считая времени, посвященного молитвам и омовениям, и бесчисленного числа часов, употребляемого на любезничаение с женщинами. Принести воду из ручья, развести огонь, приготовить пищу и, кроме того, ходить за скотиной и обрабатывать поле — все это не касается мужа, а лежит всецело на хозяйке дома и ее помощниках, которыми являются иногда наемные слуги, но большей частью другие, принадлежащие к той же семье, женщины. При таких условиях легко понять преимущества многоженства: оно является самым простым средством добыть себе работниц. Забота об этом не раз проскальзывает в истории права, и от нее ведут свое начало многие обычаи.

Для примера я укажу лишь на то, что у многих племен, как славянских, так и германских, долгое время существовало обыкновение женить мальчиков, иногда совсем маленьких, на взрослых девушках, которые на другой же день после свадьбы становились, естественно, постоянными помощницами в своей новой семье.

К этим мотивам, чисто экономическим, присоединяется еще один, который я назову социальным, а именно: необходимость завязать дружеские связи, чтобы заменить состояние непрерывной войны, характерное для междуплеменных отношений, более или менее длительным миром. А одним из вернейших способов для этого является заключение брака, который устанавливает между обеими семьями родственные отношения, делает их *cognati*, как говорили римляне, или, по русскому выражению, «свойственниками». Следствием этого является прекращение войн между ними, а нередко и союз против других врагов. Поэтому неудивительно, что при заключении мира между племенами большую роль играл брачный союз, что частная месть иногда прекращалась, под условием соединения обоих враждебных семейств при помощи брака. У осетин и других кавказских племен еще недавно взрослые девушки входили в состав выкупа, уплачиваемого потерпевшей семье обидчиком и его близкими.

Забота о союзах существовала в самые отдаленные времена: она породила очень распространенный обычай передавать новорожденных детей на воспитание чужим семьям, чтобы таким образом установить с ними фиктивное родство¹⁴. Этой же заботе нередко были обязаны своим возникновением союзы племен, которые положили истинное основание государству. Поэтому неудивительно, что они в значительной мере содействовали укреплению обычая многоженства, если только не создали его, так как многоженство являлось средством установить тесную связь между племенами и таким образом поддержать общий мир.

Высказанные мною только что соображения вовсе не являются абстракциями, установленными *a priori*, как это можно подумать с первого взгляда. Еще и теперь существующие обычаи, так же как и древние законодательства, дают надежную опору нашим утверждениям. Во время моего путешествия по Марокко я был поражен незначитель-

¹⁴ Ковалевский неправильно объясняет обычай отдавать детей на воспитание в другую семью (кавказское атальчество, английское *fosterage*). На самом деле, этот порядок представляет собой сложное переживание перехода от матриархата к патриархату, удерживающееся и при феодализме, но приобретающее здесь специфические черты. См. по этому вопросу нашу работу: «Атальчество», «Советская этнография», 1935, № 2. — *Прим. ред.*

ным количеством семейств, в которых существовало многоженство. Это были большей частью семьи богатых городских купцов, которые держали своих жен взаперти и заставляли их прятать лицо под густым белым покрывалом, в то время как у сельских жителей обычно была только одна жена, которая работала бок о бок со своим мужем и не имела ни малейшего отпечатка обособленности и нелюдимости горожанок.

То же явление констатировал и Буркхардт в своих путешествиях по Аравии. Из ста семей, по его наблюдению, трудно найти даже одну, в которой было бы несколько жен. В Малой Азии и в Европейской Турции полигамия является уделом городов и более зажиточных классов. Крестьяне же большей частью имеют только одну жену. Что касается магометанского населения Кавказа, то там полигамия неизвестна в горных областях, менее плодородных и более бедных; наоборот, она очень распространена в долинах, ввиду относительно большой зажиточности их населения.

Ограниченная небольшим кругом лиц, полигамия и теперь еще является правилом у очень многих племен и встречается во всех частях света — в Австралии, как и в Америке, в индийском Архипелаге, как и в центральной Африке, на островах Тихого океана, и у племен Сибири. В эпоху открытия Нового Света она была распространена в Мексике, в Перу и во всей центральной Америке.

Восходя в глубь веков, мы встречаем ее в Китае, где только император и принцы имели целые гаремы, тогда как обыкновенные смертные большей частью довольствовались одной женой*. Полигамии не чужда и Иудея: Иаков, отец Иосифа, и Елкан, отец Самуила, Гедеон, Давид и другие вступали в новый брак при жизни своей первой жены. Следующий текст Второзакония (гл. XXI, ст. 15) особенно выразителен в этом отношении: Если у кого будет две жены, одна любимая, другая ненавистная, и т. д.

Более спорным является вопрос о существовании полигамии в среде арийских обществ. В античной Греции и в древнем Риме моногамия была в почете уже в самые отдаленные времена. Но не так было у кельтов и у германцев. Об этом свидетельствуют Цезарь и Тацит: первый, говоря о галлах, сообщает, что в случае смерти человека допрашивают его *жен* (а не *жену*), чтобы установить, не произошла ли смерть от отравления; а второй ограничивается указанием на то, что германцы почти единственные из варваров, которые довольствуются одной же-

* J. H. Plath, Ueber die häuslichen Verhältnisse der alten Chinesen, «Sitzungsberichte der Baier. Akademie», 1862, H. 2.

ной, за исключением вождей, которые заключают несколько браков (*pluribus uiribus ambiuntur*), но не из любострастия, а из гордости. Восточная ветвь арийской семьи, к которой относятся иранцы, индусы и славяне, не составляет исключения из общего правила. Гейгер совершенно прав, говоря, что полигамия, по свидетельству Геродота, существовала не только у персидских царей, но и у их подданных, что среди парсов Индии она еще недавно была в обычае и что даже в Авесте можно найти некоторые следы такого порядка вещей. Иранское божество Агура-Мазда изображается там окруженным несколькими женами, и большое количество их считается как бы наградой благочестивого человека. Что касается индусов, то в песнях Риг-Веды неоднократно упоминается полигамия, как например, в следующем стихе: чресла мои стеснены со всех сторон, как будто жены одного мужа. В эпических поэмах, как Рамаяна, и в народных драмах, как Сакунтала, также упоминаются случаи многоженства. А в брахманских сводах о нем говорится в следующих отрывках из Ману, Яджнавалкия и Вишну:

«Все имущество, данное отцом женщине одной из трех низших каст, муж которой, брахман, имеет и других жен, переходит, если она умирает бездетной, к дочери брахмана или к ее детям» (Ману, кн. IX, ст. 198). «По правилам о кастах брахман, кшатрия и вайшия могут иметь три жены, а шудра только одну» (Яджнавалкия, кн. I, ст. 57). Вишну же признает за брахманом привилегию иметь четырех жен, кшатрия должен довольствоваться тремя, вайшия — двумя, шудра — одной (Вишну, XXIV, 1—4). Нам остается еще только указать на факты, устанавливающие существование полигамии у древних славян. Вот они. Прежде всего свидетельство так называемой летописи Нестора: «Радимичи, вятичи и северяне», т. е. племена, союз которых с кривичами положил основание русскому государству, «обыкновенно имеют по две-три жены». Затем идут рассказы путешественников, например, итальянца Казвини, который сообщает, что славяне имели часто по двадцать жен. Козьма Пращский и неизвестный составитель жития св. Войтеха упоминают об обычае чехов иметь по две, по три жены. Адам Бременский говорит о подобном же обычае, существовавшем у пруссов, предков теперешних пруссаков, у которых только князья имели привычку держать неограниченное количество жен. Для времен исторических укажем еще на Владимира Святого, который перед принятием христианства имел двадцать жен, кроме наложниц, число которых доходило до восьмисот.

Итак, можно считать доказанным, что полигамия существовала или еще существует на всей поверхности земного

шара, что арийцам она была так же хорошо знакома, как и семитам и туранцам, что она была распространена в особенности среди богатых и знатных и что моногамия развивалась медленно в среде полигамных племен. Теперь постараемся узнать, каковы были непосредственные причины этого и через какие этапы должен был пройти брак, прежде чем он дошел до теперешней своей формы союза, заключаемого между одним мужчиной и одной женщиной.

Тайну этого мы можем выведать опять-таки у древних сводов законов, так проникнутых религиозным духом, так богатых моральными сентенциями и благими пожеланиями; именно они скажут нам, каким образом в недрах полигамной семьи одна жена возвысилась над остальными и стала единственной хозяйкой дома, единственным товарищем мужа как в совершении обрядов, так и в управлении домашними делами; как низвела она остальных до положения наложниц, могущих время от времени заменять ее, но не могущих дать своему господину законного потомства, которое только одно может быть допущено к культу предков.

Прежде всего мы должны констатировать, что большинство древних религиозных сводов стоит за моногамию. На вопрос об образе жизни, наиболее соответствующем воле всевышнего, Агура-Мазда, этот божественный автор законов Авесты, отвечает: благочестивый человек должен жить в построенном его собственными руками просторном доме, в котором помещаются жена (заметьте, одна, а не много), дети и скот. Человек совершенен, говорит в свою очередь свод Ману, только тогда, когда в нем соединяются три существа — он сам, его жена и его сын. Семья, в которой муж довольствуется одной женой, всегда будет счастлива. Еврейский талмуд выражается не менее ясно, так как он прямо запрещает первосвященнику иметь более одной жены; подобное же запрещение мы находим и в древнейшую эпоху в египетском законодательстве. В Риме, судя по тексту одного закона Диоклетиана, люди, сыгравшие новую свадьбу при жизни своей жены, объявлялись лишенными чести (*infamia notati sunt in edicto praetoris*). Нечего и говорить, что христианство объявляет себя решительным противником полигамии в каком бы то ни было виде, даже в виде вступления в новый брак после развода с первой женой (евангелие от Матфея, XIX, ст. 8; евангелие от Марка, X, ст. 5).

Из этих многочисленных цитат следует, что религиозный законодатель чаще всего является сторонником моногамии.

Вследствие этого, естественно, является вопрос, не играет ли главную роль во всех этих случаях предпочтения моногамии именно религия, не является ли культ очага,

общий всем народам Востока, в других отношениях столь различных, настоящей причиной самопроизвольного развития моногамии среди полигамных племен?

Дошедшие до нас исторические и юридические документы, относящиеся к патриархальной эпохе, очень хорошо показывают нам эту эволюцию. В Вишну, Катияне и других сводах первая жена, если только она принадлежит к высшей касте, главенствует над другими женами. Аналогичные факты сообщает нам относительно славян, в частности чехов, их древнейший летописец, Козьма Пражский. Точно так же и в Германии очень рано устанавливается разница между *Weib*, главной женой, и *Frauen* — женами второстепенными.

Установив враждебное отношение религиозных сводов к полигамии и повсеместную тенденцию к моногамии, мы должны только показать тесную связь, существовавшую между культом предков и тем привилегированным положением, которое заняла одна жена, «первая», в полигамной семье. Эта связь вытекает из роли, предоставленной жене в культе предков и в особенности в культе домашнего очага. Мы уже имели случай говорить о том, что обязанности семейного жреца по праву принадлежали мужу, но что приготавлила жертвы жена. На ней лежала, кроме того, еще и другая обязанность, которая являлась тем более важной, что неисполнение ее неизбежно приводило к очень печальным последствиям для всей семьи. Обязанность эта заключалась в непрерывном поддержании огня на домашнем очаге специально предназначенным для этого топливом. Если этот огонь угасал, то культ предков прерывался, мертвые оставались без пищи и семья лишалась их покровительства. А забота об очаге лежала на той из жен, которая занимала первое место, обычно на самой старшей по возрасту. Библия называет ее «женой юности», намекая этим на то, что она сделалась женой, когда муж был еще молодым. Вступление мужа в новый брак не вызывало, следовательно, никаких перемен в семейном культе, если только первая жена не принадлежала к более низкой касте, чем вторая, и если закон не требовал, как это было в Индии, чтобы главная жена была из того же круга, что и муж, одного с ним социального происхождения. С этих пор получилось так, что только первая жена стала считаться равной мужу, потому что только она была допущена к участию в выполнении самых священных обязанностей, обязанностей, связанных с семейным культом. Это обстоятельство должно было оказать решающее влияние на ее судьбу. Она стала главной женой, женой, союз которой с мужем создавал семью, насколько эта семья представляла собой, по выражению римских юристов, ду-

ховное единение (*divini juris communicatio*); а так как это ставило ее выше всех других, то первая жена мало-помалу достигла того, что одна только пользовалась властью хозяйки дома, стала, по немецкому выражению, «*Herrin*», или, как говорили русские, «государыней». Ее исключительное положение лучше всего выражается в формуле, употреблявшейся в Риме при заключении брака путем *confarreatio*: *Si tu Gajus, ego Gaja* (если ты Гай, то я Гайя), таковы были первые слова, с которыми новобрачная обращалась к своему мужу: это означало сотрудничество на всю жизнь, постоянное участие как в обязанностях, так и в привилегиях главы семейной общины.

По мере того как первая жена захватывала власть, остальные опускались до уровня наложниц, которых иногда бывало очень много и которых мужу разрешалось держать даже при жизни жены исключительно для удовлетворения своей похоти в часы досуга. Библия нередко упоминает о такого рода женах, которых законная супруга не только терпела, но иногда даже сама рекомендовала мужу, как, например, Лия предложила с этой целью служанку своему мужу Иакову. Автор Книги бытия считает такой поступок очень похвальным и заслуживающим награды от господ^{*}.

Когда первая жена заняла в конце концов место, подобающее ей в наше время, торжественные свадебные обряды стали совершаться исключительно при совершении первого брака. Только первую жену представляли манам предков и их олицетворению, домашнему очагу. Точно так же только ее дети считались законными. Лишь в случае бесплодия первую жену могла заместить на время вторая, но с единственной целью родить детей, считавшихся в глазах закона детьми первой жены и поэтому имевших право наследования. Так, Сара с ее собственного согласия была замещена Агарью с вполне определенным намерением — дать роду наследника. Такая мена ролями между двумя женами могла сделаться продолжительной лишь в том случае, если бы первая жена осталась бездетной. Поэтому Сара возвращается к своей главной роли тотчас же, как у нее рождается сын Исаак, хотя он и появился на свет несколькими годами позже сына Агари, Измаила. Но патриарх, или вернее неизвестный автор Книги бытия, решительно становится на сторону моногамии: Агарь прогоняют, а Сара одна сохраняет за собой звание законной жены.

Обычай, еще существующий у осетин, свидетельствует приблизительно о таком же моральном строе, какой изоб-

^{*} Книга бытия, гл. XXX, ст. 18. «И она (Лия) сказала: бог вознаградил меня после того, как я дала свою служанку моему мужу».

ражается автором Книги бытия. Рядом с законной женой осетин имеет еще несколько других, известных под названием «нумулус», или «жен только по имени». Приобретенная обычно путем купли, но за гораздо меньшую сумму, чем заплаченная за законную жену, нумулус имеет только одно право, право оставаться на иждивении семьи до самой смерти. Рожденные от таких жен дети составляют особый класс так называемых «кавдасардов». Они все время остаются связанными с семьей и должны содержаться на ее счет; в то же время они обязаны и работать на нее. При разделе отцовского наследства они не получают никакой доли; они только могут выбрать себе из сыновей первой жены (законных) того сонаследника, который становится их господином и за которым они следуют в его новый дом. С этого времени только выбранный кавдасардом сонаследник будет распоряжаться его судьбой. Однако, если семья прекратит свое существование за отсутствием законных потомков, ее имущество по праву перейдет к кавдасардам. Унаследовав семейное имущество, они получают свободу и становятся членами класса свободных людей.

Подобные же факты можно констатировать и у кельтов. Senchus Mor, ирландская «Книга древнего закона», прямо говорит об этом: с согласия своей жены ирландец может вступить в связь со свободной женщиной; в таком случае он обязуется доставлять ей средства к существованию (se ds)*. Отец мог признать своими детей, рожденных от подобной связи. От него зависела их судьба: если он отказывался признать их своими, они следовали общественному положению своей матери, в противном же случае они приобретали все права законных детей. Книга Aicil, другой ирландский свод, несколько менее древний, чем Senchus Mor, кроме того предоставляет детям от последующих браков (после первого) четвертую часть имущества умершего отца**. Скандинавские законы во многих отношениях напоминают этот переходный период между более или менее терпимой полигамией и моногамией, не признающей законными детей, рожденных от свободной связи. Так, в Норвегии в эпоху Фростатинга и Гулатруга закон признавал некоторые виды внебрачного сожительства, которые, в том случае если оно продолжалось более *двадцати лет*, превращались в законные в силу давности. При этом, говорит Дарест, дети становились законными. В древней Дании доля незаконных детей была вдвое меньше доли детей законных. За отсутствием последних побочный

* «Ancient laws of Ireland», v. II, p. 399, 401.

** Ibid., v. III, p. 401.

ребенок получал право на все наследство*. В Исландии же Граги включают незаконнорожденного в число наследников, но только в том случае, если после покойного не осталось ни сына, ни дочери, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. Они идут, следовательно, в ряду наследников раньше деда и бабушки, а также раньше законных внуков.

Из законов германского происхождения наиболее благоприятны для побочных детей *fueiros* Кастилии, Арагонии и Португалии. Незаконнорожденные дети, если только они не являются плодом прелюбодеяния, могли наследовать своим родителям. Известная часть наследства предоставляется им и законами лангобардов, а также статутами городов северной Италии, являющимися сколком с этих законов**.

По этим законодательствам мы можем проследить развитие самой идеи законности рождения. Эта законность признается в большей или меньшей мере в зависимости от того положения, которое законодатель отводит женщинам, брак которых был заключен после брака привилегированной супруги. Если им предоставляются по прошествии известного времени права законной жены, то их потомство участвует в наследовании после отца; обратное получается в том случае, если закон заставляет их опуститься до положения простых наложниц. Таким образом развитие права совершалось именно в этом направлении, под влиянием все более и более суровой нетерпимости, которой проникался семейный культ, и все более и более заметного воздействия этого культа на внутренний строй патриархальной семьи. Так, афинский закон запрещал отцу завещать своим незаконнорожденным сыновьям более пяти осьминов, но отец мог все же признать их своими, вписав их в свою фратрию. Так было и в Риме. Законы XII таблиц признавали право наследовать *ab intestate* (без завещания) лишь за *sui heredes* и не предоставляли никакого права внебрачным детям. Эти последние следовали за социальным положением своей матери согласно известному правилу *infans sequitur ventrem* (дитя следует за утробой); однако мать обязана была только содержать их; незаконнорожденные дети не имели права наследования. Впрочем, отец мог узаконить своего побочного ребенка; для этого нужно было только усыновить его, если он был римским гражданином, или выкупить его, если он был рабом; в обоих случаях незаконнорожденный получал право наследования. Что касается

* R. Dareste, Les anciennes lois du Danemark, «Journal des savants», février, 1881.

** Marichalar y Manrique, Historia del derecho civil de España, t. V, p. 404,

германских законодательств, то по основному их положению незаконнорожденный приравнивался к чужеземцу; он не мог наследовать ни после отца, ни после матери, за исключением того случая, когда отец, умирая без законного наследника, оставлял ему свое имущество по завещанию (формула 52 сборника Маркульфа)*.

Древнеславянское законодательство не менее ревниво оберегало принцип законности. Древнейший свод русских законов, Правда Ярослава, так же как и московское законодательство, не признавали за незаконнорожденными права наследования. По Уложению царя Алексея Михайловича (юридический памятник XVII в.) они не узаконялись даже в случае вступления их родителей в брак. Закон признавал связь побочных детей только со своей матерью, но они не считались принадлежащими к семье отца**.

Итак, законодательства арийских народов, рано перешедших к моногамии, имеют ту общую черту, что все они исключают незаконнорожденного из числа членов семьи. Они допускают в ее ряды только тех, кто объединен общим культом, культом предков. А доступ к нему имела только законная жена и ее дети.

В заключение этого очерка мы можем, следовательно, повторить то, что мы в виде предположения или гипотезы высказали вначале. Патриархальная семья, вначале полигамная, неизбежно стремится к моногамии, так как только эта общественная форма вполне соответствует культу предков. По мере того как патриархальная семья приближается к моногамии, первая жена, «жена юности», одна только становится законной, остальные же опускаются до положения простых наложниц. В результате начинает устанавливаться различие и между детьми: законными признаются лишь те, которые произошли от первой жены, остальные попадают в разряд незаконнорожденных, исключаются из семьи и лишаются права наследовать после своего отца¹⁵.

* *Edmond Caro, De la condition des enfants naturels, Paris 1877, p. 111.*

** *М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, СПб 1886, стр. 136.*

¹⁵ Предлагаемое Ковалевским толкование перехода от многоженства к единоженству неверно. По схеме Ковалевского, при многоженстве, под влиянием семейного культа, в частности культа предков, выделяется главная жена, которая затем и становится единственной. Здесь Ковалевский прежде всего неправильно принимает многоженство за универсальный порядок и обязательную стадию в развитии брака и семьи. На самом деле многоженство было доступно, как сам же Ковалевский указывает, только немногим и богатым и является таким образом сравнительно малораспространенной исторической формой или, по выражению Энгельса, «историческим предметом роскоши» (*Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 43*).

Действительно, при развитом многоженстве выделяется «главная» жена, что, однако, имеет чисто хозяйственные основания, роль же

Чтобы закончить картину патриархальной семьи, мне остается только выяснить роль отца. После этого мы займемся причинами разложения семейной общины и возникновения индивидуальной семьи, семьи супружеской четы, какой мы ее знаем в наши дни. К этим вопросам мы перейдем в следующей лекции.

этой главной жены в семейном культе является лишь идеологической надстройкой. В этом построении Ковалевского сказалась его указанная выше ошибка (см. примечание 12), по которой внутренние отношения в патриархальной семье выводятся им из культа, а не из хозяйственной сущности этой семьи. На самом деле переход к единоженству в общем процессе перехода от группового брака сначала к парному, а затем к моногамному совершается в конечном счете на основе роста производительных сил в зависимости от целого ряда взаимодействующих обстоятельств, в числе которых особую роль играют возникновение частной собственности и превращение индивидуальной семьи в самостоятельную экономическую ячейку. — *Прим. ред.*

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

В ОДНОЙ из первых лекций мы уже касались вопроса о происхождении отцовской власти. Сегодня мы проследим ее дальнейшее развитие и посмотрим, какой вид она приняла при патриархальном строе. Предмет этот слишком обширен для такого сжатого курса, как наш; мы поэтому постараемся изложить его возможно короче, устраняя все подробности и ограничивая наше исследование лишь самым существенным.

Первоначально отцовская власть была, повидимому, только придатком к власти мужа. Тот, кто приобрел жену, приписывает себе права собственника и на ее приплод, как он это делает по отношению к своим плодовым деревьям и своему скоту. Из этого следует, что для обладания отцовской властью нет необходимости быть отцом, достаточно иметь супружеские права на женщину, которая родила. Такое заключение мы должны сделать из древнего закона алеманов, который постановляет, что дитя, рожденное от прелюбодеяния, принадлежит мужу его матери, а не своему действительному отцу. Ту же мысль внушает нам и осетинский обычай, который наделяет мужа отцовскими правами над детьми его второй жены нумулус, рожденными ею от постороннего человека, которому она была уступлена на время. В Индии брак, называемый «ниога», построен на том же принципе, так как ребенок, рожденный от прелюбодеяния, на которое дал свое согласие муж, становится его сыном и наследником. Римское законодательство обобщает это положение в формуле «*pater est quem nuptiae demonstrant*», т. е. отец тот, на кого указывает обряд бракосочетания. Из всего этого можно сделать заключение, что муж женщины имеет право собственности на всех рожденных ею детей. Такое обоснование права владения породит произвол, характерный для отцовской власти; оно породит *jus vitae necisque* (право жизни и смерти) по отношению к новорожденным и возмутительное право располагать потомством по своему произволу, даже продавать его. И в самом деле, не может быть никакого сомнения, что эти чудовищные права действительно существовали и даже теперь еще существуют среди наименее цивилизо-

занных племен, как, например, у негров центральной Африки. Для доказательства существования такого произвола нет надобности обращаться к римскому законодательству: Рим, правда, допускал его, но со всякими оговорками, а в некоторых других странах обычай и до сих пор освящает его в самой абсолютной форме. Продажа молодых негров их родителями — дело самое обыкновенное. Что же касается детоубийства как мальчиков, так в особенности девочек, то этот обычай настолько еще распространен, что Мак-Леннан чуть ли не возводит его на степень закона, с чем мы, однако, не можем согласиться.

Вначале отцовская власть не существовала как учреждение, а была случайной привилегией, и все эти права принадлежали гораздо раньше жене, прежде чем были предоставлены мужу. Поэтому у многих племен судьбу новорожденного решает мать, отказываясь кормить его или давая ему грудь. Сванеты, у которых еще недавно практиковалось убийство новорожденных девочек, производили его точно таким же образом; то же рассказывают и о южных осетинах. Существовавшее у разных народов обыкновение предоставлять новорожденному умереть, оставляя его без пищи, породило, вероятно, следующий обычай, который констатирован во многих патриархальных обществах, между прочим у германцев: достаточно ребенку проглотить хотя бы каплю молока, чтобы отец потерял право лишить его жизни*. И так как матери для того, чтобы дать ребенку грудь, приходится поднять его, то отец, к которому перешли ее права, подражает этому движению в виде торжественного символа, свидетельствующего о его желании признать новорожденного своим и даровать ему жизнь. Таким же образом римляне обозначали акт признания новорожденного глаголом *sublevare*, т. е. поднять. Если отец поднимал ребенка с земли, то терял право умертвить его.

Арийские законодательства уже устанавливают некоторые ограничения абсолютного произвола. Какие причины заставляли установить эти границы и подчинить отцовскую власть на жизнь и смерть определенным правилам? Да будет нам позволено сказать, что это счастливое нововведение вызвано было установлением патриархальной семьи. Ибо тогда права отца были подчинены правам семейной общины и общий интерес ее членов восторжествовал над личным интересом. Эта смена руководящих мотивов привела к исчезновению детоубийства или, по крайней мере, к его ограничению очень редкими случаями. Это исключительное право удержалось лишь как средство оградить семью от

* W. Plath, *Geschichte des Verbrechens der Aussetzung*, Leipzig 1876.

некоторой опасности и обеспечить за нею некоторые преимущества. Опасности и преимущества, в конце концов, довольно призрачные; но наши предки понимали это иначе. И если мы захотим стать на их точку зрения, то придем к признанию, что, в известных пределах, детоубийство могло иметь некоторый смысл, его оправдывавший.

Прежде всего необходимо было предохранить семью от гибельных последствий прелюбодеяния, т. е. от введения в нее чуждых элементов, враждебных семейному культу, могущих оказаться причиной недействительности жертв и возлияний, предложенных манам. А общее убеждение было такое, что близнецы рождаются исключительно от прелюбодеяния, почему было необходимо жертвовать ими в интересах рода. И в Эдде очень часто упоминаются случаи подобного рода детоубийства.

Так как для войны были необходимы хорошо сложенные, сильные мужчины, способные переносить всякие труды и лишения, то приняли за правило убивать уродливых детей. Рим и древняя Германия одинаково должны были считаться с этой социальной необходимостью, а в Норвегии церковным законам пришлось взять под свое покровительство и запрещать убийство даже тех, у кого «затылок был спереди, а глаза сзади».

К этим общим причинам детоубийства присоединились и другие чисто случайного характера. Если какое-нибудь племя начинало испытывать нужду в самом необходимом, то принимались убивать малолетних детей. Тацит рассказывает о подобном случае у фризов, а исследователи Австралии и Африки также приводят немало аналогичных фактов.

Более непосредственные мотивы способствовали сохранению у дикарей обычая убивать девочек. В состоянии постоянной войны, в котором находились первобытные люди, семья заботилась больше всего о сохранении мужского потомства. Дочери часто являлись только обузой, до тех пор, по крайней мере, пока обычай похищения не уступил место их купле. Вот почему обычай убивать девочек сохранялся так долго.

Интересы семьи, без сомнения, требовали выполнения всех предписаний обычая, направленных к ограничению права отца продавать своих детей. Такая продажа допускалась только во времена острой нужды, когда нехватало средств существования. Не надо, однако, игнорировать и той поддержки, которую эти интересы встречали в свойственных всякой национальной религии побуждениях. Так, англо-саксонские законы, имея в виду уберечь христиан от какого-либо соприкосновения с неверными, запрещали продажу даже детей рабов евреям и нехристям. Запрещение же

отчуждать детей старше семи лет, вероятно, основано было на желании семьи сохранить тех, кто может в скором времени сделаться хорошим работником. Ограничения отцовской власти были, однако, не таковы, чтобы лишить ее всякого значения. Сами семейные интересы требовали ее сохранения. Ребенка нужно было не только кормить и заботиться о нем в течение целого ряда лет, но и воспитывать его, т. е. готовить его к роли воина, которая была его уделом. С другой стороны, внутренний мир в семье должен был поддерживаться ценой любых жертв. Все эти соображения приводили к тому, чтобы предоставить отцу возможность наказывать своего ребенка и даже изгонять его из дома. Солон признал это право за афинянами, но, без сомнения, оно существовало и до него. Осуществляемое без всяких оговорок, это право могло сделаться постоянной угрозой самому существованию семейной общины. Поэтому оно и было ограничено с самого начала. Отец сохранил право подвергать своего сына телесному наказанию, но при условии, чтобы оно не приводило к членовредительству. Он мог запретить ему вход в дом, однако такое изгнание должно было быть санкционировано семейным советом.

Я познакомлю вас теперь с влиянием и компетенцией этого совета и с тем, какую роль он играл в развитии отцовской власти. Германское право наделяет его большими полномочиями. Эти полномочия не так отчетливо выступают в римском праве. Однако такие выдающиеся романисты, как Иеринг, заявляют, что даже в Риме отец осуществлял свое право на жизнь и смерть только с согласия *cognati propinqui et amici*, т. е. тех самых лиц, которых он призывал для произнесения приговора при обвинении жены в прелюбодеянии. Хотя юрисдикция этого совета и не была точно установлена, роль его была очень заметна. Тем не менее не требовалось созывать его каждый раз, когда нужно было наказать непокорного сына или дочь. Закон не обвинил бы в убийстве отца, который воспользовался бы своим правом жизни и смерти, не выслушав предварительно мнения семейного совета. Достаточно было, чтобы это мнение не осудило его поступка и чтобы этот поступок не имел характера личной мести или грубого злоупотребления властью. В противном случае отца можно было привлечь к суду и объявить виновным в *caedes*, т. е. в убийстве. Так было с Фибием Максимом, которого Помпей обвинил перед народным собранием*.

В Германии семейный совет пользовался гораздо более обширной властью: он участвовал во всех мало-мальски

* R. Ihering, Geist des römischen Rechts, 1860, Bd. II, S. 202, 203.

важных решениях, принятых отцом по отношению к своему сыну или дочери. Составленный из родственников со стороны и отца и матери, он обладал не только моральным, но и юридическим авторитетом. Без его одобрения нельзя было подвергнуть какому бы то ни было наказанию ребенка, достигшего известного возраста. Даже в более поздние времена в случае дурного обращения сын имел право ходатайствовать об отделении от отца перед ближайшими его родственниками, *des vaters nächsten frunden*, по выражению имперского законодательства*.

Что же касается права изгнания непокорного сына, то оно в большей степени, чем какое бы то ни было другое право, было под контролем родственников. В Риме им пользовались в случае обвинения сына в каком-нибудь уголовном преступлении. Если отец не хотел брать на себя ответственности за него, то он просто-напросто выдавал его обвинителю (*poxae dare*). Фактически это равнялось изгнанию. К подобному же изгнанию прибегали и в Германии, так же как и в славянских странах, когда сын совершал какое-нибудь преступление по отношению к одному из членов семьи.

Но нигде этим правом не пользовались так часто, как в Греции, в частности, в Афинах. Тем не менее, по словам Платона, к изгнанию (*apokeryxis*) не могли приговорить без согласия семейного совета**.

Кроме предоставленных отцу прав над личностью своих детей, ему принадлежали и другие права, права над их имуществом. Однако, если имущество сына не оставалось в его личном распоряжении, то оно не зависело также и от полного произвола отца. Так как интересы общины стояли выше интересов отдельных ее членов, то только семья в целом имела право владения нераздельным общим имуществом, ей же принадлежало и право на работу, выполненную каждым из ее членов. Конечно, право распоряжаться семейным имуществом в течение очень долгого времени оставалось прерогативой отца***, но только как главы общины. В важных случаях он действовал только с единодушного согласия своих управляемых и всегда при содействии и под контролем совета; случалось, что его даже лишали полномочий вследствие неумелого распоряжения общим имуществом или расточительности. История

* W. Th. Kraut, Die Vormundschaft nach den Grundsätzen des deutschen Rechts, 3 B-de, Göttingen 1859; Bd. II, S. 595.

** S. Mayer, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, 3 B-de, Leipzig 1862—1876, Bd. II, S. 412.

*** «*Filli sui filiaeque bonorum et curam gerat et fructus, capiat pater*», (имуществом сына и дочери заведует отец, он же получает доход с него) — читаем мы в исландских Грагах.

права арийских народов определенно свидетельствует об этом так же, как и существующие еще обычаи южных славян и русских. «Добро и зло, прибыль и убыток должны быть общими у всех членов семьи», — постановляет относящийся к XV в. статут Полицы, славянской республики в Далмации. Выражение того же принципа мы находим не только в варварских «правдах» германцев, но и в швабском Зерцале (*Schwabenspiegel*), которое прямо говорит, что все приобретенное сыном принадлежит отцу, главе общины*. Древнейшее римское право высказывается в том же духе, объявляя, что дети являются лицами, при посредстве которых можно делать приобретения (*per quas personas cuique acquiritur*). Основание для этого выражено в формуле: «отец и сын признаются почти одной личностью» (*cum pater et filius eadem esse persona pene intelligantur*). В брахманской Индии доход сына, пока он остается членом семейной общины, по праву принадлежит последней. Тот же принцип лежит в основе имущественных отношений отцов, сыновей и внуков как в сербской «задруге», так и в великорусской большой семье.

С другой стороны, вполне доказано право сыновей контролировать распоряжение отца общим имуществом, в особенности в случае его отчуждения. Такого воззрения еще и до сих пор придерживаются в Индии и у южных славян. Но ведь при известных обстоятельствах отчуждение становится необходимостью: прежде всего в случае невозможности иным способом удовлетворить нужды семьи, например, в неурожайные годы, затем при необходимости произвести экстренные расходы для обеспечения загробного блаженства умерших предков, как, например, оплата панихид или дарения в пользу духовенства: *pro anima parentum suorum* (на помин души своих родственников). Такие исключительные случаи допускались и в брахманской Индии, и в средневековой Германии, и в Ирландии во времена ее независимости, и у современных югославов. Именно дарения в пользу духовенства являются древнейшей, причиной отчуждения семейного имущества, одинаково допускаемого как брахманскими сводами, так и законами ирландских брегонов и варварскими «правдами» германских племен.

Чтобы быть действительным, всякое отчуждение должно быть санкционировано семейной общиной. Таков еще и теперь обычай у югославов. Индия и средневековая Германия также требуют для этого согласия семьи. Древние акты дарения и продажи говорят об этом обычно в таких

* «Schwabenspiegel», ч. I, V, стр. 17; ч. II, VIII, I; ч. III, VIII.

выражениях, как *consentientibus filiis et propinquis meis* (с согласия моих детей и родственников). Выдающийся историк славянской семьи Шпилевский приводит большое число текстов, доказывающих, что община имела право давать и не давать своего согласия на отчуждение семейной собственности. *Liberis et universis heredibus rata stipulatione consentientibus* (с согласия и одобрения детей и всех наследников) — такова формула, обычно употреблявшаяся в Богемии и в Польше. В сохранившихся в русских архивах древних купчих мы находим выражения, имеющие тот же смысл*. То же в Германии и во Франции. Еще более выразительны в этом отношении статуты городов. Так, госларский статут разрешает совершеннолетнему сыну, продолжающему жить со своими родителями, отказаться в согласии на представленный отцом акт, касающийся распоряжения семейным имуществом**.

Наконец, существование у семейной общины права отнять управление ее имуществом у расточительного отца доказывается не только обычаем, еще сохранившимся у югославов, но и статутами германских городов, например, Бремена (1428 г.)***.

Все эти факты заставляют нас прийти к выводу, что власть отца не была произвольной в эпоху существования патриархальной семьи и проявлялась в очень ограниченной форме. Она возникла из права владения, которое отец получал по отношению к ребенку женщины, с которой он вступил в брак или, лучше сказать, которую он купил; эта власть продолжала существовать в интересах внутреннего мира и материального благополучия семьи. Такая высшая цель отцовской власти определила и ее судьбы. Ею был наделен глава общины, и она была ограничена и контролируема семейным советом, который таким образом регулировал взаимные отношения отца и детей так же как и отношения между мужем и женой¹⁶.

* С. М. Шпилевский, Семейные власти у древних славян и германцев. Казань 1869, стр. 214—216.

** J. Stobbe, *Aufhebung väterlichen Gevalt*, «Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechts», 1865, S. 21.

*** W. Th. Kraut, *Die Vormundschaft*, S. 394.

¹⁶ Вся эта экспозиция Ковалевского неверна. Причина ошибок Ковалевского в данном случае коренится в том, что он рассматривает большую патриархальную семью статически, а не в ее развитии, и, с другой стороны, не видит отражения и нарастания в большой семье возникающих в распаде родового строя классовых отношений. Взгляд Ковалевского на отношение власти в семье сводится к тому, что первоначально неограниченная власть отца впоследствии ограничивается властью семейного совета. На самом деле процесс идет в обратном направлении. Первоначально большая семья сохраняет значительные элементы демократизма, и власть главы такой семьи действительно весьма ограничена, роль его сводится к роли распорядителя трудовой дея-

Под властью отца находились не только дети, рожденные женщиной, с которой он вступал в брачный союз, но также и усыновленные им. Таким образом, семья могла поддерживаться и увеличиваться при помощи чужеродных элементов. Мен вскрыл нам происхождение этого способа создавать родственные отношения и показал, какую роль играла фикция в развитии семейных учреждений и в особенности в усыновлении.

Но хотя я и принимаю его теорию, все же мне кажется невероятным, чтобы усыновление могло быть обычаем, возникшим еще на заре человечества. Вдумываясь в последствия, непосредственно вытекавшие из усыновления, нельзя не обратить внимания на то, что оно не могло осуществиться в пользу одной семьи без того, чтобы другая семья не согласилась лишиться одного из своих членов. А это могло произойти лишь при совершенно исключительных обстоятельствах, под давлением необходимости. В свою очередь, и семье усыновляющей приходилось мириться с тем, что долю во всем ее достоянии получит совершенно чужой для нее человек, который до этого времени не имел с ней ничего общего, не был с ней связан ни культом обоготворенных предков, ни участием в коллективной работе. Сколько предрассудков нужно было преодолеть, со сколькими нарушениями семейных интересов нужно было примириться, прежде чем дать свое согласие

тельностью семьи, управителя ее имущества и пр. С развитием хозяйственного и общественного значения большой семьи в общем ходе развития патриархата власть главы семьи вырастает и, эмансипируясь от своей зависимости от семейного совета, становится иногда почти неограниченной, когда слово главы семьи — закон, когда и трудовая деятельность и личная жизнь членов семьи всецело во власти ее главы. Таким образом, общий вывод, который делает Ковалевский, что власть отца в патриархальной семье «проявлялась в очень ограниченной форме», совершенно неверен. Но далее, — на данной стадии развития патриархальных отношений, в распаде родового строя, вырастают уже классовые отношения, возникает классовая государственная власть. При таких условиях объем власти главы патриархальной семьи зависит уже от классового значения данной семьи и соотношения сил в данном обществе: главы богатых и влиятельных семей обладают и большей личной властью в своей семье. Одновременно, в неразрывной связи с общим процессом развития и распада родового общества, в среде большой семьи дифференцируются малые, индивидуальные семьи со своими главами — отцами, — противостоящими главе большой семьи — патриарху. Патриархальная власть, выросшая в борьбе с семейным демократизмом, встречается с новым противником — государством. Борьба государства с семейной самостоятельностью и семейной властью входит составным элементом в историю формирования государства в процессе возникновения классов и классовой борьбы. Весь очерченный процесс и отражается в различных, исторически меняющихся и зависящих от конкретного соотношения различных участвующих в этом процессе сил, формах внутренних отношений в патриархальной семье, равно как и на положении ее главы. — *Прим. ред.*

на усыновление. Поэтому я полагаю, что усыновление происходило не так часто, как это обыкновенно думают.

Дикие племена североамериканских краснокожих, так же как осетины и другие племена Кавказа, усыновляли лишь в очень редких и особо важных случаях, вроде следующего. Между двумя семьями или даже племенами свирепствует многолетняя междоусобная война, вызванная убийством или другим каким-нибудь преступлением. Кто-нибудь вступает в это дело и убеждает обе семьи помириться. Мир заключается на таких условиях: семье, к которой принадлежала жертва совершенного преступления, уплачивается известный выкуп и, кроме того, один из взрослых членов рода обидчика вступает путем усыновления в род потерпевший. С этого времени он будет занимать в нем место убитого, получит даже его имя, а усыновившая семья наделит его теми же правами и возложит на него те же обязанности, которые имел покойный.

За исключением подобных случаев, семья обычно относится очень несочувственно к усыновлению чужого человека, с которым нужно будет делиться доходами от общего имущества; она пойдет на это лишь в случае неимения потомства. Тогда усыновленный должен поселиться в доме усыновителя и даже принять его имя. Именно такой обычай еще и теперь существует у южных славян и у крестьян Великокороссии. То же было и в Афинах, где случалось, что человек, не имеющий сына, выдавал замуж свою дочь-наследницу (*epiclera*) за одного из родственников и сына, родившегося от этого брака, признавал своим. О подобных же случаях усыновления говорят и брахманские своды, и законы Ирландии, и средневековые своды обычного права.

Не желая дольше распространяться об этом предмете, о котором так много писалось, мы закончим этот краткий очерк указанием на то, что усыновленный приобретал все права родного сына. Как и последний, он подчинялся власти отца и контролю других членов семейной общины. Установленный обычаем обряд усыновления воспроизводит акт, совершаемый родителями, когда они желают оставить новорожденного в живых. Я уже говорил, что акт этот состоял в том, что его кормили. И вот, во время обряда усыновления взрослый человек подходит к женщине, которая станет с этого времени его матерью, и прикасается губами к ее груди. Такой обычай существует еще у осетин. У других племен вместо матери выступает приемный отец, тогда этот символический акт, повидимому, теряет уже всякий реальный смысл.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

В ПРЕДЫДУЩИХ лекциях мы изложили историю семьи и собственности в двух периодах их развития — при матриархате и патриархате. Чтобы до конца выполнить поставленную себе задачу, нам остается вскрыть причины, приведшие к разложению патриархата, и указать, под влиянием каких руководящих идей совершалась дальнейшая эволюция семьи и собственности.

Прежде всего мы должны сказать, какие зародыши распада заключались в самой патриархальной семье. Их следует искать, по нашему мнению, в том именно социальном явлении, которое было особенно характерно для внутреннего строя этой семьи, — в полном подчинении отдельной личности общине и ее представителю — отцу и мужу. Неизбежным следствием этого было полное уничтожение индивидуальной свободы.

Мы охотно признаем вместе с Лавеле все положительные стороны подобной ассоциации: то, что она дает возможность соединить преимущества большого хозяйства и мелкой собственности, что она препятствует образованию пролетариата благодаря тесному единению капитала и труда¹⁷. Но в то же время, как верно замечает Ле-Пле, такого рода общины «в своей организации труда и во всей совокупности социальных отношений поддерживают скорее привязанность к прошлому, чем заботу о будущем, послушание скорее, чем инициативу». Этот автор не ошибается, утверждая, что, «насиленно удерживая умы в состоянии морального и материального принуждения, патриархальная община сковывает то свободное развитие выдающейся личности, которое она получила бы при независимом положении»*.

* *E. Laveleye*, De la propriété et de ses formes primitives, Paris 1874, p. 215; *F. Le Play*, La réforme sociale en France, Paris 1861—1862, éd. 5-ème, p. 364.

¹⁷ В данном высказывании, как и в ряде других мест этой книги, Ковалевский еще раз обнаруживает свое классовое лицо. — *Прим. ред.*

К этим замечаниям следует еще прибавить интересные наблюдения Анатоля Леруа-Больё, который, как и его соотечественник Ле-Пле, долгое время прожил в России, где еще сохранились семейные общины.

«У народа бедного и у людей грубых патриархальный строй развивает не одни только добродетели и приносит не одни только выгоды. Известно, сколько всякого рода зла происходит в больших городах Запада вследствие тесноты помещений и скученности населения. Не меньше неудобств происходит от этого и в России, когда в тесной избе живут вместе несколько поколений и соединяется несколько хозяйств и когда в течение бесконечных ночей долгой зимы родители и дети, братья и их жены спят вповалку вокруг большой печи. Это приводит к своего рода беспорядочному половому смешению, очень вредному как для души, так и для тела. У мужиков даже в то время, когда женатые сыновья жили в нескольких избах, расположенных вокруг одного общего двора, неограниченная власть домовладыки представляла собой опасность для неприкосновенности семьи и чистоты нравов. Подобно помещику-дворянину по отношению к своим крепостным, глава дома присваивал себе нередко своего рода сенъериальные права на всех женщин, находящихся под его властью. Этот глава, которого называли «старик», хотя ему, благодаря ранним бракам, нередко бывало не более сорока лет, брал со своих снох дань, протестовать против которой его сыновьям мешал их юный возраст или же зависимое положение. Таким образом, домашний очаг осквернялся той самой властью, которая должна была блюсти за его чистотой»*.

К этим цитатам я могу присоединить еще извлечения из отчетов волостных старшин. Отвечая на ряд вопросов, поставленных им по распоряжению правительства, эти повседневные наблюдатели сельской жизни сообщили следующие сведения.

Разделы, ставшие в последнее время очень частыми, производятся почти исключительно из-за семейных ссор. Женщины играют в них, повидимому, большую роль. Так как в общине их положение очень приниженное, то им хочется сделаться хозяйками независимого дома. И это желание побеждает все соображения, говорящие в пользу системы нераздельного хозяйства. Для доказательства необходимости произвести раздел еще при жизни родителей ссылаются главным образом на выраженное взрослыми сы-

* *A. Leroy-Beaulieu*, *L'empire des tzars et les russes*, 3 vls, Paris 1881—1883, ch. VI, p. 488.

новьями желание жить по своей воле*. Следовательно, в основе всех этих жалоб на общинный строй лежит настоятельная потребность каждого обеспечить себе свободу.

Те, которые выделяются, желают прежде всего принадлежать самим себе, отделаться от всяких стеснений и чужой указки, иметь возможность сообразовывать свои действия со своими желаниями — одним словом, быть личностью, а не ничтожной частицей целого.

Таким образом, мы видим, что семейную общину как учреждение подтачивает и разлагает инстинкт индивидуализма; это он побуждает взрослых членов семьи требовать свободного распоряжения тем, что они сами приобрели, и делаться зачинщиками насильственного раздела при жизни отца.

Древние и средневековые законодательства подтверждают, что и в других странах упадок патриархальной семьи происходил не по иной какой-нибудь, а по той же самой причине.

Даже в Индии, где община сохранялась особенно долго и проявила исключительную живучесть, первые покушения на нее со стороны индивидуализма произошли уже в очень древние времена, в эпоху брахманских сводов. Свод Ману высказывается еще за права общины на те приобретения, которые сделаны лично отдельными ее членами. Тем не менее он наделяет такого приобретателя некоторыми преимуществами и при разделе гарантирует ему двойную долю сравнительно с тем, что причитается каждому члену общины. Иначе обстоит дело в V и VI вв. до н. э., т. е. в эпоху, когда индивидуализм уже успел сделать большие успехи, что видно из следующих постановлений. Приданое, полученное от отца, так же как и подарок друга, принадлежит исключительно тем, кому они даны, гласит Яджнавалкая. В случае раздела, говорит, в свою очередь, свод Нарады, все, полученное благодаря храбрости и знанию, принадлежит одному приобретателю**.

Такие же перемены во взглядах, повидимому, произошли и в Риме уже в очень отдаленные времена. *Peculium castrense*, т. е. военная добыча, была первым имуществом, которое могло присвоить себе отдельное лицо, не делясь им с другими членами своей семьи. Мало-помалу такая привилегия распространилась на все то, что приобретено на службе государству и церкви, и на вещи, принадлежащие

* Бывший профессор Петербургского университета Пахман тщательно собрал все эти указания в своем ученом труде по русскому обычному праву, см. т. II, стр. 23.

** Все эти тексты я подробно привожу в своей книге, озаглавленной «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», Москва 1879, стр. 110.

к приданому жены. Таким образом, рядом с *resulium castrense* возникла *resulium quasi castrense*, т. е. «как бы» военная добыча*¹⁸.

Тому, кто захотел бы узнать, какими соображениями могли руководствоваться при составлении подобных постановлений, лучше всего обратиться к современным нравам южных славян. У этих племен уже начался период разложения древней семейной общины, задруги. Такой беспристрастный наблюдатель, как Богишич, знаменитый черногорский законодатель, может дать об этом вполне точные сведения, и я особенно усердно рекомендую вам познакомиться с его трудами. Обычай, еще недавно существовавший среди крепостных, предоставлял общине все индивидуальные приобретения. «Куда бы ни завели корову, — говорит очень распространенная поговорка, — телиться она придет домой»; это значит: каким бы способом ни обогатился член общины, своим богатством он должен поделиться с ней. И если член задруги нашел это богатство на чужбине, то по своем возвращении он все-таки должен отдать своей семейной общине если не всю свою прибыль, то по крайней мере часть ее**. Теперь же югославский обычай допускает известный *resulium*, т. е. личное имущество. В Черногории это тот же *resulium castrense*, добыча, приобретенная в бою. Неприятельское оружие по праву принадлежит победителю. В Болгарии к такому *resulium castrense* присоединяются полученные новобрачной, обычно в день свадьбы, подарки, которые составляют ее исключительную собственность, тогда как приданое, из чего бы оно ни состояло — скота, недвижимости или денег, — делается частью общего имущества. Жена может его получить только после распада задруги; доходов же, которые

* Во всем, что касается римского права, я руководствовался в своих лекциях превосходным изложением его развития в книге бывшего профессора Московского университета Муромцева. Эта книга моего бывшего коллеги, озаглавленная «Гражданское право древнего Рима», пользуется большим авторитетом в нашей высшей школе.

** Если член общины покинул свою семью по распоряжению ее главы, то все им заработанное поступает в общую кассу; если же он ушел по своей воле, то ничего не должен общине.

¹⁸ Распад большесемейной общины происходит, конечно, не в силу действия «инстинкта индивидуализма», как это совершенно идеалистически представляет себе Ковалевский. Ссылка на «инстинкт индивидуализма» ничего не объясняет. В действительности большая семья разрушается не в силу «инстинкта», а в силу совершающегося в процессе развития производительных сил распада родового общества, в особенности в силу развития частной собственности. Все это приводит к распаду сохраняющихся в большой семье остатков первобытного коллективизма и дифференциации в ее недрах индивидуальных семей, становящихся самостоятельной экономической единицей и воплощающих начало частной собственности. — *Прим. ред.*

были с него уже получены, она не может требовать ни в каком случае. Самый значительный *rescriptum* разрешается иметь в австрийской Сербии. Там священникам разрешается удерживать в личную собственность то, что они получили за требы, — венчание, крещение и похороны; но они должны отдавать своей семейной общине суммы, получаемые ими ежегодно от прихожан в виде жалованья. Члену общины лично принадлежит то, что ему посчастливилось найти, и полученные им подарки, а также прибыль от производимой им торговли и заработок от ремесла. Молодые люди, посвятившие себя морской службе, оставляют себе законным образом все премии, полученные за морские путешествия. Приданое жены считается ее личной собственностью. В некоторых областях Сербии заведывание им поручается даже не главе общины, а какому-нибудь местному крестьянину, который ежегодно выдает его собственнице полученные доходы, удерживая, впрочем, часть их себе за хлопоты*.

Индивидуализм, подрывающий целост патриархальной семьи, проявляется и в других видах. Неведомый вначале, затем зависящий исключительно от воли главы общины, раздел становится мало-помалу возможным не только после его смерти, но даже и при жизни его. В текстах древнейших законов — в своде Ману, в варварских правдах и в старинных статутах славян — совсем не упоминается раздел как законный способ выйти из общепринятого порядка нераздельного владения имуществом. Отец может отпустить на волю своего сына, выделить ему часть своего имущества и поставить его во главе отдельного хозяйства; но сын не имеет права требовать раздела, заставить отца отказаться хотя бы от малейшей части его имущества, точно так же как и дочери не дозволяется настаивать на выдаче ей приданого. Это приданое может быть ей даровано, но можно и отказать ей в приданом. И в том, и в другом случае она ничего не может требовать по суду. Было бы бесполезно подтверждать высказанное мною положение цитатами, которые легко было бы привести из законов и судебных решений чуть не всех стран, из законодательств как вымерших, так и еще живущих народов. Я ограничусь лишь немногими ссылками на обычаи и законы некоторых арийских народов.

В Индии, где, как мы видели, свод Ману не признает иного раздела, как с согласия главы общины**, свод Нарады говорит уже о разделе по соглашению членов

* *F. Demelic*, Le droit coutumier des slaves méridionaux d'après les recherches de Mr. Bogisic, «Revue de législation ancienne et moderne», 1876.

** Кн. IX, ст. 104.

общины. Согласно древнему индусскому законодательству, главу общины нельзя принудить к разделу. Теперь же верховный суд в Бенаресе разрешает каждому гражданину требовать выдачи ему его доли (each of the coparceners has a right to call for a partition)*.

Такая же эволюция привела, повидимому, и к изменениям в германском обычном праве. В одной вестготской формуле правило, по которому только от отца зависело делить или нет семейное имущество, выражено следующим образом: «Старый обычай и предписания законов установили, что отцы, желая освободить своих взрослых сыновей из-под своей власти, уступают им часть общего семейного имущества только в том случае, если захотят этого (*quod tamen patres voluerint concedant*)». Статуты некоторых городов, например, Дортмунда, выражаются на этот счет еще определеннее: «Дети не имеют права заставить отца или мать выделить их при своей жизни». Бургдорфский статут выражает ту же мысль в иной форме: ни одного гражданина нельзя принудить дать детям при своей жизни часть своего имущества (*nullus burgensis portionem liberis suis dabit, dum viverit, nisi voluerit*)**. Общая формула: «не дает приданого тот, кто не хочет» — устанавливает тот же принцип по отношению к дочерям; так было в древнем французском законодательстве.

Первые права, не зависящие от прав отца, дети получили по отношению к имуществу матери: первый раздел, которого они могли требовать, был раздел этого имущества. Вестготский закон определенно говорит: кто достиг двадцатилетнего возраста, может требовать от отца причитающейся ему части имущества покойной матери. Древние законы Дании устанавливают тот же принцип. Статуты городов идут в этом отношении дальше, возлагая на отца такую же обязанность по отношению к его собственному имуществу в тех случаях, когда он вступает в новый брак или расточает семейное имущество***. Но только в швабском Зерцале (XIII в. н. э.) мы встречаем обязательный раздел, которого взрослый сын по суду может требовать от отца, заставив его уступить, по крайней мере, две пятых своего имущества.

Эволюция славянского права по вопросу о свободе разделов идет в том же направлении. В Польше, Богемии, Литве и в Московском государстве дети не имеют права требо-

* *J. D. Mayne, A treatise on hindou law and usage, London 1883, p. 238.*

** *W. Th. Kraut, Die Vormundschaft, Bd. II, S. 594, прилож. 11.*

*** Статуты Гослара и Бремена. *Kraut, Die Vormundschaft, Bd. II, S. 529, прилож. 23; S. 598, прилож. 22.*

вать раздела, и от отца зависит определить размеры той доли, которая причитается сыну, так же как дать или не дать приданое дочери. Он мог даже, по крайней мере в России, заставить сына вернуть выданную ему при разделе часть под предлогом его неблагодарности. Статуты далматских городов и позднейшее законодательство чехов уже изменяют эти постановления: мало-помалу они обязывают отца поступиться частью своего имущества в пользу сына. Так бывало каждый раз, когда отец вступал во второй брак, когда сын женился с согласия родителей, а также когда по достижении пятнадцатилетнего возраста он находил почему-нибудь нужным требовать раздела*. И с тех пор, как дети получили такие привилегии, установился определенный срок, после которого власть родителей по отношению к ним прекращалась. В Риме, однако, сын оставался в зависимости всю свою жизнь, если только отец не эмансипировал его по собственному желанию. Древнегерманское общество также не знало законом установленного совершеннолетия. Штоббе, первый высказавший эту истину, доказывает это многочисленными цитатами. Недостаточно было достигнуть известного возраста, чтобы уже этим самым выйти из-под власти отца; для этого мало было и получить право носить оружие, нужно было еще устроиться отдельно и завести самостоятельное хозяйство, а это требовало предварительного раздела семейного имущества**.

Все специально занимавшиеся древнеславянским правом, и среди них знаменитый польский законовед и историк Мацейковский, не сомневаются в том, что власть отца прекращалась только после раздела. Вислицкий статут указывает на это самым категорическим образом, устанавливая, что неэмансипированный сын остается под властью отца и живет нераздельно со своими братьями***.

Итак, законом установленное совершеннолетие было совершенно неизвестно при режиме нераздельности, характерном для патриархальной семьи. Оно появляется лишь в результате разложения общины. Когда дети получали по достижении известного возраста право принудить своего отца к разделу, только тогда были признаны права, связанные с совершеннолетием. В Германии это произошло не ранее половины XIII в. Швабское Зерцало первое признало за сыном, достигшим двадцатилетнего возраста, право

* С. М. Шпилевский, Семейные власти у древних славян и германцев, Казань 1869, стр. 210.

** J. Stobbe, Über die väterliche Gewalt, «Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechts», 1865.

*** Filius nondum emancipatus, in paterna constitutus potestate, nec a fratribus divisus vel separatus ...

на выдел. В славянском же мире идея законом установленного совершеннолетия утвердилась еще столетием позже*.

Так как обязательный раздел тесно связан с правом наследования, то возникновение этого права приходится отнести ко времени, когда начинается разложение патриархальной семьи. До этого смерть отца не имела никаких последствий, кроме смены лиц, заведующих общим имуществом. Когда был допущен раздел, необходимо было прежде всего установить, на каких основаниях он будет производиться. Обычай определил долю каждого из членов распадающейся семьи. Так установилось то, что впоследствии стало называться порядком наследования. Было бы ошибочно думать, что везде при этом руководились принципом равенства. Во многих странах старший сын, на которого переходили обязанности по отношению к семейному культу и падали связанные с этим расходы, выделялся обычаем в привилегированное положение: ему предоставляли долю большую, чем остальным братьям. Такого правила держались в Афинах, в древней Индии, в Германии времен Тацита и в основанных затем германцами государствах. Из этого зародыша и возникла впоследствии привилегия первородства; но нужны были совершенно исключительные обстоятельства, чтобы указанную выше привилегию привести к таким последствиям. Только в некоторых обществах с ярко выраженным военным характером права старшего сына устранили младших от какого-либо участия в наследовании. Этот обычай получил широкое распространение во всех феодальных обществах. Но это произошло не сразу. Древнейший французский систематик феодального права Бомануар не объявляет старшего сына единственным наследником семейного имущества; он предоставляет ему лишь две трети имущества, оставленного прямыми родственниками по восходящей линии**.

Часто наряду с привилегией старшего сына мы находим такое же преимущественное наследование младшего. Спрашивается, как могла возникнуть такая привилегия? Из всех возможных объяснений этого явления наименее спорным мне представляется следующее: благодаря своему возрасту младший сын дольше живет нераздельно с отцом, чем его старшие братья, которые, достигши совершеннолетия, тотчас выделяются и покидают общее хозяйство. Поэтому считается, что младший принимал большее участие, чем остальные, в создании того имущества, которое подлежит разделу. Кроме того, его братья уже устроились и имеют каждый свое хозяйство; один он не имеет ни дома,

* Первая об этом упоминает чешская «*Majestas Carolina*».

** *Us et coutumes de Beauvoisis*.

ни орудий производства, ввиду чего ему и оставляют отцовский дом и инвентарь, живой и мертвый, сверх равной с другими братьями доли наследства. Таким образом, ему достается наибольшая доля, которая впоследствии обращается в «минорат», т. е. преимущественное, а иногда даже исключительное наследование младшего сына. Такой «минорат» получил распространение, главным образом, среди крестьян, наименее воинственного класса, который больше других занимался ручным трудом. Встречается он также и среди городской буржуазии, например, в Англии, где его называют *borough english*, что означает обычай английских или, вернее, англо-саксонских городских поселений.

В обоих этих случаях минорат существует при порядке, противоположном милитаризму, составляющему основу, на которой держатся правящие классы феодального мира. Единство руководства и командования, столь важное для этих классов, не имеет такого значения для тех, кто им подвластен. У этих последних место военного интереса занимает интерес экономический. Им важно знать не то, к кому перейдет командование, а то, кто станет главным производителем. Поскольку ответы на эти вопросы оказываются различными, понятно, почему у рыцарей наследует старший, а «деревенщина», мир сельский, оказывает предпочтение младшему.

Преимущественное наследование старшего сына и младшего не исключают друг друга. Нередко порядки эти встречаются рядом в одном и том же юридическом сборнике, например, в индусских сводах Васишта и Гаутама, или признаются одним и тем же обычаем. У осетин, например, оружие наследует старший, дом получает младший, а остальное имущество делится поровну между всеми.

Говоря о разделах, мы имели в виду случай, когда после смерти отца оставались наследники только мужского пола. Но если среди членов семьи были дочери невесты или уже вышедшие замуж, то, естественно, возникает вопрос: будут ли они допущены к наследованию и в какой доле. Наиболее древнее решение этого вопроса, единственно для нас интересное, таково, что замужняя дочь лишена права на наследство. Те, кто еще оставался под отеческим кровом, получали по обычаю в большинстве случаев приданое, состоящее из движимого имущества. Да и это было необязательно. При случае братья, так же как и отец, могли уклониться от этого, чаще всего не давали приданого тем девушкам, которые выходили замуж без согласия родных. В этом отношении французская поговорка «*ne dote qui ne veut*» (не дает приданого тот, кто не хочет) очень ясно выражает этот принцип древнего права.

Чтобы понять мотивы устранения дочерей от наслед-

ства, нам нужно еще раз вспомнить общинный характер патриархальной семьи. Мы знаем, как она старалась не отчуждать своего наследственного имущества, как она запрещала своему главе распоряжаться им без единодушного согласия всех членов. А ведь допустить дочь к наследованию, не значило ли это санкционировать уменьшение общего имущества, частичное отчуждение его в пользу третьего лица, жениха. Это не могло, конечно, входить в виды древнего законодателя, так ревниво оберегавшего обычай и столь враждебного всяким новшествам. Поэтому-то древние своды с полным единодушием отрицают наследственные права дочерей. Законы XII таблиц, так же как и свод Ману, как правды салическая и рипуарская, не признают его, однако, только в том случае, если после умершего остались наследники мужского пола*. В противном же случае афинское законодательство, например, предоставляло им все имущество наследодателя, но при этом с обязательством выйти замуж за родственника или восстановить угасший род.

Мы могли бы рассмотреть ряд других вопросов, относящихся к наследованию после родственников по восходящей линии и по боковой; мы могли бы заняться исследованием происхождения того, что потом стали называть «правом представительства», состоящим в признании за внуками права на ту долю в наследстве, которая должна была достаться их умершему отцу. Но все эти вопросы настолько сложны, что для них потребовался бы особый курс. Наследственное право имеет так много точек соприкосновения с публичным правом, с вопросами о собственности, с организацией классов, что нельзя дать исчерпывающий обзор его, не касаясь одновременно всех этих предметов. Но на такое предприятие у нас нехватило бы времени, и я поэтому предпочитаю ограничиться теми сведениями, которые я вам уже сообщил.

* Известный эдикт Хильперика впервые вводит во франкское законодательство право наследования дочерей.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

РАЗДЕЛ, о котором мы говорили в предыдущей лекции, имеет своим необходимым следствием образование отдельных семей, состоящих из мужа, жены и малолетних детей. Такие семьи, в отличие от матриархальных и патриархальных, получили название индивидуальных. Будучи наиболее поздней формой, индивидуальная семья до сих пор остается основой нашего общественного строя. Уже одно это могло бы заставить нас воздержаться от изображения ее характерных особенностей.

И если мы, тем не менее, считаем нужным прибавить этот эпилог к нашему курсу, то исключительно для того, чтобы отчетливее выявить характерные черты двух первых социальных фаз, последовательное развитие которых составляет предмет этих лекций. Из этого ясно, что мы не будем стараться сделать этот очерк индивидуальной семьи полным. О многом и притом существенном из того, что относится к современной ее организации, мы даже совсем не упомянем. Различия в семейном строе отдельных из современных народов, тесная связь указанных различий с особыми условиями существования этих народов, бесспорное влияние на семейный строй религии и климата и разные черты, совокупность которых составляет то, что получило название национального духа, — всего этого мы не будем касаться совершенно. Единственная цель, которую мы себе поставим, — это выяснить общий ход развития семьи.

Характерным для индивидуальной семьи является то, что она представляет собой союз, заключенный по добровольному соглашению, что члены ее тесно связаны между собой, что в ней соблюдаются взаимные права и обязанности, что отношения между мужем и женой стремятся к известной степени равенства, что вся семейная группа подчинена контролю государства и его судебной власти. Все эти признаки, отличающие индивидуальную семью, требуют, по необходимости, отдельного изучения.

Римское право времен империи первое показало миру пример брака, представляющего собой своего рода договор, свободно заключенный и лишенный какой-либо религиозной окраски. *Confarreatio* и *coemptio*, обе эти

торжественные церемонии, которыми отмечалось вступление в брачный союз, почти исчезают в эту эпоху*. И общее распространение получает тот вид брака, который был свободен от каких бы то ни было формальностей, — *usus*.

В то же время простое сожитие получает юридическое значение, которого оно раньше не имело. Этот переворот был произведен при Августе законом, носящим название *lex Julia et Papia Poppaea*, который возвел конкубинат на степень союза, заключаемого на всю жизнь.

Каноническое законодательство средних веков исходило непосредственно из этой последней фазы развития римской семьи. Ошибочно думали, что отцы церкви и богословы первых веков христианства с самого начала внедрили мысль о святости и нерасторжимости брака. Они ограничивались только тем, что советовали верующим освящать свободно заключенный союз последующим благословением церкви. Это видно как из постановлений духовных соборов, так и из обыденной практики греческой и латинской церквей в XII и XIII вв. Киевские митрополиты Иоанн и Максим горько жалуются на способ, каким заключаются браки среди простонародья. По их словам, там редко прибегают к освящению брака церковью. Рекомендую своей пастве такое освящение, они в то же время признают эти связи и не отказывают им в законности. В XV в. подобные же жалобы раздавались и в Новгородской церкви, и митрополит Фотий не мог придумать другого способа борьбы с этим злом, как наложение на виновных епитимии на три года; брак же их продолжал официально признаваться законным**.

Что касается церкви латинской, то занятую ею позицию по отношению к бракам, заключенным путем *usus* без предварительного освящения церковью, Глассон изображает таким образом: «Понимая, что нельзя сразу искоренить обычаи, опирающиеся на закон, римская церковь сама провозгласила, что благословение брака представляет собой лишь благочестивый обычай, и признала, что брак является действительным даже, как таинство, раз обе стороны обменялись выражением своего согласия». Следующий текст Петра Ломбарда подтверждает это самым категорическим образом: «Сущность таинства брака состоит не в том, чтобы он был совершен священником, а в согласии на него мужа и жены (*cap. 30, X. De sponsalibus et matrimoniis*)»***.

* *Confarreatio* сохранилась лишь в очень редких случаях, при вступлении в брак *flamines diales* — жрецов Юпитера.

** М. Ф. Владимирский-Буданов, цит. соч.

*** E. Glasson, *Le mariage civil et le divorce*, p. 207—209.

Русские канонические книги содержат по этому поводу не менее ясные указания. Кормчая (гл. 50) заявляет, что первый вопрос, с которым священник должен обратиться к жениху и невесте, это вопрос о том, добровольно ли они вступают в брачный союз. Отсутствие какого-либо принуждения как необходимое условие действительности брака вскоре освободило детей от обязанности обращаться к родителям и запасаться каждый раз их разрешением. Такое решение, принятое латинской церковью, было принято также и греческой средневековой церковью, и этим самым они обе отказались от нормы римского права, которое до самого падения восточной империи требовало согласия родителей как *conditio sine qua non* действительности брака.

Реформа Лютера и те, которые за ней последовали, сделали заметный шаг назад в этом направлении: «Ты не должен вступать в брак втихомолку против воли твоих родителей, — пишет Лютер, — так как они заслуживают того, чтобы ты обратился к ним с этой просьбой, и те, которые от этого отказываются, поступают не только несправедливо, но и неразумно, так как неудачный брак является большим несчастьем, которое могло бы быть не допущено, если бы предварительно посоветовались с родителями»*.

Верное этому учению, каноническое право протестантской церкви опорочивает и признает недействительными брачные союзы, заключенные без согласия родителей. Многие современные законодательства приняли это положение; с некоторыми, правда, ограничениями оно вошло в практику как протестантских, так и католических народов, например, французов. Мы находим его и в современном русском своде законов, который в этом отношении находится в полном противоречии с предшествующим законодательством**.

Латинская церковь не осталась верной тому принципу, в высшей степени справедливому и очень передовому, который стремился признать за браком характер договора, заключенного на всю жизнь, но по добровольному соглашению. Тридентский собор захотел видеть в нем таинство. Брак сохранял силу лишь при условии торжественного освящения его церковью. Из гражданского акта, каким он был раньше, брак превратился в религиозное таинство. Отдадим справедливость католическим правительствам Европы: они никогда не поддавались этим чрезмерным притязаниям церковной власти. Людовик XIV, хотя и был самым католическим из королей Франции, однако слишком ревниво относился

* J. Unger, Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung, Berlin 1850, S. 149.

** М. Ф. Владимирский-Буданов, цит. соч., стр. 99, 109.

к прерогативам светской власти, чтобы предоставить духовенству при совершении брачных союзов характер иной, чем характер министерского чиновника, выполняющего акт, порученный ему государством. Это не мешало, впрочем, тому, что протестанты, которые составляли значительную часть подданных его христианнейшего величества и не могли для заключения своих браков обращаться к католическому духовенству, попадали в положение людей, находящихся в незаконном сожителстве, что было в глазах церкви омерзительным. Подобный порядок не мог продолжаться вечно, и современные законы даже католических народов вернулись к прежней мысли о гражданском браке, который, вовсе не будучи каким-то новшеством, как это принято думать, лишь восстанавливал древнюю истину, долгое время забытую и теперь с торжеством возвращающуюся в мир*.

Будучи свободным союзом, брак стремится сделаться также союзом людей, имеющих по отношению друг к другу одинаковые права и обязанности. С конца средних веков и даже на несколько столетий раньше законодательные постановления уже перестают упоминать о том, что муж может дурно обращаться со своей женой, запирает ее и уступать другому, как какую-нибудь скотину.

Это можно сказать как о законодательстве народов германского происхождения, так и о законодательстве славян вообще, а русских в особенности. В России женщина, вопреки тому, что об этом думают за границей, не более порабощена своим мужем, чем на Западе. Доказательством может служить то сравнительно более благоприятное положение по отношению к имуществу, которое обеспечивает за ней закон. В России московских царей, повидимому, одновременно существовало два порядка: полная общность имущества супругов и общность относительная. Первый порядок существовал в Западной Руси, в тех областях, где действовал Литовский статут, постановления которого по этому вопросу вошли в особые законы, действующие и теперь в Малороссии (именно в губерниях Полтавской и Черниговской). Второй порядок — в северной или Московской Руси, где он был установлен судебниками XV и XVI вв. и Уложением царя Алексея Михайловича. В первой из этих стран, которая потом стала Литвой и Малороссией, муж должен был дать жене закладную на более или менее значительную часть своего имущества, в зависимости от размеров ее приданого. Это называлось «вено». В случае растраты мужем имущества своей жены, последняя могла возместить свои убытки этим веном. В Московском государстве таких постановлений не существовало. За этим

* Подробности см. в уже цитированной книге Глассона.

исключением, порядок распоряжения имуществом супругов был в обеих половинах России одинаков: заведывание им принадлежало мужу, а распоряжались им оба супруга с общего согласия. В случае смерти или развода имущество обоих супругов снова становилось раздельным. Вместо того чтобы делить на две равные части как то, что муж и жена принесли при вступлении в брак, так и все, приобретенное ими после, как было и как еще и теперь делается в странах, в которых существует полная общность имущества, вместо этого жена получала обратно свое приданое, размеры и состав которого обычно были точно известны благодаря рядным записям, совершавшимся при заключении брака. Сверх того жена получала и сейчас получает в России седьмую часть всего имущества, которое осталось после мужа. Во второй половине XVIII в. этот порядок был заменен полной раздельностью имущества супругов, которая и теперь еще существует по закону.

Мне незачем, конечно, говорить вам, что обе эти системы, в различных своих комбинациях, существовали в законодательствах средних веков и нового времени у всех народов Западной Европы. Этот вопрос с таким искусством разобран одним из ваших наиболее авторитетных и заслуженных юристов, Оливекрона, что я не считаю нужным вновь сосредоточивать ваше внимание на предмете, который мне представляется почти исчерпанным. Я ограничусь только заявлением, что новейшие исследования вполне подтвердили общий вывод автора «Исторического обзора происхождения и развития общности имущества супругов». Этот вывод устанавливает, что такая общность была неизвестна древним германцам, что впервые она появляется в некоторых варварских правдах, именно, в вестготской, рипуарской и саксонской; что в Германии и во Франции она устанавливается не ранее XIII в.; в XII же веке существовала лишь в скандинавском мире; что ее развитию мешали, с одной стороны, влияние римского права, особенно сильное на юге Франции, с другой — забота об удержании крупной земельной собственности в руках нескольких могущественных семейств. По этой последней причине не допускался переход ко вдове имущества покойного мужа. В Англии, так же как и в Соединенных штатах, которые заимствовали у нее свои законы, общности имущества никогда не существовало и теперь ее нет. Этот порядок установился в Германии (в большинстве прусских провинций), в Испании и Португалии, в Голландии, Швейцарии и Франции, где он не исключает, однако, полной раздельности имущества, устанавливаемой путем брачного договора (так называемая дотальная система). Было бы излишне подчеркивать большие преимущества общности имущества супругов: она обеспечивает жене не-

которую материальную независимость. Оставшись вдовой или покинутая мужем, она не будет вынуждена на старости лет быть кому-нибудь в тягость. Умирая она будет иметь возможность восстановить равновесие между долями своих сыновей и дочерей, завещая последним свое имущество.

Конечно, различные гарантии, предоставляемые замужней женщине современным законодательством, не имели бы никакого значения, если бы ей не была в то же время дана возможность осуществлять их на деле. С этой целью закон наделил ее правом жаловаться на своего мужа и привлекать его к суду. Закон этот вызвал многочисленные нападки. Государство упрекали во вмешательстве в то, что его не касается. Говорили об излишней и часто даже опасной регламентации, о профанации самых священных отношений и о скандале, связанном с оглашением фактов совершенно интимного характера. Но те, которые так говорили, по-видимому, не подумали о жестоких драмах, еще и теперь ежедневно происходящих в недрах этих, якобы, «святилищ» в тех странах, в которых если не закон, то обычай не допускает никакого протеста со стороны притесняемой. Примеры этого еще и теперь можно видеть во многих купеческих семьях благочестивой Москвы и в крестьянской среде. А тот, кто хотел бы основательно познакомиться, как они этого вполне заслуживают, с удивительными драмами Островского, Писемского и Толстого, тот натолкнется бы в них на ужасы, беспрепятственное повторение которых неизбежно привело бы в конце концов к моральному и интеллектуальному вырождению тех семейств, в которых они происходят. Русский закон, опережая медленно происходящее смягчение нравов, уже начиная с царствования Петра Великого, признал за женой право защищать свою личность и свое имущество против всяких покушений со стороны мужа. При этом, правда, возникает вопрос, как подобный закон уживается с «неограниченным послушанием» мужу, которое русский свод законов предписывает жене. Но составители сводов не всегда бывают логичны и последовательны, и было бы ошибкой видеть измену принципу в простой обмолвке, в неудачном употреблении прилагательного «неограниченный».

Западные законодательства немало времени потратили на установление, в конце концов, того, что можно было бы назвать «юрисдикцией супружеских столкновений». Англия ввела ее у себя последней, в ней только с 1882 г. мужу и жене, признанным по праву двумя различными личностями, было разрешено привлекать друг друга к суду, да и то не по обвинению в уголовном деле, а лишь вчинять граждан-

ский иск в случае ущерба, нанесенного отдельному имуществу одного из супругов.

Немцы намного опередили англичан в этом отношении, особенно пруссаки и саксонцы, которые доводят свою щепетильность до того, что заставляют мужа платить судебные издержки по делу, возбужденному против него женой. Если у жены есть свое собственное имущество, которое находится в руках мужа, то последний должен на этот случай выдать ей некоторую часть его, если же у нее ничего нет, муж помогает ей из своих собственных средств*.

Вместе с правами современный законодатель наделяет супругов также и взаимными обязанностями. Те, которые он перечисляет, обычно далеко не исчерпывают всех лежащих на них обязанностей, так как природа супружеских отношений не допускает слишком строгой регламентации. В старину, однако, об этом думали иначе. Достаточно вспомнить пример Изабеллы Арагонской, издававшей правила относительно *debitum conjugale* (супружеского долга), чтобы убедиться в том, что в те времена не очень церемонились, когда нужно было приподнять покров, скрывающий семейное святилище. В настоящее время только русский законодатель доходит в своем простодушии до того, что налагает на супругов обязательство взаимно любить друг друга. Понятно, что от этого они не становятся более законопослушными. То, что закон действительно должен установить, — это, с одной стороны, обязанность мужа содержать свою жену, а с другой — обязанность жены жить в доме мужа.

Эта взаимность прав и обязанностей супругов придает индивидуальной семье совершенно новый характер союза на равных правах.

Это сказывается также и в тех законах, которые касаются развода. Мы уже видели, что в патриархальную эпоху правом на развод пользовался только муж; только он мог развестись со своей женой, так как прелюбодеяние, обычная причина развода, влекло за собой серьезные последствия только в том случае, когда оно совершалось женой. С установлением индивидуальной семьи положение изменилось. Тщетно церковь провозглашала нерасторжимость брака, сила вещей привела к допущению развода в смягченной и лицемерной форме «разлучения в том, что касается стола и ложа» (*separatio quo ad mensam atque thorum*), или так называемого «раздельного жительства». В полном противоречии с собой, забывая свое прошлое (сам Григорий VII писал Герберту, что брак может быть расторгнут из-за блуда — *matrimonium solvi nequit nisi fornicationis causa*) и мудрое учение своих отцов, церковь при Гри-

* J. Stobbe, Handbuch des deutschen Privatrechts, Bd. IV, S. 61.

гории IX осудила разошедшихся бывших супругов на вступление в незаконные связи, так как новый брак был им запрещен.

Греческая церковь не поддавалась этому новому течению. Древнерусское право допускало свободный развод по целому ряду причин, которые, впрочем, все могут быть сведены к одной — полному разладу между супругами. Однако недостаточно было, чтобы этот разлад был вызван только тем, что супруги не сошлись характером: необходимо было еще наличие доказанных позорящих действий, например, дурное поведение или оскорбление одним из супругов личности другого*.

Реформы Лютера и Кальвина благоприятствовали разводу, особенно в Германии; в Англии дело обстоит иначе, так как англиканство недостаточно далеко ушло от католицизма, и Генрих VIII открыто провозгласил, в форме статута, нерасторжимость брака. Поэтому до 1857 г. развод в Англии производился только в исключительных случаях, и каждый раз для этого требовался особый парламентский акт. Введенный новейшим законодательством развод не вошел еще в английские нравы; он не вытеснил также и раздельного жительства, удержавшегося в законах, не только в случаях безнравственного поведения, когда возможен и развод, но и в случаях жестокого обращения, неизлечимой болезни и безвестной отлучки, продолжавшейся более двух лет**.

Что же касается стран протестантских, то так как Лютер предоставил брачные дела в ведение светской власти, развод прочно утвердился в них уже начиная с XVI в.; уже Шмалькальденский сейм 1537 г. нашел нужным провозгласить его восстановление, предоставляя, впрочем, отдельным государствам регулировать этот вопрос. В противоположность Англии современная Германия не допускает раздельного жительства навсегда; она знает только одно из двух — или развод или временное раздельное жительство.

Католические страны остаются большей частью верными принципу нерасторжимости брака, провозглашенному церковью в XVI в. Только очень недавно и лишь в немногих из них обычай стал допускать развод или простой разрыв всех супружеских связей. Однако подробное обсуждение этого предмета не входит в план наших занятий. Поэтому я ограничусь тем, что познакомлю вас с несколькими законами, которые вносили различные изменения в вопрос о разводе во французском законодательстве. Установленный законом 1792 г. развод стал применяться в ши-

* А. Загоровский, О разводе по русскому праву, Харьков 1884.

** *Glasson*, op. cit., p. 320.

роких размерах; совершенно так же, как и в новом германском законодательстве, в число поводов к разводу было введено несходство характеров, а раздельное жительство было отменено. Законом 1816 г. развод был снова отменен, а раздельное жительство восстановлено, и только очень недавно развод был опять узаконен, главным образом благодаря энергичной пропаганде депутата Накэ. В настоящее время Франция, Бельгия и Швейцария являются единственными католическими странами, кроме католических областей Германии, в которых допущен развод.

Но необходимо отметить, что тот или другой способ прекращения брачной жизни супругов — в виде развода или раздельного жительства — в современных законодательствах всех европейских стран, не исключая и России, имеет то общее, что, вместо того чтобы служить, как в былые времена, исключительно интересам мужа, он становится средством взаимного принуждения, одинаково полезным для обоих супругов. И это потому, что все законодательства, которые мы только что рассмотрели, заимствуют свои понятия о разводе и о раздельном жительстве из одного и того же источника — из канонического права отцов церкви. А эти мудрецы единодушно признали истину слов Христа, сказавшего: «Да не будет отныне между вами ни женщин, ни мужчин», и сделали из этого вывод, что то, что не приличествует женщине*, не подобает и мужчине, что если прелюбодеяние дает мужу право требовать развода, то то же право должно быть взаимно признано и за женой.

Чтобы закончить изучение внутреннего строя индивидуальной семьи, нам остается еще только указать на те перемены, которые произошли со времени возникновения этой семьи во взаимоотношениях детей и родителей.

* «*Apud nos quod non licet foeminis*, — очень хорошо говорит св. Иеремия, — *aeque non licet viris et eadem servitus pari conditione censetur*» (Орега, v. I, p. 455), т. е.: у нас то, что не разрешается женщине, не дозволено также и мужчинам; и на тех, и на других налагаются одинаковые обязанности на равных условиях.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

ОДНА из самых характерных особенностей индивидуальной семьи состоит в том, что с ее установлением властью над детьми пользуется уже не один только отец. Рядом с ним появляется мать, так что семейная власть с этих пор становится уделом обоих супругов. Кроме этой особенности, с которой мы ближе познакомимся в настоящей лекции, следует отметить еще и значительную перемену, происшедшую во взаимных отношениях обоих поколений, совокупность которых составляет семью. Из прав родителей вытекают и обязанности, неисполнение которых может привести к преследованию против них со стороны заинтересованных лиц, поддерживаемых государством. В свою очередь, эти преследования могут нередко привести к прекращению власти того из родителей, который злоупотребил ею, и к переходу некоторых его прав к его заместителю, к опекуну. Теперь уже не семейный совет наблюдает за проявлением родительской власти и ограничивает ее; на страже интересов детей становится государство, наблюдающее за тем, как родители пользуются своей властью. Большая часть привилегий, которыми был наделен отец при патриархальном строе, исчезает, а именно: право на жизнь и смерть, право лишать детей свободы, право отчуждать их личность третьим лицам. Из всех этих прав, которые были когда-то предоставлены *patria potestas*, остается только одно — право наказывать, да и оно умалилось, попав под контроль государства и судебной власти.

Хотя индивидуальная семья считала своими только тех детей, которые родились от законного брака, интересы детей, рожденных до брака, были также гарантированы тем, что они могли быть узаконены последующим браком их родителей или особым разрешением главы государства, а некоторое время также и главы церкви. Но и после этой уступки чувству человеколюбия и справедливости индивидуальная семья продолжает делать, как и при патриархальном строе, различие между детьми, явившимися плодом свободной любви, и теми, которые рождены в законном браке. Это не значит, однако, что только последние наделены были правами. Незаконнорожденные также имеют их,

но их права менее обширны и обычно сводятся к праву на пропитание¹⁹.

Унаследовав от своей предшественницы (патриархальной семьи) институт фиктивного родства, устанавливаемого путем усыновления, индивидуальная семья сводит связанные с таким усыновлением права и обязанности к их нормальным, справедливым размерам. Утратив характер исключительности, какой оно имело во времена патриархата, фиктивное родство не мешает уже теперь свободному проявлению и родства физического. Приемный сын не порывает связи со своим родным отцом и сохраняет право наследовать ему.

При патриархальном строе связь ребенка с отцом имела характер связи на всю жизнь. Теперь это уже не так, потому что во всех странах закон устанавливает предел, за которым всякая семейная власть неизбежно прекращается.

Таковы различные последствия той великой перемены, которую установление индивидуальной семьи произвело в положении детей.

Нам необходимо остановиться на некоторых из этих последствий и, прежде всего, на самом важном из них — на замене отцовской власти властью обоих родителей. Каким образом совершилась эта замена?

Возникновение ее тесно связано с эмансипацией жены и приобретением ею все более и более заметного значения в индивидуальной семье. С того времени, как муж, перестав быть господином жены, делается ей равным, должна была произойти глубокая перемена во взаимных правах родителей по отношению к детям. Мать была призвана играть при них ту роль, которая предоставлена ей самой природой. С другой стороны, семейная власть свелась к праву воспитывать детей, и так как с самого раннего их возраста забота об этом ложилась, главным образом, на мать, то в результате должна была получиться своего рода перемена ролей. По крайней мере роль матери стала дополнять роль отца, так как оба супруга были одинаково заинтересованы в воспитании детей. Там, где отцовская власть была слабее развита, например, у славян, эта перемена произошла, очевидно, гораздо раньше, чем у других народов. Одной из действительно характерных особенностей славянского права было равенство прав отца и матери. Мать в такой же мере, как и отец, может требовать от детей подчинения и повиновения с самого раннего их возраста, а затем поддержки и содержания ее на старости лет. Чтобы установить

¹⁹ Ковалевский все же смягчает характеристику положения так называемых «незаконнорожденных» в буржуазном обществе. На самом деле они находятся на положении совершенно отверженных. — *Прим. ред.*

этот факт, обратимся к русскому законодательству. Уже начиная с XVI в. мы находим юридические тексты, самым очевидным образом свидетельствующие о равенстве прав мужа и жены по отношению к детям. Судебник Иоанна Грозного, Уложение царя Алексея Михайловича, многие юридические акты и в особенности подробное описание повседневной жизни, сделанное в записках знаменитого Котошихина, русского эмигранта XVII в., радушно принятого в Швеции, — все эти источники не оставляют никакого сомнения в том, что лежащая на детях обязанность послушания и покорности относилась к обоим родителям и что мать, так же как и отец, решала их судьбу, то заставляя их пойти в монастырь, то давая им разрешение на вступление в брак, то принуждая их вместе с собой добровольно стать холопами, чтобы обеспечить себе средства к существованию или занять видное место среди челяди, окружавшей царя и бояр. В случае смерти отца вся семейная власть переходила в руки матери и она одна пользовалась всеми перечисленными выше правами*.

Германское право шло в этом отношении по тому же пути, что и русское. В древних памятниках, справедливо замечает Штоббе, очень мало говорится о правах матери, так как сама она была подчинена власти мужа. Но чем более она становилась независимой, тем более увеличивались и ее права относительно детей. При жизни отца он сам продолжает играть первенствующую роль, но после его смерти отцовская власть переходит в руки матери, хотя нередко ей приходится делить эту власть с опекуном**.

Так, по статутам Сеста (Soest) и Бамберга (относящимся к XVII в.), она имеет право дать или не дать свое согласие на брак, угрожая послушнику лишением наследства. В случае смерти отца опека по праву принадлежит матери, если только она не выйдет вторично замуж. Таково постановление законов вестготов и бургундов, статуты некоторых городов Германии и исландских Граг. В качестве опекуни мать пользуется теми же правами, что и отец, вплоть до права подвергать детей телесному наказанию. Вестготский закон говорит об этом вполне определенно: «*Flagellandi tamen et corripienti eos (filios et filias) quando sunt in familia constituti patri quam matri potestas manebit*» [отец, также как и мать, сохраняет право бичевать и бранить их (сыновей и дочерей) все время, пока они живут в семье] (IV, 5, 1).

Даже в случае, если мать не назначена опекуней, де-

* М. Ф. Владимирский-Буданов, цит. соч., стр. 135.

** J. Stobbe, Handbuch des deutschen Privatrechts, Bd. IV, 1884, S. 305.

ти остаются при ней и поручаются ее заботам, по крайней мере на все время ее вдовства. Подтверждение этому мы находим в датских законах 1241 г., так же как в англо-саксонских (закон Ина, ст. 38). Часто вдова жила неподделенной со своими детьми и в таком случае заведывала их имуществом совершенно так же, как и отец, не имея, однако, права отчуждать его. Подобный случай предусмотрен голландским статутом*.

Французское право было, повидимому, более косным. Проникнутое римскими идеями, особенно в той части королевства, которая называлась «страной писанного права», оно сохранило отчасти *patria potestas* Дигест. Кутюмы XIII в. и даже более поздние говорят о праве наказывать, единственном остатке отцовской власти, принадлежащем исключительно главе семьи; он может пользоваться им как по отношению к жене, так и по отношению к детям. Об этом свидетельствуют и документы Нормандии, так как в них прямо признается право отца безнаказанно подвергать побоям всех, которые находятся *en sa mesnie* (в его доме)**.

Однако, по свидетельству Виолэ, некоторые французские кутюмы (являющиеся, правда, исключением), а именно, кутюмы Шартра, Шатонеф-ан-Тимерэ, Дрё, Монтаржи, Витри признавали, что отеческая власть принадлежит безразлично обоим супругам***.

Перейдем теперь к изучению другой отличительной черты индивидуальной семьи и постараемся решить вопрос, каким образом власть родителей из более или менее неограниченной, какой она была вначале, превратилась во власть ограниченную, находящуюся под бдительным надзором, власть, злоупотребление которой могло вызвать формальную жалобу, что могло привести к принудительному ее прекращению? Эта эволюция происходила очень медленно. Во многих странах Европы она и до сих пор не привела еще ко всем указанным выше переменам. Во Франции еще в XIII в. отец имел право наказывать своего сына, и тот не мог жаловаться на злоупотребление этим правом. Спрашивается, какие же вполне точные границы положены ему, теперь современным французским законодательством? Ответом на этот вопрос могут служить следующие слова Виолэ: «Что же касается права отеческого наказания, то оно, само собой разумеется, осталось за отцом семейства: это, как говорится, «неотъемлемая и неотчуждаемая» часть его прав; но отец должен быть, если не справедливым, то по край-

* Все эти факты тщательно собраны у *Kraut*, *Die Vormundschaft*, Bd. I, S. 247, Bd. II, S. 677—679.

** *P. Viollot*, *Précis de l'histoire du droit français*, Paris 1885, 422.

*** *Ibid.*, p. 426.

ней мере умеренным в пользовании этим правом»*. Следовательно, по этому пункту мы не видим никакого прогресса. Правда, более внимательный к интересам детей революционный закон 1790 г. решил ограничить права отца, учредив при нем семейный совет, который обязан был высказывать свое мнение о необходимости и о характере наказания. Но так как подобные советы уже не в наших нравах, то свод законов не интересуется ими больше и, в конце концов, право наказывать осталось в руках отца ничем не ограниченным. Иначе обстоит дело с другими его прерогативами. Если в прошлом столетии за отцом сохранялось еще право посадить в тюрьму своего сына, даже взрослого, при помощи «*lettre de cachet*», то теперь такие «приказы об аресте» исчезли, разделив таким образом судьбу того наделенного произвольной властью правительства, которое их выдумало. Вот и все улучшения, при помощи которых дух времени смягчил суровость древних времен. И если необходимость принятия мер для ограждения интересов детей все же не очень чувствуется во Франции, то это потому, что нравы опередили там законы.

После этого никто не удивится, узнав, что в России, где еще недавно пользующиеся доверием педагоги прославляли благодетения, оказываемые розгой, право отца наказывать признается и применяется в полной мере. Свод законов, составленный при Алексее Михайловиче, запрещает судам принимать жалобы детей на дурное обращение родителей**; если же родители обращаются к властям с просьбой посадить их детей в тюрьму, то эта просьба должна быть удовлетворена немедленно, без всякого предварительного следствия. Не думая бороться с такими нравами, оставшимися от прежних времен, Екатерина II, столь прославленная за свой дух гуманности, учредила в 1775 г. даже специальные тюрьмы для непокорных детей, предоставив родителям право заключать их туда***.

Напротив того, по германскому праву «если отец злоупотребляет предоставленными ему правами, — говорит Штоббе, — эти права могут быть у него отняты; в таких случаях его замещают опекуном». Таково правило, установленное законодательствами Пруссии, Саксонии и некоторых кантонов Швейцарии. Что же касается пользования правом наказания, то прусский *Landrecht* признает за сыном право жаловаться на дурное обращение отца, и государство оказывает ему в этом случае полное содействие. Отец, кроме того, не может посадить своего сына

* Ibid., p. 425.

** XXII, 6.

*** М. Ф. Владимирский-Буданов, цит. соч., стр. 140.

в государственную тюрьму, но ему дозволяется ходатайствовать, чтобы его сына поместили в одно из воспитательных учреждений для малолетних преступников; для этого нужно, чтобы сын был не старше двенадцати лет и чтобы просьба отца была найдена уважительной.

Таким образом, кроме революционного законодательства 1790 г. и некоторых недавних законов Германии, нигде не видно заботы оградить детей от злоупотреблений, в которых родители могут оказаться виновными при пользовании своим правом наказания. Нужно пожить среди русских крестьян, чтобы понять, какое зло может произойти от такой забывчивости.

Мало заботясь об ограничении родительской власти по отношению к личности ребенка, современный законодатель оказывается гораздо более внимательным к тому, что касается имущественных отношений. Уже в патриархальную эпоху возникло то, что по примеру римлян называли *rescilium*, т. е. личная собственность сына. Такая собственность должна была значительно увеличиться с тех пор, как разложение патриархальной семьи создало возможность свободно располагать имуществом путем завещания. Сын, еще не освободившийся из-под власти отца, мог таким образом получать дарения и даже наследовать имущество того, кто пожелал бы составить в его пользу завещание. Это личное имущество необходимо было охранить. И современный законодатель нашел нужным, оставляя отца хранителем имущества своих детей, установить известные правила управления этим имуществом. Неисполнение их может привести к обращению к властям и замещению недобросовестного и расточительного отца опекуном. Германские законы в этом отношении очень педантичны: они отличают *пекулий*, доходами которого отец не может пользоваться, от остального имущества детей. Это последнее управляется отцом в интересах детей с правом *узфрукта*, т. е. обращения доходов в свою пользу, но с условием, что распорядиться недвижимым имуществом детей он может только по особому разрешению, полученному от судебной власти, или от назначенного с этой целью опекуна. В виде гарантии ребенок получает закладную на имущество, принадлежащее отцу*.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, мы только скажем, что русский законодатель стремился достигнуть той же цели, объявив имущество детей совершенно отдельным от имущества отца и признавая за последним лишь обыкновенные права опекуна.

В германских законах мы находим, кроме того, предостав-

* J. Stobbe, op. cit., Bd. VI, s. 349.

ление возможности всегда обращаться к властям при малейшей неправильности, допущенной отцом в управлении имуществом детей; затем право требовать от отца в случае вторичного брака, чтобы он сложил с себя это управление; и, наконец, возможность в любой момент положить предел недобросовестности или расточительности отца заменой его опекуном.

Взамен всех прав, о которых мы уже говорили, все современные законодательства налагают на родителей одну обязанность, обязанность кормить своих детей, которые, в свою очередь, став совершеннолетними, должны в случае надобности поддерживать существование своих родителей. Эта взаимная обязанность точно устанавливается русским законодательством XVIII в., которое в этом пункте сохраняет свою силу и до сих пор, а также различными законами Германии и Франции. Право на алименты представляет собой настолько элементарное право, что его распространили, под условием взаимности, и на приемных детей. Что же касается детей побочных, то родители не должны рассчитывать на них, хотя сами и обязаны заботиться о них до их совершеннолетия, а в случае неработоспособности, то и до смерти.

В этом, впрочем, единственная обязанность родителей по отношению к их незаконнорожденным детям, да и то во Франции, после неудачной попытки революционного законодательства дать незаконнорожденным такие же права наследования, как и законным детям, кодекс Наполеона запретил им даже разыскивать отца; а это значило просто-напросто лишить незаконнорожденных детей единственного признанного за ними права. И Виолэ прав, когда, процитировав пресловутую статью 340 кодекса, говорит: «Итак, разыскивать отца запрещено. Следовательно, участь женщины и ее ребенка будет зависеть от великодушия отца. Невозможно до такой степени (я бы прибавил «наивно и подло») игнорировать слабость человеческого сердца и так совершенно принести в жертву незаконнорожденных детей»*.

Чтобы покончить с этим беглым обзором новых отношений, установившихся между отцом и детьми, следует еще указать на их совершенно временный характер. Спрашивается, как это могло получиться? Каким образом, отправляясь от римского понятия о *patria potestas*, прекращающейся только со смертью отца или после формальной эмансипации сына, европейское законодательство могло дойти до ограничения отцовской власти временем детства и самой ранней юности?

* P. Viollet, op. cit., p. 393.

Отвечая на этот вопрос, я скажу, что уже в очень отдаленные времена считали нужным расширять юридические права сына, находящегося под опекой отца, по мере того как он выходил из детского возраста и все более и более овладевал своими духовными и физическими способностями. Это обычно устанавливалось на основании чисто внешних признаков, например, по появлению волос на лице, или путем испытания яблоком и монетой, причем если ребенок выбирал из этих двух предложенных ему предметов монету, то это считалось доказательством того, что он уже вышел из детского возраста; наконец, особенно показательным моментом в этом отношении считался тот, когда он начинал владеть оружием и ездить верхом. Приобретение ребенком новых способностей по необходимости вызывало расширение его гражданских прав. Поэтому исландец по достижении двенадцатилетнего возраста получал право быть свидетелем, присяжным, судьей; франк в этом возрасте уже приносил присягу на верность Карлу Великому; наваррские же гидальго уже с семи лет могли делать завещание, заключать договор и отчуждать свое имущество.

Когда развитие индивидуализма привело к выделам и к созданию отдельных самостоятельных хозяйств, то стали устанавливать срок, когда должен был производиться раздел по требованию детей, как раньше устанавливали сроки, по наступлении которых расширялась их дееспособность. Прежде всего было замечено, что отдельные хозяйства возникали после того, как сын достигал половой зрелости, особенно после того, как он становился способным содержать сам себя, оплачивать свои расходы собственным трудом, и остановились именно на этом моменте его жизни для установления срока, по наступлении которого отец уже не мог заставлять сына жить нераздельно с ним. Так было установлено время, когда человек делался совершеннолетним, где в 25 лет, а где в 20 или 21 год. Это произошло в Германии около половины XIII в., в эпоху редакции Швабского Зерцала, в Литве приблизительно в XIV в., в Богемии в XV в., во Франции в той части, которая не подверглась влиянию римского права, — в эпоху редактирования кутюмов. Французские юристы XVII столетия, например, Ламуаньон, хотели, чтобы вопрос о совершеннолетии был решен раз навсегда и кроме того для всех без различия. По их мнению, отцовская власть должна была вполне правомерно прекращаться, когда сыну исполнялось 25 лет. Закон, изданный 28 августа 1792 г., осуществил желания Ламуаньона, постановив, что совершеннолетние дети выходят из-под власти отца. Несколько месяцев спустя совершеннолетие было определено в 20 лет. Такое окончательное решение этого вопроса произошло,

впрочем, только во Франции. Германия до сих пор довольствуется в этом отношении одними лишь добрыми пожеланиями. Надо думать, говорит Штоббе, что новый гражданский кодекс эти пожелания осуществит. Однако эмансипация, обязательная и безмолвная, производимая неизбежно в силу одного только факта достижения известного возраста, вовсе не связана с обязательством для отца отказаться от части своего имущества в пользу совершеннолетнего сына. Лишь в виде исключения законодательства некоторых европейских народов заставляют отца притти на помощь сыну, устраивающемуся своим домом или вступающему в брак. Так обстоит дело в Вюртемберге, Пруссии и Саксонии относительно первого из этих двух случаев, а в Австрии — относительно второго. Можно предвидеть, что будущее готовит уже значительно смягченному произволу отцовской власти и это последнее поражение.

Итак, подводя итог, мы скажем в конце этой лекции, что общий результат прогрессивного движения семьи на протяжении ряда веков выразился в замене понятия неограниченной власти и абсолютного права понятием договора и взаимных обязательств. Ограничение произвольной власти отца и мужа, расширение прав жены и обеспечение интересов детей, отнюдь не приведя к гибели семьи, только повысили ее моральный уровень. Она повсюду стала или стремится стать ареной проявления самых благородных и возвышенных чувств. Делаясь союзом, все более и более свободным и основанным на равноправии, семья в настоящее время может обеспечить обеим сторонам полное развитие способностей, давая этому развитию новый стимул в виде чистой привязанности, основанной на взаимном уважении, ежедневном обмене услуг и моральной поддержке. Перестав быть угнетающей и жестокой, какой она была в прежние времена, семья является теперь лучшей школой для детей, так как обладает великим даром учить примером и этим развивать как моральное чувство, так и умственные способности. Я только что назвал семью школой детей, но мне следовало бы сказать просто «школой», так как не только дети обязаны ей своим воспитанием, но и взрослые люди. Все мы, без различия пола и возраста, должны быть ей благодарны за то чувство бескорыстного расположения, за тот альтруизм, семена которого она в нас заронила. Разве она не является нам самую совершенную картину взаимного самопожертвования, не того слепого самопожертвования, на которое нас толкает вера в ожидании воображаемых будущих благ, но того добровольного и сознательного самопожертвования, которое стремится к целям достижимым, к счастью нам подобных, которое может быть достигнуто только

этой ценой. Не будем же ошибаться: всякая мораль, даже мораль утилитаризма, требует жертв: жертвы благом, которое нам близко, для достижения другого, более далекого, но зато более великого, жертвы нашим тщеславием и нашей гордостью для счастья нации, членом которой мы являемся, и всего рода человеческого. А эту способность к самопожертвованию, разве мы не приобретаем ее, наблюдая ежедневные заботы матери у колыбели своего ребенка и упорный труд отца для обеспечения хлеба насущного своим близким? Таким образом, семья становится великой школой альтруизма, того альтруизма, который произведет революцию в мире, так как, по замечательному выражению Вовнарга, идея действительно великая, действительно плодотворная всегда исходит от сердца ²⁰.

²⁰ Данная Ковалевским характеристика буржуазной моногамной семьи не полна и далеко не вполне удовлетворительна. Хотя он и отмечает ее отрицательные черты, но настоящей критики буржуазной моногамии у него нет. Рассуждениям Ковалевского здесь должны быть противопоставлены замечательные страницы, посвященные моногамии Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (*Маркс и Энгельс*), Соч., т. XVI, ч. I, стр. 44—56).

Попытка Ковалевского обелить индивидуальную семью классового общества приводит его к грубой ошибке относительно положения матери в этой семье. В этом вопросе Ковалевский продолжает свою линию ошибочного толкования положения женщины в истории общества. Начав с отрицания господствующего положения женщины при матриархате (см. примечание 5) и попытавшись затем прикрасить положение женщины в патриархальной большой семье (см. примечание 13), Ковалевский относит возникновение «заметной роли», «власти» и т. д. жены и матери к моногамии. Ковалевский стоит здесь на позиции буржуазной теории прогресса и воспроизводит тот широко распространенный в буржуазной литературе взгляд, по которому положение женщины на всем протяжении истории общества улучшается и наиболее высокого уровня достигает в классовом строе, при моногамии.

Отмечаемые Ковалевским отдельные черты благоприятного положения женщины при моногамии представляют собой либо осколки былого, свойственного первобытности, положения, сохраняющиеся и в буржуазном обществе, либо условные, абстрактно-юридические или внешнебытовые элементы. Приниженное положение женщины, возникшее с падением матриархата, лишь утвердилось при моногамии. Оно только, как писал Энгельс, «постепенно было лицемерно прикрашено, местами облечено в более мягкую форму» (там же, стр. 40).

Под конец Ковалевский и здесь впадает в слащавую идеализацию буржуазной семьи (ибо Ковалевский говорил, конечно, только о такой семье), договариваясь до «совершенной картины взаимного самопожертвования», до утверждения семьи в качестве «великой школы альтруизма» и пр. — *Прим. ред.*

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

ВСЕГДА ли разложение патриархальной семьи приводит к установлению частной собственности?

Нет вопроса более темного. Европейская цивилизация, созданная действием столь различных факторов, как варварские обычаи, римская традиция, католицизм с его теократической организацией, феодализм с его известным принципом *nulle terre sans seigneur* (нет земли без сеньера), европейская цивилизация одна не может открыть нам эту тайну. Как, в самом деле, пробраться сквозь этот лабиринт фактов к первому началу, от которого пошла частная собственность, как восстановить причинную связь между ее эволюцией и тем или другим фактором, когда все эти факторы, столь многочисленные, смешиваются между собой и сталкиваются, то содействуя друг другу, то вступая между собой в открытую борьбу, и приводят в конце концов к результату, который не является делом ни одного из них, а всей их совокупности. Ввиду этого целесообразнее, как мне кажется, изучить непосредственное действие, которое произвело на организацию собственности установление индивидуальной семьи, в среде более девственной, менее тронутой посторонними влияниями, какой еще и теперь являются полуоседлые племена иранских афганцев, далее, — ражпуты Индии, яванцы, донские казаки, наконец, крестьяне северных областей России, так ревниво оберегающие неприкосновенность своих древних обычаев и так мало подвергающиеся внешним влияниям. Именно эту среду я и выбрал в своей работе по истории собственности, к ней я обратился, чтобы отдать себе отчет в том, какие самопроизвольные причины привели к разложению первобытной общины; после этого я поставил себе вопрос, нельзя ли найти те же причины в истории земельной собственности на Западе. Этому плану моих работ я буду следовать и в сегодняшней моей лекции.

Я начну с изложения фактов, которые мне лучше всего известны, а именно с фактов, относящихся к моей собственной стране, точнее, к ее северным и восточным областям. В их общественном строе сильнее всего сохранилась печать прошлого, и они меньше, чем другие области России, подвер-

«Глишь разлагающему влиянию крепостного права, которое едва коснулось их.

Ефименко в своей работе, на которую мы уже ссылались, «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» в России XVI и XVII вв. дает на основании документов очень подробное и живое описание непосредственных последствий раздела «большой семьи». При распадении семейной общины (*le feu*, по старофранцузской терминологии, или «печища», как говорили мои предки) каждый из ее членов получает одинаковое право на долю во всей земле, принадлежавшей общине: это было только право пользования, так как земля оставалась неразделенной и доли намечались с тем, что в случае надобности будет произведен полный или частичный передел. Обычай допускал продажу, поэтому каждый мог отчуждать свою идеальную долю целиком или частью. Эти доли, иногда назывались «жребьем», так как жребий решал, кому какая полоса достанется в том или другом поле. То же название употреблялось и в средневековых хартиях Западной Европы: *sors* (жребий), говорили они, когда речь шла о продаже или завещании всего имущества кого-нибудь, а половину или треть его обозначали словами *dimidia sors, tertia pars sortis*.

Непосредственным следствием разделов и продаж было создание новой группы, а именно, сельской общины. Она состояла уже не только из одних кровных родственников, в нее входили все владельцы неразделенных долей, часто различной величины, так как некоторые первоначальные собственники сохранили их, другие продали свою долю полностью или же половину ее, или треть.

Естественный прирост населения и следовавшие один за другим переделы естественно уменьшали долю каждого и, в конце концов, собственность раздробилась бы на мельчайшие частицы, если бы против этого не были своевременно приняты меры путем расчистки целины, так как земли было достаточно. Она расположена была со всех сторон, покрытая сплошным лесом, прерываемым болотами, и ждала только расчистки, чтобы сделаться плодородным полем.

Такая расчистка редко была делом отдельных хозяйств. Обычно она производилась целой группой, которая сообща занимала землю, приведенную в культурное состояние ее общими усилиями. Таким образом, владение новой землей приобретает те же формы, что и в старых деревнях. И ничто не мешает тому, чтобы через некоторое время метрополия и колония не слились в одну общину, соединив свои владения, причем неразделенными оставались леса, болота, заросли, луга и пастбища. Подобного рода факты

отмечены в русских писцовых книгах XVI и XVII вв.*. Они повторяются время от времени и теперь, когда община — метрополия отказывается признать право индивидуальной собственности на эти *essarts* и *purprises*, как в древнем французском праве называли эти вновь освоенные пустопорожные земли, которые по-русски обозначаются словом «заимка».

Нет ничего более интересного, чем изучать на месте такое самопроизвольное развитие сельской общины. Его часто наблюдали молодые русские экономисты, которые с таким похвальным самоотвержением посвятили себя трудному делу составления статистической описи наших губерний. Вот что говорит об этом один из них, Щепотьев. По словам этого очень осмотрительного и точного наблюдателя, заимка пустопорожных земель производится иногда отдельными парами, желающими устроить здесь свое хозяйство, но чаще всего целой группой земледельцев. И это понятно: эти земли обычно покрыты лесом и расчистить их настолько трудно, что без усилий многих работников было бы невозможно сделать их пригодными для обработки. По прошествии нескольких лет новые колонисты вместе с землей, отнятой ими у леса, входят в первоначальную общину; крестьяне обозначают это глаголом «припустить». Производится это обычно на таких условиях: вся необрабатываемая земля становится «общинной» и поступает в совместное владение как общины-метрополии, так и вновь возникшей. Что касается земли, которую можно обрабатывать, то права каждого хозяйства на причитающуюся ему долю ее ревниво оберегаются. Благодаря продажам и менам, различного происхождения владений обеих общин с течением времени затемняется**. Присоединения, подобные тому, которое мы только что описали, производятся неоднократно, принадлежащая общине территория разрастается и в конце концов доходит часто до сотен верст в окружности. На этом пространстве разбросаны десятки деревень и еще большее число одиноких усадеб (починков), причем каждое хозяйство имеет свою избу и свой огород, кроме больших или меньших долей в том или другом поле. Щепотьев сообщает об одной такой сельской общине, состоящей из 34 отдельных деревень; можно подумать, что это одна из тех «огромных марок», о которых говорят, как мы это вскоре увидим,

* См. «Очерк истории сельской общины на Севере России» Соколовского и другую работу того же автора, озаглавленную «Экономический быт земледельческого населения России» (в особенности стр. 158—160 последней книги).

** С. А. Щепотьев, К истории разрушения сложных форм общинного землевладения на Севере, «Русская мысль» № 12, 1883.

средневековые юридические документы и наиболее разительным образчиком которых является древняя территория кантона Швиц, ставшая истинным ядром швейцарского союза*.

Но на этом не останавливается самопроизвольная эволюция сельской общины. Так как переделы все время повторяются и возникают все новые и новые колонии, то в конце концов равенство долей почти совершенно исчезает и становится исключением. Начинает выступать противоречие интересов владельцев самых крупных долей, с одной стороны, и тех, у кого участки совсем маленькие — с другой. Когда запас незанятой земли совершенно иссякает, то приходят к тому, что уравнительная разверстка является единственным средством удовлетворить тех, кто не имеет достаточного количества земли, а таких набирается много. Было бы, конечно, ошибочно думать, что подобный передел может быть произведен легко, без всяких возражений и протеста. Очень часто возникают из-за этого ссоры и даже драки, но владельцы мелких наделов составляют большинство, и победа обычно остается за ними. Тогда вместо прежней организации появляется новая: равенство наделов. Но чтобы удержать это равенство, необходимо время от времени производить новые переделы, так как население продолжает расти и новые хозяйства появляются за счет тех, из которых они возникли. Это по необходимости приводит к мысли о новом переделе. Сначала такие переделы производятся в неопределенные сроки, каждый раз, когда они являются необходимыми, т. е. когда неравенство особенно обостряется. Периодические переделы становятся очень нескоро. При этом вначале переделяется лишь та земля, которая имеет наибольшую ценность в глазах ее владельцев: пахотная земля и луга, но не пастбища и не лес, остающиеся в течение очень долгого времени общинными, как и раньше. Срок, по истечении которого происходит новый передел, определяется трехпольной системой, принятой у большинства сельского населения. Но так как это не касается лугов, то они переделяются в иные сроки. Все это можно подтвердить множеством примеров, взятых из жизни наших северных деревень. Чтобы не загружать вашей памяти излишними фактами, я ограничусь лишь ссылкой на знаменитого русского путешественника Потанина, которому административная ссылка в Вологодскую губернию дала возможность основательно изучить самопроизвольное развитие нашей сельской общины.

По словам Потанина, только ближайшая к деревне па-

* *M. Kothing, Das Lanbbuch von Schwyz, Zürich 1850.*

хотная земля подлежит периодическому переделу, повторяющемуся большей частью каждые три года. Остальная земля, годная для обработки, может быть занята всяким желающим, лишь бы он был членом общины, которой эта земля принадлежит. Но он получает на нее не право собственности, а только право пользования на более или менее продолжительный срок. По истечении этого срока «заимка» переходит в руки нового колониста или же присоединяется к земле, подлежащей переделу. Довольно часто случается, что захват необработанной земли производится компанией из нескольких человек, которые в конце года делят между собой полученные с нее продукты. Если они захотят выселиться на свою новую пашню и устроиться там окончательно, то возникает новая община. Она чаще всего присоединяет свою землю к владениям общины-метрополии или другой ближайшей. Что касается лугов, то среди них различают несколько видов: прежде всего те, которые орошаются разливами ручьев и речек. Они составляют обычно то, что можно назвать «мирским владением», но не одной какой-нибудь деревни, а всех тех, которые входят в состав одной и той же общины. Некоторые из этих заливных лугов, слишком отдаленные от жилья, сдаются в аренду чужим, обычно какой-нибудь соседней общине. Кроме таких мирских лугов существуют и другие, право пользования которыми принадлежит исключительно жителям какой-нибудь одной деревни. Иногда те, кто пользуется этими лугами, ограничиваются тем, что делят между собой накошенное на этих лугах сено либо по душам, либо по числу косцов. Впрочем, в некоторых случаях считается необходимым разбивать эти луга на доли, переделывая их каждый год или в более долгие сроки; жребий определяет, кому достанется та или другая доля*.

Не нужно, однако, думать, что так бывает только в северной России. Совершенно такая же эволюция происходит и в южной части Великороссии, в тех округах, которые являлись окраиной владений московских царей в XVI и XVII вв. и где селились те из их подданных, которые, желая сохранить свою независимость и не попасть в крепостное состояние, в то же время готовы были пролить свою кровь, защищая русскую границу. Организовавшись в виде семейных общин, эти колонисты начали с того, что захватили обширные пространства земли, которую они оплодотворили своим трудом, работая сообща. Сначала там господствовала нераздельность, но затем, когда индивидуализм взял верх над чувством солидарности, стали при-

* См. ежемесячный журнал «Древняя и новая Россия» № 10, а также книгу *С. Капустина* «Формы землевладения у русского народа», СПб 1877.

бегать к переделам. Каждое отдельное хозяйство получило свою долю, но не какой-нибудь реальный участок земли, а идеальную долю полей и лугов. Эти доли, сначала различной величины, как и на севере, уравнились, когда начались периодические переделы, причем стремление к равенству дошло до таких пределов, что за каждым хозяйством было признано право иметь свою долю во всех разрядах земли разного качества, входившей в состав общинных владений. Таким образом, было несколько полей и каждое из них переделялось*. Если мы продвинемся далее на юг в обширную территорию, занимаемую донскими казаками, то там мы найдем такие же факты, вполне подтверждающие общий вывод, который можно сделать из всего вышеизложенного. Там 70 больших поселков (станций) еще в 1877 г. (собранные мною факты относятся именно к этому году) составляли только одну общину, нечто вроде тех «марок», которые существовали, повидимому, в самые отдаленные времена истории германских государств. На этом обширном пространстве луга и пахотная земля оставались такими же нераздельными, как и пастбища, и каждое хозяйство могло при наличии огромного пространства пустопорожней земли захватывать каждый год более или менее значительный участок. Такой участок считался принадлежащим данному хозяйству до тех пор, пока оно обрабатывало его. Если же его покидали, то через три-четыре года он переходил в руки кого-нибудь другого, кто желал его занять. И только очень недавно (не больше лет пятнадцати назад), когда земли стало относительно меньше, здесь перешли к системе переделов. Переделы эти были двоякого рода: прежде всего разделили всю принадлежавшую общине «марку» на столько частей (неравных), сколько было станиц. Дележ этот происходил пропорционально количеству хозяйств, занесенных в списки, составленные для раскладки прямых налогов. После этого приступлено было к разделу в каждой станице принадлежащих ей общинных земель, причем старались дать каждой семье одинаковую долю пахотной земли и лугов. Каждая семья считалась владелицей полученного ею участка до нового передела, который производился в отдельных станицах в разные сроки, — где через 3 года, а где через

* Такой порядок землевладения известен в некоторых частях Курской и Воронежской губерний под именем «четвертного» от слова «четверть» (мера хлеба); «четвертью», или «четыю», в старину называли такое пространство пахотной земли, на котором высевали четверть ржи. Этот вид аграрного коммунизма подробно описан Благовещенским, одним из тех молодых статистиков, которые работают под руководством проф. Чупрова. Статья Благовещенского была напечатана в московском «Юридическом вестнике» № 6—8, 1887.

4, 7, 10, 12 и даже 17 лет. Стремление к равенству привело к тому, что делили на равные части каждое из принадлежащих общине полей, различающихся между собой плодородием и более или менее выгодным положением. Такая система составления наделов привела к чрезвычайной чересполосице, очень невыгодной с точки зрения сельскохозяйственной экономии. Луга делятся не во всех станицах; во многих они остаются неразделенными, и в таком случае косьба производится сообща и делится только полученное от этих лугов сено. По окончании жатвы и косовицы поля и луга поступают в общее пользование до следующей весны. Каждое хозяйство имеет право пасти на них пять голов крупного скота бесплатно. За каждую голову сверх этого вносится известная плата, и полученная таким образом сумма распределяется между теми хозяйствами, которые выгоняли меньшее число голов крупного скота, чем то, на которое имели право.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сказать, что во всей России, с севера до юга, еще и теперь происходит то там, то здесь самопроизвольное возникновение сельской общины из семейной общины, как следствие ее разложения. Сельская община, основанная на периодическом переделе земли, вовсе не является, как это принято было думать, самой архаической формой землевладения, а представляет собой, напротив того, форму сравнительно позднего происхождения.

Но спрашивается, кто докажет, что это общераспространенное явление? Ведь оно может быть, в конце концов, явлением чисто местным. Оно может служить для объяснения развития земельной собственности в России, но не истории ее на европейском Западе и даже во внеевропейских странах. Такое возражение было бы вполне основательным, если бы многочисленные факты, тщательно собранные в самых различных частях земного шара, не убеждали нас в том, что эта эволюция представляет собой несомненно общераспространенное явление.

Из таких фактов приведу прежде всего те, которые очень легко проверить. Разве мы не наблюдаем того же процесса, происходящего в наше время среди арийского населения английской Индии, особенно в Пенджабе и в северо-западных провинциях, где его так тщательно изучили английские чиновники кадастрального ведомства? Каковы, в самом деле, типы сельской общины в Индии, если не патриархальная семья, затем возникающая непосредственно из этой семьи при ее разложении собственно сельская община, состоящая из владельцев неравных долей, и, наконец, недавно только еще появившаяся сельская об-

щина с периодическими переделами, или, как говорят англичане, община, основанная на *run-rig system*.

Чтобы не оставалось никакого сомнения, я приведу вам свидетельство одного заслуживающего полного доверия английского чиновника, Роза, который в своем отчете о том, как он выполнил свои обязанности по сбору податей, описывает организацию сельской общины в округе Зилах Банда. «Никто не имеет там частной собственности, но каждый владеет тем участком, который он обрабатывает, на все то время, пока эта обработка продолжается. Когда она кончается, этот участок возвращается во владение общины и может быть вновь занят любым из ее членов. Вследствие этого существует большое неравенство в размерах наделов. Это неравенство и дает повод к частым раздорам, которые имеют даже особое название: *kum o besh ee*; и так как обычно в пределах одной и той же общины стоят друг против друга две партии, одна — ратующая за сохранение существующего порядка, другая, гораздо более многочисленная, — за раздел на равные доли, то в конце концов, по необходимости, приходят к решению произвести новый раздел, на этот раз на равные доли»*. Разве эти только что приведенные мною слова нельзя применить, ничего в них не изменяя, к описанию внутренних раздоров, которые побуждают сельские общины на севере, в центре и на юге России вводить у себя периодические переделы, раздел всей земли на равные по размерам доли?

Если мы обратимся, с другой стороны, к тому, что говорит о порядке землевладения у афганцев, у этих арийских племен Бактрии, знаменитый Эльфинстон, то мы увидим там точное изображение той сельской общины, которая является распространеннейшей формой аграрного коммунизма в России.

Земля принадлежит там сообща всем семьям одного «улуса», территориальной единицы, соответствующей скорее германской марке, чем общине. В определенные сроки, в одном улусе через три года, в других через пять, десять, двенадцать лет, происходит общий раздел на участки. Так как земля не везде одинаково плодородна, то в некоторых улусах существует обыкновение делить всю территорию на две равные части, и жребий решает, кому получить свою долю в одной из этих частей, кому — в другой. При следующем переделе те, кто имел участок в менее плодородной части улуса, получают его в более плодородной, и наоборот. Не считая некоторых подробностей, касающихся способа вы-

* «Report on the Bhej Burrar tenures in Zillah Banda», by the late H. Rose, collector of Banda, p. 89. Много фактов подобного же рода можно найти и в трехтомной работе; *C. L. Tuper, Punjab customary law*, 3 vls, Calcutta 1881.

равнивать доли, это совершенно такой же порядок, какой существует у большинства крестьян Великокороссии, представляя сельскую общину, в ее полном развитии.

Несколько слов еще о Яве, аграрный строй которой описан Лавеле по официальным нидерландским документам. В шести провинциях, о которых говорит автор «Первобытных форм собственности», все земли находятся в общественном владении. Тот, кто расчищает пустопорожнюю землю, пользуется ею только в течение трех или пяти лет. После этого земля возвращается к общине и вместе с другой общинной землей подвергается периодическим переделам. Если какой-нибудь владелец оставляет поле, которое он расчистил, его земля переходит к общине. То же происходит и в том случае, если он перестает обрабатывать это поле или умирает бездетным. Переделы общинной земли обычно производятся каждый год*. Наряду с этими фактами Лавеле сообщает и другие, которые ему кажутся более позднего происхождения. «В провинциях Харабон и Тагал, — говорит он, — существует и частная собственность рядом с общинной. *Sawahs jassas*, или расчищенная целина, принадлежит тому, кто привел ее в культурное состояние, и передается по наследству, доколе она продолжает обрабатываться. Впрочем, — прибавляет он, — общинная собственность мало-помалу поглощает частную». Но разве это не та же эволюция, которая приводит русскую общину к замене системы неравных долей и «припусков» периодическим переделом с равными долями, эволюция, которую Лавеле плохо понял, истинный характер которой выяснится вполне, лишь только мы ее сопоставим с аграрным строем, о котором мы говорили выше.

Новую теорию, которую я пытаюсь установить, никак нельзя упрекнуть в недостатке подтверждающих ее положительных фактов. Пока мы не выходим из области наблюдений и изучаем племена, у которых частная собственность еще и теперь только начинает развиваться, доказательств очень много. Но положение меняется, как только мы перейдем к старым цивилизациям, где индивидуализм существует издавна. Здесь возникает ряд трудностей: придется произвести настоящее общее расследование, чтобы отыскать следы давно уже исчезнувших учреждений. Эту задачу мы и поставим себе в ближайшую очередь.

Историки, занимающиеся в последнее время историей землевладения на Западе, уже не сомневаются в том, что еще очень недавно там существовала сельская община, впрочем, во многом отличная от той, живой пример которой мы еще

* *E. Lavelaye, De la propriété et de ses formes primitives, Paris 1874, p. 53—55.*

и теперь можем видеть в России. Все входившие в состав такой общины хозяйства имели, как они утверждают, только право пользования некоторыми лесами и пастбищами и могли безвозмездно пасти свой скот на полях и лугах с осени до весны. Некоторые авторы, например, Фюстель де Куланж, даже отказываются видеть в этом какие бы то ни было признаки общинного владения. В основе такого пользования, по их мнению, лежит право, подобное принадлежащему всякому живому существу праву дышать воздухом, даже не праву пользоваться водой из родников и речек, так как эта вода могла уже стать собственностью как индивидуальной, так и коллективной.

Не касаясь вопроса о том, насколько такие аналогии основательны и можно ли ими пользоваться, для того чтобы точно узнать, как обстояло это дело в такую отдаленную эпоху, я ограничусь следующим указанием: несмотря на расхождение в мнениях, все изучавшие происхождение собственности согласны в том, что существуют некоторые явления, для объяснения происхождения которых вовсе нет необходимости предполагать исконное существование частной собственности. Явления эти существуют в разных странах под различными именами; так, во Франции мы видим *communaux*, в Швейцарии — *allmenden*, в Швеции и Норвегии — *allmening*, в Германии — *Gemeinde-güter*, в Англии — *commons*.

Общераспространенное мнение о различии между такой формой владения и русской сельской общиной приводит обычно к утверждению, что оба эти порядка непременно должны быть различного происхождения. Но на мой взгляд это совсем неверно, так как, наблюдая последние этапы развития русского «мира» перед его полным разложением, мы должны признать их полное сходство с теми явлениями, о которых мы только что говорили. Во всех местах России, где индивидуализм уже привел к прекращению переделов, в частную собственность перешли только пахотные поля и луга. Леса же и выгоны остались неразделенными и находятся в общем пользовании всех хозяйств, входящих в общину.

Устранив это возражение, мы должны углубиться в историю, чтобы отыскать следы тех промежуточных фаз, через которые должна была пройти коллективная собственность за время от своего возникновения до теперешнего состояния, в котором от древнего коммунизма, действительно, не осталось ничего, кроме общинных пастбищ (*communaux*).

В средние века существовало следующее явление: принадлежащая сеньеру земля разделялась на две неравные части, из которых одна — *terra dominica*, или *indominicata* — оставалась в хозяйстве сеньера, другая дели-

лась на участки, распределявшиеся между крестьянами-земледельцами. Эти участки носят различные названия: во Франции — *mansi*; в Германии — *hufen* или *huben*; в Англии — *virgatae*. В каждой сеньерии такой участок или доля имеет определенный размер, который остается неизменным. Границы каждой доли не установлены. Клочки земли, находящиеся в разных полях, входят, повидимому, в состав одной доли. К тому же участки не огорожены и по отношению к ним обычно признается «право проезда» как по пахотной земле, так и по лугам. Все это вместе взятое наводит на мысль о «крепостной» общине, в которой каждому хозяйству предоставляется не какой-нибудь определенный участок земли, а доля в общинных полях, как в пахотной земле, так и в лугах; эти поля остаются неразделенными и ничем не огорожены. Доли эти между собой ничем не различаются, существуют только целые доли, половины и трети доли, отчего в грамотах и встречаются часто выражения *dimidium mansum*, *halbe hufe*, *dimidia*, и даже *quarta pars virgatae*. Наряду с пашней, разделенной на доли, мы видим общее пользование лесами и пастбищами. *Silvae communes*, *comprascua*, *comun*, *comunio pasturae* и т. п. — таковы выражения, употребляемые в грамотах для обозначения права каждого хозяйства брать дрова и строевой материал из неразделенного леса, право пасти в нем свой скот, наконец, право выгонять на общее пастбище своих быков, коров и лошадей, остерегаясь только выгонять на него иную скотину, кроме той, которая провела зиму на его скотном дворе. Нет надобности настаивать на явно общинном характере такого порядка. Лучше остановиться на частных, которыми этот порядок отличается от наиболее известного типа русского «мира». Самым существенным отличием, по моему мнению, является полное отсутствие периодических переделов. В этом не чувствовалось необходимости, благодаря привычке членов деревенских семей жить в нераздельности, а также благодаря тому, что новым хозяйствам, желающим покинуть общий очаг, обычно предоставляли новые наделы в общинном лесу, который в этом случае расчищался. Выражения вроде *mansi silvatici*, лесные наделы, *bifang*, *assartum*, *purprestura*, *assartlands* и т. п., обозначающие введение в культуру или расчистку, не оставляют в этом никакого сомнения*.

Приводя эти факты, которые я только что перечислил, новейшие историки земельной собственности на Западе не

* Подробности см. у *F. Seebom*, *The english village community*, London 1883; *G. Hanssen*, *Agarhistorische Abhandlungen*, 2 B-de, Leipzig 1880—1884, известные работы Маурера и работу по истории хозяйства Германии Лампрехта.

решаются связывать их с той первоначальной семейной общиной, разложение которой, как мы думаем, привело к возникновению сельской общины. По их мнению, установление такой общины следует отнести к закреплению сельского населения: интересы сеньера побуждали его установить равенство наделов ввиду равенства повинностей, лежавших на виланских семьях. Я должен, однако, признаться, что не понимаю, каким образом нераздельность земли, предоставленной в пользование крестьянам, может быть выгодна для интересов их сеньера. Но это неважно, дело не в этом. Для того, чтобы такая теория искусственного насаждения сельской общины феодальными сеньерами могла хоть сколько-нибудь претендовать на признание, необходимо, по крайней мере, доказать, что только у крепостных существовало пользование общинной землей, что никогда, ни в эпоху феодализма, ни до нее, подобного порядка не было в свободных общинах. Это именно и желают установить такие авторы, как Сибом. Я уже не говорю о Росссе, который доходит в своей наивности до того, что относит происхождение манора к эпохе Тацита и уже по одному этому не заслуживал бы упоминания*.

Таким образом, чтобы пробить брешь в этой теории, которая, несмотря на свое недавнее происхождение, привлекла уже, кажется, на свою сторону немало выдающихся умов, нужно доказать существование подобных общин еще до феодализма или, по крайней мере, одновременно с ним. Необходимых для доказательства этого документов очень много, если только подойти к грамотам без всякой предвзятой мысли. Ввиду отсутствия других источников эти доказательства приходится искать в актах дарения и продажи, самый характер которых не допускает даже мысли о каком-либо точном и подробном описании общинных порядков. Само собой разумеется, что в одной лекции я не успею привести хотя бы сотую часть тех аргументов, которые могли бы служить для установления какого-нибудь положения. Поэтому я надеюсь, что вы не потребуете от меня полноты и удовлетворитесь нижеследующими фактами, которые первые пришли мне на память.

В грамотах мы находим тексты вроде следующего: «Мы, жители такой-то деревни (виллы) (следуют имена), мы все (*universi*), богатые, бедные и люди со средним достатком, с общего согласия передаем такому-то этот лес, в котором никто из нас не имеет частной собственности, но который принадлежит сообща (*communiter pertinebat*) всем жителям нашей деревни». Когда мы это прочитаем, то

* *D. Ross, The early history of landholding among the Germans, London 1883.*

должны откинуть всякие сомнения и признать, что эти совладельцы, живущие в одной деревне, были люди свободные, так как иначе они не могли передать свой лес путем продажи, а это значит, что мы можем признать здесь существование свободной общины*. Точно так же, когда дело идет о продаже сообща, произведенной людьми, обозначаемыми именем *vicini* (соседи) или *pagenses* (жители одного и того же округа), то трудно не видеть в них свободных людей, отчуждающих свою общую собственность. А именно о таких случаях говорят нам грамоты VIII и IX. вв., дошедшие до нас с берегов Рейна, из Баварии, немецкой Швейцарии и из других стран центральной Европы. Такие названия, как *ingenui*, *liberi*, *allodiarii*, *cives*, употребляются в них для обозначения людей, участвующих в общине, и самое право пользования определяется даже, как право, которое необходимо должно принадлежать свободному человеку, ввиду того, что он имеет собственность (*qualem unus quisque liber homo de sua proprietate juste et legaliter debet habere*)**.

Если мы перейдем к Англии, то найдем там в *Domesday-book*, кадастровой описи, составленной по повелению Вильгельма Завоевателя, точно так же, как и в произведенных вскоре после нее частичных переписях, частые упоминания о *liberi socmani* и *allodiarii*, которые были известны в Ланкашире под именем *drengs*. Все эти люди свободного состояния изображаются, как владельцы участков равной величины, по крайней мере в том случае, когда они расположены в одном маноре. Они сообща владеют лесами и пастбищами, все вместе подписывают акты продажи и дарения, т. е. такие акты, которые могут совершать только люди сами себе принадлежащие. Восходя к англо-саксонской эпохе, мы находим там многочисленный класс свободного мелкого люда, так называемых *seorls*, которых документы того времени называют также крестьянами (*burgs* — синоним немецкого *bauer*).

Эти *seorls* владеют участками (*gyrds* или *virgatae*), состоящими каждый из нескольких клочков земли, разбросанных по разным полям, принадлежащим одной общине. Такие участки или доли имеют в каждом округе определенный не меняющийся размер. В грамотах того времени говорится только о принадлежащем этим общинам херлов праве пользования общинными лесами, пастбищами и даже лугами***. Грамоты и жития святых нередко упоминают также о продажах, совершенных всеми жителями какого-нибудь города,

* Эта грамота XII в. относится к Rheingau.

** *H. Wartmann* (bearb. von), *Urkundenbuch der Abtei St. Gallen*, Zürich 1853—1866, грамоты № 483 и 680.

*** Закон Ины, 42.

например, Тетфорда (*omnes urbani*), или всеми плательщиками государственных налогов (*tributarii*), что является признаком свободного состояния, так как крепостные не платили налогов. Эти трибутарины выступают там в качестве продавцов имущества, которым они владеют сообща. Этого достаточно, чтобы прийти к выводу, что отрицание свободных общин находится в полном противоречии со свидетельством документов. Итак, не может быть больше никакого сомнения в существовании на европейском Западе сельской общины еще до эпохи феодализма и крепостничества, общины, состоящей из свободных людей, незнакомой с периодическими переделами и тем не менее владеющей участками более или менее равной величины.

Нам остается теперь только выяснить связь, которая должна была существовать между появлением такого порядка и разложением семейной общины. Начнем с того, что напомним о существовании у всех германских племен семейной собственности, являющейся неотчуждаемым имуществом патриархальной общины. Такая собственность была известна алеманам и баварам под именем имущества, принадлежащего «генеалогиям» (*genealogiae*), у франков рипуарских под именем *terrae aviaticae*, у англо-саксов — *ethel* или *alod parentum*.

Но даже и в том случае, если бы мы не имели всех этих данных, одного только факта существования в средневековом праве таких институтов, как преимущественное право родственников купить продаваемое имущество и выкупить его, если оно уже продано (*retrait lignager*) и т. п., одного этого факта было бы достаточно для доказательства нашего положения. Так как семейное имущество делилось на равные доли* и преимущественные права (*préciput*) старшего и младшего сыновей распространялись только на движимость, оружие, скот, жилище** и пр., то разложение общины, основанной на кровной связи, неизбежно приводило к установлению сельской общины.

Эта последняя составила из отдельных хозяйств, получивших каждое равную долю пахотной земли и лугов, так же как и одинаковое для всех право пользования общим лесом и выгоном. Так как отчуждение и раздел долей допускались, то, в конце концов, появились, наряду с целыми долями, половины, четверти, и многие из них перешли в чужие руки. Таким образом, рядом с членами прежних семейных групп стали люди, не имеющие с ними ничего об-

* Закон *gavelkind'a*, или раздела на равные части, только в Англии имеет характер местного обычая; но сомнительно, чтобы какой-нибудь новый порядок наследования установился там до нормандского завоевания.

** В древнем праве жилище считалось движимостью.

щего, кроме соседских отношений. Кровная связь исчезла, и на ее месте возникла связь совладения.

Но эволюция сельской общины не остановилась на этой фазе. В некоторых местностях, впрочем очень немногочисленных, где этой общине удалось продержаться в течение ряда веков и дожить до наших дней, введен был периодический передел как единственный способ сохранить равенство долей. Так было, например, в некоторых английских общинах, где такой передел еще в XVIII в. существовал под названием *grip-rig*.

Мы встречаем его также в Италии в виде этих *partecipanze*, которые еще в XIV и XV вв. существовали в Ченто э Пьевэ, Медичина, Нонантола, Сан Джованни ин Персичето, Сан Агата. Они сохраняют в наше время в Италии следы древней системы поземельных отношений, как нельзя более противоречащих римским традициям, верной блюстительницей которых именно Италия всегда себя считала*.

В заключение этого краткого обзора я позволю себе сказать, что он, мне кажется, вполне подтверждает высказанное мною выше теоретическое положение.

Можно считать доказанным, что сельская община относится к эпохе более поздней, чем община семейная, что ее возникновение восходит ко времени разложения этой последней, что древнейшая ее форма вовсе не связана с периодическим переделом, что такой передел появляется лишь с течением времени, когда уже оказались исчерпанными все другие способы установить равенство долей, ввиду все увеличивающегося населения и исчезновения пусто-порожней земли, которую можно было бы расчистить²¹.

* Аналогичные факты встречаются также в Португалии, например, в Сан-Мигуэль де Энтре-риос. См. работу *Н. А. Карышева*, Вечно-наследственный наем земли на континенте Западной Европы, СПб 1885, стр. 155.

²¹ В настоящей лекции, посвященной соседской сельской общине, у Ковалевского имеется ряд и неверных, и спорных, и нечетких положений. Ковалевский изображает здесь возникновение соседской общины как результат разделов и отчуждения земли семейными общинами и происходящего, таким образом, распада этих общин на малые, индивидуальные семьи. При этом, вследствие нечеткости его выражений и формулировок, иногда можно понять, что, по Ковалевскому, соседская община возникает не только вследствие того, что большесемейные общины распадаются на малые семьи, но и после того, как это явление имело место, и что, следовательно, соседская община состоит уже только из малых семей. Между тем в других местах сам же Ковалевский говорит о наличии в составе соседских общин и больших семей. В связи с указанными своими положениями Ковалевский настаивает здесь на том, что соседская община является образованием более поздним, чем большесемейная, и относится к сравнительно недавнему времени. В этом последнем вопросе Ковалевский впал в ошибку, повидимому увлекшись тезисом, распространившимся в его время в буржуазной науке, о позднем возникновении сельской общины, тезисом, выставленным в про-

тивомес более старому взгляду об архаичности сельской общины, связанному с так называемой общинной теорией. Это была по сути дела реакционная попытка опровергнуть положение либерального крыла буржуазной науки о древнем существовании вместе с сельской общиной и коллективной земельной собственности. Попытавшись использовать сказанный тезис в связи со своим неправильным взглядом на возникновение соседской общины из распада большесемейных общин, Ковалевский волюно или неволюно присоединился к реакционной позиции.

Основная ошибка Ковалевского заключается здесь в том, что он не связал соседской общины с родовой общиной. Эту ошибку Ковалевский исправил впоследствии в своей работе о родовом быте. «Сельская община, — заявил он здесь, — преемница родовой, не устранившая собой необходимости дальнейшего существования семейной» («Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом», СПб 1905, стр. 89). Таким образом, более глубоко изучив вопрос о распаде родового строя, Ковалевский пришел к другому выводу о происхождении соседской общины, оставив в ней место и для неразделившихся большесемейных общин. Надо, однако, сказать, что и здесь его концепция не исчерпывает вопроса и остается недостаточно четкой.

Не имея возможности очертить здесь данный сложный вопрос с достаточной полнотой, отметим лишь основные моменты. Родовая община состоит при патриархате из материнских общин, при патриархате — из больших патриархальных семей, или домовых общин. Общей чертой родовой общины является то, что все члены ее принадлежат к одному роду, причем, с другой стороны, в данной общине сосредоточены все члены данного рода, т. е. род здесь локализован. С распадом родовых связей члены одного рода, т. е. отдельные большие семьи, принадлежащие к одному и тому же роду, разрозниваются, теряют свою локальную связь, отселяются и присоединяются к таким же семьям других родов. Так возникает соседская община. Большие семьи одного рода оказываются принадлежащими к различным соседским общинам, а эти последние, в свою очередь, оказываются состоящими из больших семей, принадлежащих к различным родам. Соседская община объединяется, таким образом, уже не родственной, а сменяющей ее территориальной связью. Одновременно, но независимо от этого идет в силу иных причин (см. примечание 18) процесс распада больших патриархальных семей на малые, индивидуальные. В результате соседская община впоследствии оказывается состоящей как из больших еще неразделившихся семей, так и из малых. В таком именно виде наблюдаем мы соседскую общину и в историческом прошлом и в настоящем у тех народов, где она еще сохранилась. Несомненно, однако, что имела место и иная форма образования соседской общины, в особенности при заселении новых мест, состоявшая в том, что соседская община заново образовывалась из ряда малых семей. Эту форму образования соседской общины надо считать вторичной, относящейся к гораздо более позднему времени, чем относительно древнее образование соседской общины непосредственно из распада родовой. Наконец, в дальнейшем процессе, уже в распаде и большесемейной и самой сельской общины, последняя оказывается состоящей преимущественно из малых семей.

В непосредственной связи с указанной выше ошибкой Ковалевского стоит и другой его ошибочный взгляд, проводимый им в настоящей лекции, а именно, взгляд на историю землепользования и порядка наделения земель в соседской общине. Ковалевский изображает дело так, что при образовании соседской общины земельные наделы семей оказываются неравными (что и было бы действительно, если бы соседская община на самом деле образовалась из малых семей), а затем начинается «новый период» — период уравнивания землепользования и «равенства наделов». Это совершенно неверно и является у Ковалевского продуктом идеализации сельской общины. Соседская община, образо-

Теперь нам остается только проследить дальнейшую эволюцию этого общинного землевладения до момента его окончательного разложения, или, что то же самое, до полного торжества индивидуальной собственности.

вавшаяся из родовой и состоящая первоначально из больших семей, так сказать, наследует от родовой общины начало равенства в землепользовании и существовавший там искони порядок периодических переделов родовой земли. В дальнейшем, в соседской общине, в условиях растущего недостатка свободных земель в связи с происходящей общественной дифференциацией и в силу неравномерного роста отдельных семей, создается неравенство наделов, причем все время идет борьба древнего принципа равенства и нового развивающегося частнособственного начала. Отсюда переделы становятся все более затрудненными, и попытки провести в сказанной борьбе уравнительность все менее достигают цели. Растущие в соседской общине классовые силы оказываются всегда сильнее, и настоящей «уравнительности» никогда не достигается.

Наконец, иное дело представляет собой окончательный раздел земли в соседской общине, происходящий уже в распаде самой соседской общины, состоящей на данном этапе, как было сказано, преимущественно из малых семей, и потому происходящий между этими последними. —
Прим. ред.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРЕЖДЕ чем перейти к обзору причин, приведших к разложению сельской общины, постараемся отдать себе отчет в ее положительных и отрицательных свойствах.

Ее главное преимущество состоит, несомненно, в том, что она связывает земледельца с землей почти неразрывными узами, так как с введением периодических переделов должно было прекратиться какое-либо право отчуждения, поскольку общинная земля не принадлежала никому в отдельности, но всем вместе, и только вся община была наделена правом купли-продажи. Другая ее особенность, не менее существенная, — это чувство солидарности, которое, естественно, развивала в членах общины совместная работа, производимая бок о бок в различные времена года в заранее определенные и тщательно соблюдаемые сроки. Действительно, необыкновенная раздробленность наделов, страшная чересполосица, право выпаса на сжатом поле и скошенном лугу, трехпольная система — все это приводит к необходимости, чтобы все сельскохозяйственные работы производились всеми в одно и то же время. Отсюда то, что немцы называют *Flurzwang* — принудительный характер полевых работ, который еще и теперь существует в русской деревне и освящен обычаем, хотя в русском языке и не существует особого технического термина для его обозначения. Взаимная солидарность, созданная режимом совладения, находит себе особенно яркое выражение в том, что во многих общинах считается необходимым отводить часть земли для совместной обработки, устраивать то, что у нас называется «мирской запашкой»; на таком участке все работы производятся сообща и собранные продукты ежегодно делятся между всеми хозяйствами.

Кроме этого участка, обрабатываемого миром, упомянем еще и о той помощи, которую крестьяне оказывают друг другу во время жатвы. Эта «общественная помощь» состоит в бесплатной работе соседей, чтобы дать возможность запоздавшему хозяину во-время убрать свой хлеб. Чувство солидарности проявляется также в случае пожара, наводнения и т. п. При постройке избы на месте сгоревшей или

разрушенной водой, все жители общины помогают ее владельцу, которого постигло несчастье.

Из этого видно, что положительные стороны сельской общины принадлежат к категории как социальной, так и моральной. Но эти выгоды уравниваются недостатками чисто экономического порядка. Профессор Иванюков, выдающийся экономист, лекции которого пользуются большим авторитетом в нашей высшей школе, выражает очень распространенное у нас мнение, когда говорит, что аграрный коммунизм в той форме, в какой он существует в России, не допускает приложения к сельскому хозяйству капитала и задерживает его прогресс, препятствуя его переходу к более интенсивной культуре; поскольку участки, находящиеся в пользовании того или иного хозяйства, при переделе неизбежно перейдут в другие руки, у их временных владельцев нет никакого интереса делать их более продуктивными, производя необходимые для этого расходы, которые могут оправдаться только по прошествии значительного времени*. Прибавьте к этому чрезвычайную раздробленность, создавшуюся в результате погони за уравнением наделов, погоне, приводящей к необходимости выкраивать каждому хозяину не три-четыре клена в разных полях, меньше чего не может быть при трехполье (хотя бы для скота было отведено особое пастбище или ограничивались бы выпасом его на паровом поле), но иногда до двадцати таких кусочков, в зависимости от качества земли и от более или менее выгодного ее расположения**.

Вследствие того что каждому хозяйству дают долю в каждом из таких полей, получается такая раздробленность земли, что обработка ее стала бы невозможной, если бы это зло до некоторой степени не смягчалось обычаем соединять вместе доли, отведенные разным членам одного и того же хозяйства. Рьяные защитники существующей системы указывают, правда, на то, что чрезвычайное дробление земли с крайней чересполосицей встречается также и при господстве мелкого землевладения***, но очевидно, что там это является лишь печальным наследием когда-то существовавшей земельной общины, при которой эта раздробленность и чересполосица возникли.

Можно подумать, что раз мы указали на недостатки, свойственные общинному владению, то тем самым узнали

* См. статью «Общинное землевладение» в журнале «Русская мысль» № 1, 1885.

** Этот факт был установлен выдающимся московским статистиком Орловым, капитальные труды которого послужили фундаментом для земской статистики.

*** См. работу А. Посникова, Общинное землевладение, Ярославль — Одесса 1875—1877, в особенности вторую часть.

причины, которые привели к его разложению в Европе и в ближайшем будущем сделают то же самое в России. Но это было бы ошибкой. Ведь это разложение не произошло сознательно, в результате решения, принятого людьми, отдававшими себе ясный отчет в экономической невыгодности подобного порядка. Разложение сельской общины в Европе произошло гораздо раньше, чем возникло стремление к более интенсивной культуре. Несомненно также, что и теперешнее ее разложение в России не сопровождается непременно введением какого-нибудь действительно рационального землепользования, предполагающего вложение в сельское хозяйство значительного капитала или введения многополья. Таким образом, источник движения, приведшего к распаду сельской общины, приходится искать в причинах социального порядка. Надо задать себе вопрос, какие интересы должны были больше всего пострадать благодаря порядку, при котором невозможно было скопление в одних руках больших пространств земли и который приводил, в конце концов, к противоположному результату: к уменьшению доли каждого хозяйства в общинных полях, так как при непрерывном росте населения и при почти неизменном фонде земли, пригодной для обработки, приходилось, по необходимости, прибегать к раздроблению участков при каждом новом переделе.

Наблюдение того, что происходит в великорусской деревне, ставит нас лицом к лицу с наиболее могущественными факторами разложения общины. Нельзя уже отрицать того, что переделы становятся все более и более редкими и что из года в год увеличивается число случаев, когда члены общины пользуются предоставленным им законом* правом выделять свою долю из общего владения. Это подтверждается следующими цифрами. Общая сумма, полученная правительством от тех, кто, желая выделиться, погашал следуемые с него выкупные платежи, достигла к концу 1881 г. пяти миллионов рублей. В первые пять лет, следовавших за освобождением крестьян, число таких лиц, погашавших свои выкупные платежи, составляло $\frac{1}{7}\%$, в следующие пятилетия это число росло в следующей прогрессии: с 1868 по 1872 г. — 10% , с 1873 по 1877 г. — $33\frac{1}{2}\%$, с 1878 по конец 1881 г. — $55\frac{3}{4}\%$. Эти цифры не требуют

* Закон 1861 г., освободивший крестьян от крепостной зависимости, предоставляет тому из них, который внесет правительству причитающуюся с него долю суммы, уплоченной правительством помещику в виде выкупа земли, перешедшей к крестьянам, право выйти из общины, сохранив за собой известный участок земли, который община обязана ему выделить. Подробности см. в превосходной книге *Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland*, Th. III, Petersburg 1887, S. 82.

комментариев. Не так легко определить размеры перехода от периодических переделов к неизменности находящихся во владении отдельных хозяйств долей. Движение в этом направлении можно констатировать лишь в некоторых местностях, главным образом, в окрестностях городов и в торгово-промышленных селах, где земля требуется для устройства фабрик и заводов и продается обычно по высокой цене.

Много раз задавались вопросом, почему общины отказывались от системы периодических переделов, и думали, что причиной этого является незаконное давление, которое местная администрация позволяла себе оказывать на крестьян. Не отрицая возможности подобного давления, мы далеко не придаем им столь большого значения, как это делают страстные поклонники сельской общины. Кейслер, изучавший эти факты в самое последнее время, представляется мне очень осведомленным, когда говорит, что главная причина несочувствия периодическим переделам в разных местностях империи заключается в том, что отдельные крестьянские семьи желают сохранить за собой тот надел, который они уже имеют, и боятся, что каждый новый передел может только уменьшить этот надел ввиду прироста населения.

За такое предположение говорит и то обстоятельство, что несочувствие к переделам проявляется особенно сильно в черноземных губерниях, т. е. там, где доходы от урожая намного превышают сумму платимых налогов и где, следовательно, выгодно сохранить существующее распределение земли*.

Россия не единственная страна, в которой переход от общинной собственности к частной совершился именно так. Английская Индия находится сейчас в таком же положении. Правда, там разложение общины произошло в значительной степени вследствие пагубной политики завоевателей-англичан, незнакомых с местными обычаями и слишком склонных везде видеть свою собственную систему обширных маноров и крупного землевладения. Но было бы ошибочно отрицать, что во многих местностях периодические переделы прекратились по желанию тех, кто имел на это право, и от общины там осталось только право пользования лесом и пастбищами. «Земиндари», или общинники, превращались, таким образом, в мелких собственников, которых объединяли лишь некоторые особые права**.

Мы слишком мало знаем о том времени, когда на Западе произошел переход к частной собственности, чтобы опре-

* *Keussler*, op. cit., Th. III, S. 19—33.

** Я специально изучал аграрную политику Англии в Индии и результаты этого изучения изложил в книге, озаглавленной «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», Москва 1879

делить, в какой мере этот переход совершился по желанию самих общинников сохранить доставшиеся им наделы. Что, впрочем, делает весьма вероятным предположение о таковой именно причине разложения общины, это то, что уже в более поздние времена во всех общинах очень распространено было обыкновение прибегать к прекращению разделов как единственному способу помешать измелчанию долей, которые имели участники в общем пользовании лесами и пастбищами. Это было особенно заметно в тех местностях, где значительная иммиграция приводила время от времени к быстрому увеличению населения, например, в тех швейцарских кантонах, в которых нашли себе приют изгнанные из Франции гугеноты. Так, общины кантона Ваадт в XVI и XVII вв. особенно хлопотали об устранении вновь пришедших от пользования общинными угодьями. По той же причине установилось различие между старинными собственниками — бюргерами (*Bürger*) и пришельцами, так называемыми *Beisassen* или *Hintersassen*, которое встречается во многих местностях Германии; а также противопоставление общины совладельцев (*Bürger-gemeinde*) административной общине (*politische Gemeinde*), к которой принадлежали все жители данного поселения*.

Независимо от только что указанных причин в том же направлении действовали и другие. Существование земельной общины по необходимости предполагает неотчуждаемость земли. А такая неотчуждаемость, естественно, не соответствует интересам многих лиц: прежде всего, богатых крестьян, этих скотовладельцев, которых древние ирландские законы помещают в число новых дворян, наделяя их особым титулом *boaire*, или, что то же самое, «благородный скотник»; затем, промышленников и торговцев, которые хотели бы покинуть свою родину, но этому мешает невозможность обратить в деньги свое имущество, продав причитающиеся им доли в общинных владениях; далее, военных людей, стремящихся округлить свои земли и укрепить свое привилегированное положение на основе крупного землевладения; наконец, духовенства, которое, желая жить на свои доходы вне зависимости от оскудевающей благостыни своей паствы, стремилось к возможно большему увеличению своей недвижимости.

Некоторые из этих причин еще и теперь содействуют разложению общинной собственности в России, другие сыграли большую роль в установлении частной собственности на европейском Западе. Так, крестьяне, разбогатевшие от разведения скота, известны в наших деревнях под кличкой

* Происхождение этих различий подробнее объясняется в моей книжке «*Die Zerstückelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt*», Zürich 1876.

«мироедов», как нельзя лучше характеризующей ту роль, которая выпала на их долю в деле разложения общины. Даже не стремясь к окончательному разделу, они часто ухитряются соединить в своих руках много крестьянских наделов благодаря экономической зависимости, в которую им удается привести своих соседей, ссужая им за большие проценты деньги, необходимые для уплаты податей, или же предоставляя им различные выгоды под условием передачи в пользование мироеда принадлежащих им долей в общинных полях.

Такая же эволюция, повидимому, произошла и в провинции Бенгале. Сборщики податей, назначенные императорами-Моголами, воспользовались попавшей в их руки властью, чтобы привести своих односельчан в полную зависимость от себя и присвоить себе пользование их наделами. Впоследствии англичане приняли их за «настоящих ленд-лордов», и губернатор этой провинции, лорд Корнуэльс, согласился признать за ними право собственности на землю, в действительности принадлежавшую общине.

Роль, какую сыграл торгово-промышленный класс в деле разложения общинной собственности, с полной ясностью видна из истории городов. В первое время после своего возникновения города, как и деревни, владели нераздельной собственностью, которой они пользовались сообща.

Для Германии это доказывает в своем капитальном труде Арнольд*. В Англии опись, произведенная при Вильгельме Завоевателе, так называемая *Domesday-book*, неоднократно упоминает об общих лугах, периодически передуляемых, и о пастбищах, на которые имеют право все владельцы имущества, расположенного в черте города и его окрестностях. И как раз в этих городах общинная собственность исчезает раньше всего, в них на протяжении веков развивается особенно сильно и быстро процесс индивидуализации; окрестные же деревни лишь следуют в этом отношении примеру городов, и, чем дальше деревни расположены от этих очагов торговли и промышленности, тем более живучим оказывается в них общинное начало. То же, по прошествии нескольких веков, происходит теперь и в России, где общее пользование исчезает не только по отношению к городским землям, но и в окружающих город деревнях. Таким образом, периодические переделы прекращаются в окрестностях Петербурга и Москвы, равно как и других не столь крупных городов, например, Воронежа. То, что еще недавно представляло собой неотчуждаемый надел того или другого лица, продается чужому, для того чтобы

* *Chr. Arnold, Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten, Basel 1861.*

бывший член общины мог приобрести этим путем полную свободу действий: оставаться на месте или переселиться, куда ему вздумается.

Я думаю, что не будет слишком смело сказать, что перечисленные нами выше причины привели и теперь еще приводят к разложению сельской общины, действуя в этом направлении гораздо сильнее, чем все хваленые экономические соображения о неспособности общинного строя подчиниться требованиям более интенсивной культуры. Из этого следует вывод, что сельская община перестает существовать только с того времени, когда она оказывается в противоречии с интересами влиятельных классов, мало-помалу организовавшихся в ее недрах. Но их противодействие все же не может сравняться в силе с тем, которое община встречает в правящих классах — дворянстве, духовенстве и буржуазии.

Эта сторона вопроса заслуживает нашего особого внимания. Мы должны всесторонне изучить его. А этого мы, конечно, не можем сделать в этой лекции. Мы поэтому отложим до следующего собрания то, что нам остается еще сказать о все прогрессирующем и неизбежном разложении сельской общины.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

ЧТОБЫ выяснить роль, которую сыграло духовенство и дворянство в истории общинной собственности, следовало бы заняться историей этих классов. Мы увидели бы тогда, что помимо всякого влияния, как германского, так и римского, собственность по выходе из патриархальной фазы своего развития по необходимости должна была принять характер обширных территориальных агломератов, известных на Западе под именем феодалов и встречающихся под другими названиями как в восточной части Европы, так и в мусульманском мире. Теперь, ведь, не подлежит уже сомнению, что феодализм отнюдь не является учреждением, свойственным исключительно Западной Европе, и что его основные элементы можно найти под всякими широтами, у самых различных народов. В те времена, когда добиться мира можно было только вооруженной рукой, когда безопасностью пользовался только сильнейший, потребность покровительства и защиты заставляла крестьянина искать поддержки у своего более могущественного соседа, и он ее находил под условием передачи этому соседу права собственности на свое родовое имущество и сохранения за собой права обрабатывать это имущество в качестве пожизненного или наследственного держателя. К тому же решению его мог привести и недостаток капитала в виде, например, рабочего скота, а часто даже средств к существованию и одежды. Неудивительно поэтому, что договоры так называемой коммендации, которые сыграли такую важную роль в развитии феодализма в романо-германском мире, столь же часто заключались и среди ирландских кельтов, и среди русских славян, и среди пестрого населения мусульманских государств, например, в Персии, в империи Великого Могола и т. д. И мы видим у них, то как богатый землевладелец снабжает своего бедного соседа рабочим скотом под условием, что с этих пор он станет его слугой и сохранит за собой свое имущество лишь в качестве человека зависимого или данника, то как крестьянин добровольно передает свое имущество монастырю или какому-нибудь военному или гражданскому начальнику или просто земле-

владельцу, более богатому и более могущественному, чем он сам; он отказывается при этом от своих прав собственности и от преимуществ свободного земледельца, и все это потому, что, по выражению современных документов, «ему не на что прокормиться и одеться» или что «его притесняют воины и сборщики податей». Первый случай, повидимому, чаще встречался у кельтов и у славян, у которых ирландский *fuidhir* и бретонский *bailleur à cheptel* вполне соответствуют «ролейному закупу» Русской Правды.

Второй случай, как можно думать, был более обычным в Западной Европе, где это поощрялось законодательством англо-саксонских королей и каролингских императоров, требовавших, чтобы каждый выбрал себе покровителя, ответственного за нарушения им закона и даже за преступления*.

Коммендация, в самых разнообразных формах, встречается в восточных странах, в особенности в мусульманском мире. На всем обширном пространстве, когда-то занятом империей Великого Могола, она называлась *ikbal dawa*. Вакуфы и *habou*, как в Азии и Африке называли неотчуждаемое имущество, принадлежавшее мечетям, обязаны своим происхождением усердию правоверных, уступавших мечети право собственности на свою землю, соглашаясь из свободных, какими они были, превратиться в наследственных холопов, платящих ежегодный оброк.

Крупные феодальные поместья образовывались не только тем способом, о котором мы сейчас говорили, но также путем дарений, жалуемых королями и императорами в вознаграждение за военную службу или в надежде заслужить себе этим вечное блаженство. Распоряжаясь нередко тем, что им не принадлежало ни на каком основании, носители светской власти передавали сначала в виде бенефиция, т. е. пожизненного владения, а потом и в полную собственность поля и виноградники, леса и пастбища, издавна бывшие во владении свободных колонов, которые, продолжая пользоваться своими землями, превращались таким образом в наследственных держателей тех лиц, которым были пожалованы эти дарения.

Считали, что бенефиций и его медленное превращение в наследственный феодал присущи только романо-германскому миру. Нет ничего ошибочнее. Под именем «поместья», или земли, связанной со службой, мы находим его и в России, где он сливается с «вотчиной», т. е. владением, находящимся в полной собственности, лишь во времена, близкие к царствованию Петра Великого.

* Обязанность иметь покровителя в Англии восходит до короля Альфреда и даже до более древних времен. На материке она была введена только с 847 г.

Важную роль бенефиция на мусульманском Востоке, где он называется *iktaa*, знает всякий, кто читал классическое описание персидского царства, сделанное Шарденом. Этот французский путешественник, указывая на пожизненный характер, который вначале имели такие пожалования, дает понять, что в его время они уже стали наследственными. Персы называли их *tyoul*, что значит «вечный», и признавали за их владетелями право требовать от земледельцев наследственный оброк и натуральные повинности, более или менее точно определявшиеся обычаем. Такие *iktaa*, или бенефиции, представляют собой учреждение, настолько распространенное в мусульманском мире, что трудно было бы назвать государство, в котором их не было. Великие Моголы вознаграждали ими за службу и военных вождей (джагиров) и гражданских чиновников (талукдаров). Обширные земельные владения, найденные англичанами в Индии, этой стране земельных общин, возникли большей частью в результате того употребления, которое делали из занятых и из пустопорожних земель непосредственные предшественники британской державы. Ко времени захвата Индии англичанами эти бенефиции, так же как и в Персии, превратились в наследственную собственность, и их владельцы приобрели все характерные черты феодального сеньера.

Бенефиций и возникший из него феодал быстро стали очень распространенным учреждением, так как в эпоху, когда денег почти не было, земля являлась единственным средством вознаграждения. Поэтому-то мысль связать землю со службой существовала и на Западе, и на Востоке, где московские князья изображаются летописцами озабоченными подобно другим государям прежде всего мыслью о сохранении земли для обеспечения службы.

И то, и другое — коммендация и бенефиций — должны были неизбежно привести к созданию крупных земельных владений, сосредоточенных в руках сеньеров как светских, так и духовных. Многочисленные документы свидетельствуют о существовании таких владений во Франции, Англии и Германии уже в начале X—XI вв. Гораздо раньше этого времени прекарий и эмфитевзис, выполнявшие в Римской империи ту роль, которая в германском мире выпала на долю коммендации, привели к созданию тех «латифундий», которые Плиний считает одной из причин упадка Италии, заметного уже при его жизни. В русских княжествах, в особенности в Московском, крупное землевладение церквей и монастырей, так же как и бояр, возникло на несколько веков позже, чем в Западной Европе. В Персии и в империи Могола мы видим его в процессе образования уже в эпоху Акбара, современника Карла Великого.

Раз установившись, крупное землевладение везде прини-

мало меры к тому, чтоб не исчезнуть или не уменьшиться. Церковные владения были объявлены неотчуждаемыми. Майораты и субституции сыграли ту же роль по отношению к владениям светским. Статистические данные, которыми мы располагаем, о распределении крупного землевладения в древности и в средние века, к сожалению, очень неполны. Укажем во всяком случае на тот факт, на который так часто ссылались, что вся римская провинция Африка в конце эпохи империи принадлежала всего двум владельцам; и еще на другой факт, что монастырские земли в Англии во время их секуляризации составляли не менее трети всей обрабатываемой земли, что они преобладали также и во Франции перед революцией и что формула *nulle terre sans seigneur* характеризует положение светского землевладения на север от Луары в такой же степени, как и в Англии, где «аллод», мелкая свободная земельная собственность, совершенно исчез после нормандского завоевания и где йомены XV и XVI вв. представляли собой лишь класс, с каждым поколением становившийся все более и более незначительным, прежних наследственных держателей, ставших свободными арендаторами. Что же касается России, то такие историки, как Милютин и Горчаков, оба признают, что добрая половина земли находилась в руках духовенства в эпоху, когда в первый раз была произведена секуляризация монастырских владений, т. е. при Иоанне Грозном, в то время как другая половина, начиная со времени окончательного закрепощения крестьян, распределена была между древними боярскими родами и более новым классом служилых людей, превратившимся со временем в дворянство.

Как только установилось крупное землевладение, сельская община, бывшая вначале свободной, стала крепостной. Эта перемена не затронула непосредственно ни системы хозяйства, ни общинной формы землевладения, так как сеньер удерживал за собой лишь незначительную часть земли, оставляя почти всю ее в руках прежних ее собственников, ставших теперь его наследственными держателями.

Таким образом, в Англии сельские общины (*village communities*) продержались в течение всех средних веков, так же как и система равных долей, предоставляемых каждому крестьянскому хозяйству в каждом возделываемом поле. Во Франции и в Германии общины, перейдя к порядку раздела и передачи в частную собственность пахотной земли и лугов, сохранили предоставление всем своим членам пользования общими лесами и общими пастбищами, известными во Франции под именем *communaux*, в Германии — *allmenden* или *gemeinberechtigkeiten*; только это пользование, уже не свободное, как раньше,

было обложено определенной ежегодной платой в пользу сеньера. Так и в России, несмотря на полное закрепощение крестьян уже при последних Рюриковичах, сохранились периодические переделы и система обмена участками, как и бесплатный выпас скота и пользование общинными лесами и пастбищами.

Что крепостные сохранили известные права на свои земли, самым осязательным образом доказывается тем, что, когда стали возводить ограды и земля сеньера была изъята из режима нераздельности, государство сочло нужным требовать от феодального владельца обязательного оставления в руках крестьян определенной части общинного леса и общинных пастбищ. Земля была разделена при этом на три части. В исключительном пользовании крестьян осталась одна или две трети того, что раньше составляло их общую собственность с сеньером.

То, что мы сочли нужным сообщить относительно земельной собственности в феодальную эпоху, дает нам возможность установить следующее положение. В прямую противоположность тому, что неоднократно говорилось об этом предмете, феодализм не привел к разложению сельской общины, он только изменил ее характер, и из свободной, какой она была вначале, община сделалась крепостной. Крестьянин сохранил пользование своей землей, он остался общинником, каким он был в предшествующую эпоху; совершенно изменилось только его личное положение, и его общинные права должны были подчиниться требованиям службы и платежей, которые возложил на него его сеньер.

Гораздо более решительный переворот в истории общинного землевладения, чем дворянство и духовенство, произвела буржуазия, как только она пришла к власти. Найдя землю занятой как сеньером, так и общинником-крестьянином, она не захотела склониться перед требованиями давно установившегося порядка вещей, а объявила открытую войну этим остаткам прошлого, тем более для нее ненавистным, что они делали невозможной хозяйственную и разумную эксплуатацию производительных сил земли. Неотчуждаемость церковных земель, исключительное право дворянства на владение землями, занятыми крестьянами, запрещение делить общинную землю и продавать ее участками — все это буржуазия смела начисто. Субституты и майораты прекратили свое существование, и крестьянам было разрешено путем выдела выходить из режима нераздельности, в котором они жили, — и все это для того, чтобы сделать землю продажной и поэтому могущей быть приобретенной новым классом, который только что образовался.

Считая, что все эти меры недостаточны для достижения поставленной цели, буржуазия пошла дальше: уже начи-

ная с XIV в. она открыто поставила вопрос, должна ли земля оставаться в руках людей, назначение которых, по самому существу своему, не быть связанными ни с чем мирским, и не лучше ли бы поэтому отобрать ее у духовенства и в особенности у монахов. В результате секуляризация монастырских земель произошла сначала в Англии и Германии в течение XVI и XVII вв., а затем и во Франции в эпоху революции. Что же касается России, то она завершилась лишь очень недавно, и опять-таки под влиянием революционного потока, хлынувшего из Франции.

Те же столетия были свидетелями не менее значительной перемены, происшедшей во взаимных отношениях земли и ее извечного радетеля — крестьянина. Свободный арендатор, владеющий капиталом, заменил собой наследственного держателя, который в свою очередь шел в города увеличивать там число ремесленников и пролетариев. Но чтобы достичь этого результата, необходимо было ввести в жизнь новый принцип допущения раздела общинного имущества, которое до сих пор признавалось неотчуждаемым и которое могло сделаться предметом свободного обмена только при этом условии. Для защиты такой системы экономисты двух последних столетий проводят мысль, что земля может быть действительно интенсивно обрабатываема лишь в том случае, если земледельцу будет обеспечен весь доход с капитала, который он вложил в землю. И так как это невозможно при существовании периодических переделов и при режиме нераздельности, то, по их мнению, законодатель должен взять на себя инициативу отмены такой системы. Этому совету охотно последовали, и различные государства прошлых веков, и теперешние наперерыв друг перед другом вводили у себя свободу разделов. Совершавшаяся в большинстве государств почти на наших глазах, эта эволюция в Англии произошла уже несколько веков назад, и это благодаря огромному значению, которое с конца средних веков приобрели там овцеводство и шерстяная промышленность. Так как эта последняя взяла верх над земледелием, то городские капиталы двинулись в деревню, в ней появилась буржуазия, которая вытеснила крестьянина из его когда-то неприступной крепости, отчасти же заставила его служить себе в качестве работника, а сама осела в деревне в образе известного нам *middleman*'а, арендатора на определенный срок. Общинные поля, когда-то открытые для пользования всем членам сельской общины, были огорожены, и, походящему в английской литературе XVI в. выражению, пастух и его стадо заняли то место, где когда-то находилась сотня хозяйств.

На протяжении нескольких веков то же явление происходит во Франции, Германии и в России, причем в одной

из этих стран оно было задержано конфискацией земельных владений эмигрантов, дворян и духовных лиц и демократическим способом использования этой земли путем продажи ее мелкими участками; в другой — в большей или меньшей степени его предупредили организацией кредита, доступного и дворянам и сельскому населению. Однако все эти меры, являющиеся лишь паллиативом, не мешают городскому купцу и разбогатевшему крестьянину, в России получившему название кулака, скупать все большее и большее число имений разорившихся дворян и наделов крестьян, обнищавших под непосильным бременем налогов. Это происходит больше всего в России, тогда как в Германии, в частности в Пруссии, система покровительства, практикуемая правительством по отношению к землевладельцам, как дворянам, так и разночинцам, на время задерживает процесс их обезземеления.

Таким образом, то прямо поощряемое государством, стремящимся к введению более интенсивных форм сельского хозяйства, то предупреждаемое и задерживаемое из соображений общего блага или в интересах класса, разложение общинного землевладения уже завершилось или происходит еще в наше время, и этот порядок, просуществовавший несколько столетий и имевший свои дни величия, видимо приходит в упадок, уступая место индивидуальной собственности.

Ее окончательным торжеством кончается задача, которую мы себе поставили. Мы не будем поэтому следить за всеми превратностями, которые испытала эта индивидуальная собственность, за тем, как она боролась и еще теперь борется с различными препятствиями, создаваемыми ей остатками старого порядка, например, запрещением завещать чужеродцу отцовское или материнское имение или предоставлением даже отдаленным родственникам права выкупа, еще до сих пор существующей в России привилегией дворянского класса, майоратами и субституциями, в чем примером может служить нам Англия, а также другими средневековыми нелепостями, которые, ввиду их полного несоответствия духу времени, чувству равенства и принципу свободного обмена, в конце концов неминуемо исчезнут.

Прежде чем закончить свой курс, позвольте мне коснуться еще одного предмета, возбуждающего в наши дни большие споры и потому вполне актуального; я имею в виду вопрос о вмешательстве государства в область собственности.

Из того, что преграды, которые ставятся свободному распоряжению имуществом и которые являются наследием прошлого, будут по необходимости отменены, следует ли, что отныне частная собственность не должна терпеть никаких стеснений и что за владельцем надлежит признать

неограниченное право пользоваться и даже злоупотреблять своим имуществом? Указание, которое нам дает по этому вопросу история, расходится с таким мнением. Во все времена владение собственностью подчинялось известным правилам. Эти правила внушались иногда семейными интересами, иногда интересами общины, а иногда класса. Отдельное лицо всегда в пользовании своим имуществом находилось под контролем, сначала под контролем своей семейной общины, потом — своих соседей вообще, таких же общинников, как он сам, наконец, людей одного с ним класса или положения. Если интересы владельца вступали в конфликт с интересами той группы, к которой он принадлежал, они заранее оказывались принесенными в жертву.

Будет ли иначе в настоящее время, и неужели государство, которое во многих отношениях заняло место, оставшееся свободным с исчезновением семейной общины, сельской общины и наследственных обособленных сословий, не будет иметь права возвысить свой голос и сказать собственнику: «Ты не пойдешь дальше в пользовании тем, что составляет твое имущество, ты не будешь злоупотреблять им во вред своему ближнему. Земля принадлежит всем; без нее нет домашнего очага, нет и жизни. Она является великой кормилицей, общей матерью, почитаемой всеми возрастами. А если так, то, хотя ты и собственник, ты живешь не для того, чтобы отымать ее у тебе подобного. Если же ты будешь упорствовать в своем злокозненном и безрассудном намерении, то у меня достаточно силы и воли, чтобы помешать тебе в этом».

Я полагаю, что за государством должно быть признано право вмешательства и контроля, и современные законодательства, повидимому, подтверждают мое мнение тем, что часто пользуются им. Если можно в настоящее время запретить отдельной личности рубить свой лес или выпускать нечистоты в речку, орошающую его поля, если можно, на законном основании, экспроприировать его жилище, для того чтобы провести улицу, или канал, или железнодорожный путь, то я не вижу, почему бы государству не сделать более широкого употребления из своего права опеки в интересах всего класса земледельцев и рабочих? Притом же оно это и делает отчасти. Так, освобождение русских крестьян было бы невозможно, если бы законодатель, уступая настояниям таких людей, как Николай Милютин, не принял принципа принудительного выкупа земли у помещиков-дворян. А то что может допустить одно государство, столь преисполненное дворянскими предрассудками и столь мало доступное либеральным идеям, почему бы не допустить этого и другим странам, в которых общественное мнение всемогуще и человеческой мысли доступен свободный по-

лет, где «наибольшее благо наибольшего числа людей», по формуле Сен-Симона, является постоянной заботой законодателя и где филантропия становится модой или болезнью.

Поэтому я думаю, что вмешательство государства в распоряжение собственностью будет со дня на день усиливаться. Я вижу, как мы вступаем в период больших социальных реформ, которые покажутся неожиданными только тем, кто не способен на основании прошлого и настоящего провидеть будущее. Сомневаться в возможности подобных реформ не значит ли отрицать способность человека к совершенствованию, а вместе с нею и прогресс, вера в который является единственным верованием, которое нам осталось из всех, уже утраченных нами?

СПИСОК АВТОРОВ

Абул-феда, Исмаил (1273—1331), арабский историк и географ.

Авл Геллий (жил во II в.), римский писатель, автор *Noctes atticae*, имеющих философское и литературное содержание.

Адам Бременский (жил во второй половине XI в.), германский историк, автор *Descriptio insularum aquilonis* — важнейшего источника по этнографии севера Европы его времени.

Аренс, Генрих (Ahrens, 1808—1874), немецкий юрист, глава органического учения о праве и государстве, автор ряда работ по государственному праву и философии права.

Арнольд, Христофор-Фридрих-Вильгельм (Arnold, 1826—1883), немецкий историк права, автор: «*Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten*», Basel 1861, и ряда других работ по ранней истории Германии.

Бахофен, Иоганн-Яков (Bachofen, 1815—1877), выдающийся швейцарский юрист, историк и археолог, положивший начало истории брака и семьи; его основной труд: «*Das Mutterrecht*», Stuttgart 1861; переиздание Basel 1897.

Бертон, Ричард (Burton, 1821—1890), английский путешественник по Африке, автор ряда описаний своих путешествий.

Богичиц, Валтасар (Bogišić, 1837—1908), славянский юрист и этнограф, составитель кодекса законов Черногории, исследователь обычного права славян, с 1870 по 1890 г. — преподаватель истории славянских законодательств в Одесском университете, автор: «*Zbornik sadašnjih pravnih abicaja i juznich slovena*», Zagreb 1874 (изложение этого труда: *Deme-lic F.*, *Le droit coutumier des slaves méridionaux d'après les recherches de Mr Bogišić*, «*Revue de législation ancienne et moderne*», 1876; русский перевод: «Юридический вестник», 1876, №№ 10—12); «*Sur la forme dite inokosna de la famille rurale chez les serbes et les croates*», Paris 1884 (русский перевод: «Журнал Министерства народного просвещения», 1885, 2) и ряда других трудов.

Бомануар, Филипп (Beaumaupoir, 1246—1296), французский юрист, составитель сборника обычного права феодальной эпохи — кутюмов, провинции Бовези: «*Coutumes de Beauvaisis*»; новейшее издание: 2 vls, Paris 1899—1900.

Бохари, Абу-Абдаллах-Мохамед (810—870), мусульманский ученый и путешественник, родом из Бухары, составитель сборника мусульманских преданий.

Буркхардт, Иоганн (Burckhardt, 1784—1817), швейцарский ученый и путешественник, автор ряда описаний своих многолетних странствований по Нубии, Сирии, Аравии и Палестине, изданных на английском языке.

Бэкон, Роджер (Bacon, 1214—1294), монах, английский философ и естествоиспытатель.

Вайц, Теодор (Waitz, 1821—1864), немецкий ученый, автор одного из первых сводных сочинений по антропологии и этнографии: «*Anthropologie der Naturvölker*», 6 vls, Leipzig 1859—1872.

- Варрон*, Марк-Терренций (116—27 до н. э.), римский ученый и поэт.
- Вилькен*, Георг-Александр (Wilken, 1847—1891), прогрессивный голландский ученый, автор ряда работ по этнографии и обычному праву индонезийских и малайских народностей и по этнологии, а равно монографии: «Het matriarchaat bij de oude Arabieren», Amsterdam 1884.
- Виолэ*, Поль (Viollet, 1840—1900), французский историк права, автор: «Précis de l'histoire du droit français», Paris 1885, и других работ.
- Вовнарг*, Люк Клапье (Vauvenargues, 1715—1747), французский писатель-моралист.
- Гай* (жил во II в.), римский юрист, составитель руководства по римскому праву, так называемых «Институций».
- Гегель*, Георг-Вильгельм-Фридрих (Hegel, 1770—1831), немецкий философ-идеалист.
- Гейгер*, Вильгельм (Geiger, 1856—1925), немецкий иранист и индолог, автор: «Ostiranische Kultur im Altertum», Erlangen 1882.
- Гейслер*, Андреас (Heusler, 1834—1921), швейцарский юрист, историк германского права, автор: «Institutionen des deutschen Rechts», 2 vls, Leipzig 1885—1886.
- Геродот* (ок. 484—425 до н. э.), старейший греческий историк.
- Глассон*, Эрнест (Glasson, 1839—1907), французский юрист, автор: «Le mariage civil et le divorce dans l'antiquité et dans les principales législations modernes de l'Europe», Paris 1880, и ряда других капитальных работ.
- Гоббс*, Томас (Hobbes, 1588—1679), английский философ-материалист, автор: «Leviathan, or the matter, form and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil», Amsterdam 1651, существует русский перевод.
- Гольдцигер*, Игнац (Goldziher, 1850—1921), венгерский ориенталист, автор ряда работ по истории арабской литературы и культуры и по истории магометанства.
- Гомер*, легендарный автор греческих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи».
- Горчаков*, Михаил Иванович (1838—1910), протонерей, историк и исследователь церковного права, автор: «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего синода», СПб 1871.
- Дарвин*, Чарльз-Роберт (Darwin, 1809—1882), великий английский естествоиспытатель, научно обосновавший эволюционную теорию в биологии.
- Даргун*, Лотар (Dargun), профессор в Кракове, автор работы «Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben», Breslau 1883, впервые разработавший вопрос о матриархате в прошлом германцев.
- Дарест*, Родольф (Dareste, 1824—1911), французский юрист, автор многочисленных работ по истории права.
- Дионисий*, так называемый Галикарнасский (жил в I в. до н. э.), греческий историк, автор сочинения «Римские древности».
- Дю-Шайю*, Поль (Du Chaillu, 1835—1903), французско-американский путешественник по экваториальной Африке, автор ряда описаний своих путешествий.
- Ефименко*, Александра Яковлевна (1848—1919), выдающаяся исследовательница русского обычного права и русской общины; основные работы: «Исследования народной жизни», Москва 1884, куда вошла ее работа: «Крестьянское землевладение на крайнем Севере», и «Южная Русь», 2 тома, СПб 1905.
- Жид*, Поль (Gide, 1832—1880), французский юрист, автор: «Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne», Paris 1867; 2-е изд. 1885; существует русский перевод.
- Ибн-Фадлан*, арабский путешественник, посетивший в 921 г. хана поволжских болгар и составивший описание жизни и быта болгар, хозар, башкир и руссов, сохранившееся лишь в отрывках.

Иванюков, Иван Иванович (1844—1912), экономист, автор курса «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений», СПб 1891; ряд последующих изданий.

Иеринг, Рудольф (Ihering, 1819—1892), немецкий юрист, основатель социологической школы в юриспруденции, автор: «Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung», 1852—1854 (ряд переизданий), и значительного числа других работ.

Казвини, Захария-ибн-Мухамед (ум. в 1283 г.), арабский писатель и путешественник, автор энциклопедического сочинения «Чудеса мироздания и памятники стран», содержащего обширный этнографический материал.

Кальвин, Жан (Calvin, 1509—1564), знаменитый французский богослов, основатель так называемого кальвинистического вероисповедания, автор ряда богословских сочинений.

Капустин, Семен Яковлевич (1828—1891), публицист-экономист, автор: «Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей», СПб 1877.

Кейслер, Иван Августович (Keussler, 1843—1896), немецко-русский экономист, исследователь русского крестьянского хозяйства, автор: «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», 4 Theile, St. Petersburg 1876—1887.

Козьма Пражский (1046—1125), чешский летописец, составитель известной под его именем «Хроники».

Колер, Иосиф (Kohler, 1849—1919), немецкий юрист, видный представитель школы этнологического правоведения, автор ряда статей по истории брака и семьи, по индуcскому праву, по обычному праву различных народов и пр.

Коллинз, Самуэль (Collins), английский врач, состоявший с 1659 по 1667 г. при царе Алексее Михайловиче и издавший описание России его времени.

Колонна, Эгидий (Colonna, 1247—1316), итальянский ученый монах, автор ряда политико-богословских сочинений.

Конт, Огюст (Comte, 1798—1857), французский философ и социолог, глава так называемой «школы позитивистов», носившей реакционный характер; ввел в буржуазную науку термин «социология».

Котошихин, Григорий Карпович (ок. 1630—1667), подьячий и дипломатический деятель, в 1664 г. эмигрировавший сначала в Польшу, затем в Швецию, где написал сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», впервые изданное в 1840 г.; 4-е издание 1906.

Лавеле, Эмиль (Laveleye, 1822—1892), французский социолог, автор книги: «De la propriété et de ses formes primitives», Paris 1874; 5-е изд., 1901, содержащей основательное исследование родовой, соседской и домово́й общины и коллективной собственности (существует русский перевод).

Лампрехт, Карл (Lamprecht, 1856—1915), немецкий историк, автор: «Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter», 3 vls, Leipzig 1885—1886; «Deutsche Geschichte», 12 vls, Berlin 1891—1909 (существует русский перевод), и ряда других работ.

Ламуаньон, Франсуа (Lamoignon, 1644—1709), французский юрист.

Лафито, Жозеф-Франсуа (Lafitau, 1670—1740), французский миссионер, пробы́вший пять лет в Канаде, автор: «Moeurs des sauvages américaines comparées aux mœurs des premiers temps», Paris 1724.

Леббок, Джон (Lubbock, 1834—1913), английский этнолог, археолог и естествоиспытатель, автор ряда популярных сочинений, оказавших в свое время большое влияние на буржуазную этнологию.

Леже, Луи (Léger, род. в 1843 г.), французский филолог-славист, автор ряда работ по истории славянских языков, фольклора и литературы.

Ленорман, Франсуа (Lenormand, 1837—1883), французский археолог и историк древнего Востока.

Ле-Пле, Фредерик (Le Play, 1806—1882), реакционный французский социолог и экономист, неоднократно бывавший в России, автор: «La reforme sociale en France», Paris 1861—1862; 7-е изд. 1887.

Лерминье, Жан-Луи-Эжен (Lerminier, 1803—1857), французский юрист, автор ряда работ по истории права и философии.

Леруа-Болье, Анатолий (Leroy-Beaulieu, 1842—1912), французский публицист, совершивший в 1872—1881 гг. ряд путешествий по России, результатом которых явилось его сочинение: «L'empire de tsars et les russes», 3 vls, Paris 1881—1883; 4-е изд. 1897.

Летурно, Шарль (Letourneau, 1831—1902), французский социолог-эволюционист, автор большого числа работ, основанных на этнографическом материале, по истории брака и семьи, собственности, морали, права, торговли, религии и пр.

Лешков, Василий Николаевич (1810—1881), реакционный юрист, славянофил, председатель Московского юридического общества.

Локк, Джон (Locke, 1632—1704), английский философ, сочетавший элементы психологизма и материализма; выступил с критикой сочинения Фильмера (см.) в книге: «Two treatises on civil government», London 1689.

Лукиан (ок. 120—180), греческий писатель и сатирик.

Лэнг, Эндрю (Lang, 1844—1912), английский этнолог, автор: «Custom and myth», London 1884, 2-е изд. 1885; «Myth, ritual and religion», 2 vls, London 1887; переиздания: 1906 и 1913; «Magic and religion», New York 1901, и др.

Лундель, Иоганн-Август (Lundell, род. в 1851 г.), шведский филолог.

Лютер, Мартин (Luther, 1483—1549), знаменитый немецкий богослов, основатель протестантского вероисповедания, автор ряда религиозно-догматических сочинений.

Мак Леннан, Джон Фергюсон (Mac Lennan, 1827—1881), английский этнолог, автор: «Primitive marriage», Edinburgh 1865; переиздания: 1876 и 1886; «The patriarchal theory», London 1885.

Маркульф (жил в VII в.), франкский монах, составитель сборника правовых формул.

Марциус, Карл-Фридрих (Martius, 1798—1868), немецкий ботаник и путешественник, автор: «Von dem Rechtzustande unter den Ureinwohnern Brasiliens», München 1832 — первого в литературе исследования обычного права отсталых народностей (перепечатано в его же: «Beiträge zur Ethnographie und Sprachkunde America's zumal Brasiliens», 2 vls, Leipzig 1867; см. vol. I).

Маурер, Георг-Людвиг (Maurer, 1790—1872), выдающийся немецкий историк и юрист, исследователь экономического и общественного строя древних германцев, видный представитель так назыв. «марковой теории», автор: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt», München 1854; 2-е изд.: Wien 1896 (существует русский перевод), и ряда других работ.

Мацейковский, Вацлав-Александр (Macejowski, 1793—1883), польский историк славянского права, автор: «Historja prawodawstw slowianskich», 4 vls, Warszawa 1832—1836; 2-е изд.: 6 vls, 1856—1862; существует русский перевод первого тома.

Мен, Генри Сомнер (Maine, 1822—1888), реакционный английский юрист, историк права, рьяный представитель патриархальной теории, автор: «Ancient law», London 1861; «Village-communities in the East and West», London 1871; «Early history of institutions», London 1875; «Dissertation on early law and custom», London 1883; все эти сочинения имеются в русском переводе.

Местр, де, Жозеф (de Maistre, 1753—1821), реакционный французский писатель и дипломат, мистик и ярый защитник монархизма.

Миллер, Всеволод Феодорович (1846—1913), академик, выдающийся языковед, фольклорист и этнограф.

Милютин, Владимир Алексеевич (1826—1855), юрист и историк, автор: «О недвижимых имуществах духовенства в России», в «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1859—1861.

Милютин, Николай Алексеевич (1818—1872), экономист и политический деятель, видный участник реформы 60-х годов XIX в.

Моль, Роберт (Mohl, 1799—1875), немецкий юрист-государствовед и политический деятель.

Моммзен, Теодор (Mommsen, 1817—1903), немецкий юрист и историк, автор ряда капитальных трудов преимущественно по римской истории и истории римского права.

Морган, Льюис Генри (Morgan, 1818—1881), великий американский ученый, этнограф и археолог, положивший основание научной истории первобытного общества; главные труды: «Systems of consanguinity and affinity of the human family» (Smithsonian Institution, Contributions to knowledge, v. XVII), Washington 1870; «League of the Iroquois», Rochester 1851, ряд переизданий; «Ancient society», New York 1877, ряд переизданий; «Houses and house-life of american aborigines» (Contributions to North American Ethnology, N 4), Washington 1881. Последние два труда имеются в русском переводе.

Мунцингер, Вернер (Munzinger, 1832—1875), швейцарский путешественник и колониальный администратор в Африке, автор двух старейших работ по этнографии восточной Африки: «Ueber die Sitten und Recht der Bogos», Winterthur 1859; «Ostafrikanische Studien», Schaffhausen 1864; 2-е издание; Basel 1883.

Муромцев, Сергей Андреевич (1850—1910), юрист, профессор Московского университета, впоследствии председатель I Государственной думы, автор: «Гражданское право древнего Рима», М. 1883.

Накэ, Альфред (Naquet, 1834—1916), французский химик и либеральный политический деятель, долголетний член парламента.

Неарх (жил в IV в. до н. э.), полководец, сподвижник Александра Македонского, участник его похода в Индию, автор сохранившегося в отрывках описания этого похода.

Нестор (1056—1114), монах Киево-печерского монастыря, предполагаемый составитель древнейшей русской летописи.

Николай Дамасский (род. ок. 64 г. до н. э.), греческий историк и философ, автор «Всемирной истории», сохранившейся в отрывках.

Оливекрона, К. (Olivecrona), шведский юрист, автор работы: «Précis historique de l'origine et du développement de la communauté des biens entre epoux», «Revue historique de droit français et étranger», juillet — août 1865.

Орлов, Василий Иванович (1848—1885), земский статистик, экономист и общественный деятель, автор ряда работ.

Павсаний (жил во II в.), греческий писатель и путешественник, автор «Описания Эллады».

Пальгрев, Вильям (Palgrave, 1826—1888), английский путешественник, автор: «Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia», London 1875; существует русский перевод.

Папиньян, Эмилий (140—212), римский юрист.

Пауэль, Джон (Powell, 1834—1902), американский геолог и этнограф, первый директор этнологического бюро Смитсоновского института, автор ряда этнографических работ.

Пахман, Семен Викентьевич (1825—1910), юрист, историк права, автор работы: «Обычное гражданское право в России», 2 тома, СПб 1877—1879.

Петр Ломбард (жил в XII в.), французский богослов.

Платон (427—348 до н. э.), греческий философ-идеалист.

Плиний, Кай Цецилий, «Младший» (62—114), римский писатель.

Плутарх, (ок. 50—120), греческий историк, автор жизнеописаний выдающихся людей древней Греции и Рима, содержащих большой историко-бытовой материал.

Полибий (ок. 204—122 до н. э.), греческий историк, автор «Истории римского государства».

Поло, Марко (Polo, 1254—1324), итальянский купец, путешественник по Востоку, впервые сообщивший в своих записках обильные и разнообразные сведения о посещенных им странах.

Помпоний Мела (жил в I в.), римский географ.

Посевин, Антоний (1534—1611), иезуит, дважды посетивший в качестве папского посла Россию, автор описания Московского государства.

Потанин, Григорий Николаевич (1835—1920), путешественник; отбывал ссылку в Вологодской губернии; исследователь Сибири, Центральной Азии, Монголии и Китая, автор ряда трудов, имеющих географическое и этнографическое содержание.

Прудон, Пьер-Жозеф (Proudhon, 1809—1865), французский социалист-утопист, один из основоположников анархизма.

Ренап, Эрнест (Renan, 1823—1892), французский ученый, историк Иудеи и христианства, автор: «Histoire du peuple d'Israel», 5 vls, Paris 1891—1894 (ряд последующих изданий), и большого числа других трудов.

Руссо, Жан-Жак (Rousseau, 1712—1778), французский философ-идеалист, автор: «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes», 1754, «Contrat sociale», 1762, и ряда других сочинений.

Санхуниафон, легендарный древнефиникийский писатель, предполагаемый автор «Финикийской истории», сохранившейся лишь в извлечениях.

Сарычев, Гавриил Андреевич (1763—1831), лейтенант, впоследствии адмирал, участник экспедиции 1785—1793 гг. в Берингов пролив, автор двух описаний этой экспедиции: «Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану», СПб 1802, и «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю», СПб 1811, содержащих ценный этнографический материал.

Сен-Симон, Анри (Saint-Simon, 1760—1825), французский мыслитель, один из великих представителей утопического социализма.

Сибом, Фредерик (Seebom, 1833—1912), английский историк, автор: «The english village community», London 1883, «Tribal custom in anglo-saxon law», London 1902.

Сильвестр (ум. ок. 1566 г.), протопоп, политический деятель Московского государства, редактор «Домостроя».

Скулькрефт, Генри (Schoolcraft, 1793—1864), американский геолог, путешественник и этнограф, автор: «Historical and statistical informations respecting the indian tribes of the United States of America», 6 vls, Washington 1851—1857.

Смит, Вильям Робертсон (Smith, 1846—1894), выдающийся английский семитолог, автор: «Kinship and marriage in early Arabia», Cambridge 1885; новое издание: London 1903, и ряда других трудов.

Соколовский, Павел Александрович (1842—1906), историк-экономист, автор: «Очерк истории сельской общины на севере России», СПб 1877, и «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом», СПб 1878.

Спасович, Владимир Данилович (1829—1906), юрист и либеральный политический деятель, автор: «Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву», СПб 1857, и ряда других юридических и историко-литературных работ.

Спенсер, Герберт (1820—1903), английский философ и социолог, автор: «The principles of sociology», 3 vls, London 1876—1896, в значительной части посвященных первобытной истории, и ряда других трудов.

Старке, Карл-Николай (Starcke, 1858—1926), реакционный датский философ и социолог, автор: «Den primitive Familie», København 1886; немецкий перевод: «Die primitive Familie», Leipzig 1888; существует русский перевод; сочинение это явилось первоисточником буржуазных извращений в истории брака и семьи.

Страбон (ок. 63 до н. э. — 21), греческий географ, сочинение которого «География» содержит обширный этнографический материал.

Сурита, Алонзо (Zurita, жил в середине XVI в.), испанский историк, проживший двадцать лет в Мексике, автор одного из первых сочинений о древней Мексике.

Тацит, Корнелий (ок. 55—120), римский историк, автор монографии о Германии, содержащей ценнейший историко-этнографический материал.

Тьер, Луи-Адольф (Thiers, 1797—1877), французский историк и реакционный политический деятель, палач Парижской Коммуны, автор: «Du droit de propriété», Paris 1848, имеется ряд переизданий.

Тэйлор, Эдуард Беннет (Tylor, 1832—1917), английский этнолог, автор теории анимизма и так называемого «метода пережитков»; его основное сочинение «Primitive culture», London 1871 (ряд переизданий, существует русский перевод), остается классической работой по этнологии.

Узо, Жан-Шарль (Houzeau, 1820—1888), бельгийский естествоиспытатель, автор: «Etudes des facultés mentales des animaux, comparées à celles de l'homme», 2 vls, Mons 1872.

Файсон, Лоример (Fison, 1832—1907), английский миссионер, выдающийся этнограф, работавший на островах Фиджи и в Австралии, ученик Л. Г. Моргана, соавтор вместе с Хаунттом (см.) книги: «Kamilaroi and Kurnai», Melbourne 1880.

Фильмер, Роберт (Filmer, 1604—1653), английский политический писатель, ярый монархист, виднейший представитель патриархальной теории, автор: «Patriarcha, or the natural power of kings», London 1680.

Фотий (умер в 1431 г.), митрополит «киевский и всея Руси», автор ряда «поучений».

Фриман, Эдуард (Freeman, 1823—1892), английский либеральный историк, автор: «History of the Norman conquest of England», 6 vls, Oxford 1867—1879.

Фюстель де Куланж, Нюма-Дени (Fustel de Coulanges, 1830—1889), выдающийся французский историк античности и феодализма; автор: «La cité antique», Paris 1864; ряд переизданий, и «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France», 6 vls, Paris 1875—1892; обе работы существуют в русском переводе.

Хаунт, Альфред Вильям (Howitt, 1830—1908), выдающийся австралийский этнограф, соавтор вместе с Файсоном (см.) книги: «Kamilaroi and Kurnai», Melbourne 1880, и автор монографии: «The native tribes of south-east Australia», London 1904.

Цезарь, Гай Юлий (102—44 до н. э.), римский полководец, политический деятель и писатель, с 48 г. — диктатор Рима; автор: «De bello gallico» — ценнейшего источника сведений о населении древней Германии и Британии его времени.

Чупров, Александр Иванович (1842—1908), экономист, статистик и публицист.

Шарден, Жан (Chardin, 1643—1713), французский купец-путешественник по Кавказу, Персии и другим странам ближнего Востока, автор: «Voyage en Perse et autres lieux de l'Orient»; первое издание неполное: London 1686; первое полное издание: Amsterdam 1711; ряд переизданий.

Шпилевский, Сергей Михайлович (1833—1907), историк русского права и археолог, видный славянофил, автор: «Союз родственной защиты у древних германцев и славян», Казань 1866, и «Семейные власти у древних славян и германцев», Казань 1869.

Штоббе, Иоганн-Эрнст-Отто (Stobbe, 1831—1887), немецкий юрист, автор: «Beiträge zur Geschichte des deutschen Recht», 1865, и «Handbuch des deutschen Privatrechts», 5 vls, 1871—1885; 3-е изд.: 1893.

Эльфинстон, Маунт Стюарт (Elphinstone, 1778—1859), английский историк и колониальный деятель, глава посольства в Афганистан, автор: «An account of the kingdom of Caubul, etc.», London 1815, новое пересмотренное издание: 2 vls, London 1842.

Эспинас, Виктор-Альфред (Espinas, 1844—1922), французский социолог, автор: «Les sociétés animales», Paris 1877; ряд переизданий; существует русский перевод.

Эсхил (525—456 до н. э.), греческий драматург.

Юстиниан I (483—565), византийский император, которому приписывается составление кодекса римского права, известного под наименованием «Институций Юстиниана».

Ягич, Игнатий Ватрослав (1838—1923), хорват по национальности, филолог-славист, научная деятельность которого протекала в России, Австрии и Германии; автор ряда научных трудов.

СПИСОК РАБОТ М. М. КОВАЛЕВСКОГО ПО ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

1876

1. Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт, Лондон 1876; *немецкий перевод*: Umriss einer Geschichte der Zerstückelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt, Zürich 1876.

1878

2. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений (вступительная лекция к курсу сравнительной истории права), «Юридический вестник» № 1, М. 1878; *переработано*, см. № 4.

1879

3. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. 1-я, М. 1879.

1880

4. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права, М. 1880.

1883

5. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа, «Русская мысль» № 12, М. 1883; *переработано*, см. № 21.

1884

6. В горских обществах Кабарды, «Вестник Европы» № 4, СПб 1884 (в соавторстве с В. Ф. Миллером).

1885

7. Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в., «Юридический вестник» № 1, М. 1885.

8. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин, «Юридический вестник» № 6/7, М. 1885; *переработано*, см. № 12.

1886

9. У подошвы Эльбруса, «Вестник Европы» № 1—2, СПб 1886.

10. В Сванетии, «Вестник Европы» № 8—9, СПб 1886 (в соавторстве с И. И. Иванюковым); *переработано*, см. № 21.

11. Древнегерманская марка. Ответ Фюстель де Куланжу, «Юридический вестник» № 5, М. 1886.

12. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, 2 тт., М. 1886; *французский перевод*: Coutume contemporaine et loi ancienne, Droit coutumier ossétien, éclairé par l'histoire comparée, Paris 1893.

13. Первобытное право, вып. I: Род, вып. II: Семья, М. 1886.

1887

14. Происхождение частного землевладения у алеманов, «Юридический вестник» № 1—2, М. 1887.

1888

15. Пшавы, этнографический очерк, «Юридический вестник» № 2, М. 1888; *перепечатано*, см. № 21.

16. Родовое устройство Дагестана, «Юридический вестник» № 12, М. 1888; *итальянский перевод*: L'organizzazione del clan nel Daghestan. «Rivista italiana di sociologia», 2, 1898, № 3; *перепечатано*, см. № 21.

17. Заметки о юридическом быте татов, «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XLVIII, вып. II; «Труды Этнографического отделения», кн. 8, М. 1888.

18. Iranian culture in the Caucasus, «The Archeological Review», 1, № 4, London 1888.

1889

19. Сельская община в Закавказье (С. А. Егиазаров, Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. 1-я, Сельская община, [Казань 1889]), «Юридический вестник» № 6/7, М. 1889.

1890

20. Дагестанская народная правда, «Этнографическое обозрение» № 1, М. 1890; *английский перевод*: The Lex Barbarorum of the Daghestan, «Journal of the Anthropological Institute», 25, London 1905; *переработано*, см. № 21.

21. Закон и обычай на Кавказе, 2 тт., Москва 1890; *французский перевод* главы «Матриархат»: La famille matriarchale au Caucase, «Anthropologie», 4, Paris 1893.

22. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, Skrifter utgifna af Lörénska Stiftelsen, Publications de l'Institution Lorén, № 2, 1890, Stockholm 1890; *русский перевод*: Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Лекции, читанные в Стокгольмском университете, перевод с французского М. Иолшина, СПб 1895; 2-е изд., СПб 1896; *испанский перевод*: Orígenes y evolución de la familia y de la propiedad, Trad. al español por Ferrer y Robert, Barcelona 1913.

1890—1891

23. Etudes sur le droit coutumier russe [Premier article], «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 14, № 3, Paris 1890. Deuxième article, De l'appropriation du sol par le travail en Petite-Russie et en Ukraine, «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», 15, № 4, Paris 1891; *русский перевод* 2-й статьи: Труд как источник права собственности на землю в Малороссии и на Украине, перевод с французского Н. В-ча, «Юридический вестник» № 5/6, М. 1892.

1891

24. Modern customs and ancient laws of Russia, being the Ilchester lectures for 1889—1890, London 1891.

1896

25. Le passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle, «Annales de l'Institut international de sociologie», t. II, Travaux du second congrès tenu à Paris en septembre—octobre 1895, Paris 1896.

1897

26. Le système du clan dans le pays de Galles, «Revue internationale de sociologie», 5, № 3, Paris 1897.

1901

27. Le problème du droit comparé, ses méthodes et son rapport avec la sociologie, «Annales de l'Institut international de sociologie», t. VI, contenant les travaux de l'année 1899, Paris 1901.

1905

28. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права, 2 выпуска, «Библиотека самообразования», изд. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, приложение к журналу «Вестник и Библиотека самообразования» за февраль—март 1905 г. [СПБ 1905].

1910

29. Социология, т. II, Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности, СПБ 1910.

1914

30. Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии, в книге: «Итоги науки в теории и практике», т. X, Москва 1914, стр. 3—213.

31. Обособление дозволенных и недозволенных действий, в книге: «Новые идеи в социологии», неперіодическое издание, выходящее под редакцией М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти, сб. № 4, Генетическая социология; I, СПБ 1914, стр. 84—108.

ЛИТЕРАТУРА О М. М. КОВАЛЕВСКОМ

1. М. М. Ковалевский, ученый, государственный и общественный деятель и гражданин, сб. статей Арсеньева, Виноградова, Вагнера, Гогеля, Ивановского, Кареева И. К., Ковалевского, Кондратьева, Кони, Милюкова, Соколова, Сорокина, Туган-Барановского, Филиппова, П-гр. 1917.

2. В. М. Нечаев, М. М. Ковалевский, «Журнал министерства юстиции» № 4, СПБ 1916.

3. И. Ивановский, М. М. Ковалевский, биографический очерк, П-гр. 1916.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие редактора	3
Предисловие автора	15
<i>Лекция I.</i> — Первый период эволюции семьи. Матриархальная семья и элементы ее составляющие	17
<i>Лекция II.</i> Существовала ли матриархальная семья у арийских племен	36
<i>Лекция III.</i> Причины распада матриархальной семьи	47
<i>Лекция IV.</i> Первобытный коммунизм и происхождение частной собственности на движимое имущество	54
<i>Лекция V.</i> Второй период эволюции семьи. Патриархальная семья и ее составные элементы	64
<i>Лекция VI.</i> Патриархальная семья и ее связь с культом предков	70
<i>Лекция VII.</i> Патриархальная семья и ее связь с поземельным коммунизмом	81
<i>Лекция VIII.</i> Патриархальная семья и ее влияние на развитие моногамии	94
<i>Лекция IX.</i> Эволюция отцовской власти	105
<i>Лекция X.</i> Причины и следствия распада патриархальной семьи	114
<i>Лекция XI.</i> Третья эпоха эволюции семьи — индивидуальная семья и ее составные элементы	124
<i>Лекция XII.</i> Дальнейшая эволюция власти мужа и отца	133
<i>Лекция XIII.</i> Сельская община и ее эволюция по мере разложения семейной общины	143
<i>Лекция XIV.</i> Русский «мир» и причины его разложения	160
<i>Лекция XV.</i> Сельская община в Европе и причины ее разложения	167
Список авторов	176
Список работ М. М. Ковалевского по первобытной истории, этнографии и обычному праву	184
Литература о М. М. Ковалевском	186

Редактор *М. Косвен*
Техредактор *О. Гурова*
Корректоры: *Е. Литкенс* и
О. Гревцова

Сдано в набор 14/X 1938 г.
Подп. к печ. 28/XII 1938 г.
Формат $60 \times 92\frac{1}{16}$. Печ. л. $11\frac{3}{4}$.
Учетно-авт. л. 12,082. Зак. 4757.
Огиз № 2137. Уполномоченный
Главлита № Б-54193.
Тираж 30 тыс. экз.
Серия: Монография.
Цена 2 р. 40 к. Перепл. 1 р. 85 к.

Набрано в 1-й Образцовой
тип. ОГИЗа РСФСР треста
«Полиграфкнига». Москва, Ва-
ловая, 28. Отпечатано с гот.
матриц в тип. им. Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57. За-
каз № 63.

